

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 3 (42)

2020

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук,
профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор
Хачатуров Рудольф Леванович, доктор юридических наук, профессор
Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать 30.09.2020.

Выход в свет 19.01.2021.

Формат 60×84 1/8.

Печать цифровая.

Усл. п. л. 7,7.

Тираж 50 экз. Заказ 3-262-20.

Цена свободная.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, заместитель ректора – директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор, профессор кафедры уголовно-правовой специализации (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Гогин Александр Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Гражданское право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор (Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Ляскоуска Катажина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Олиндер Нина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Самарский национально-исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам правовой политики, конституционного законодательства и государственного управления (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М.С. Нарикбаева, Нур-Султан, Республика Казахстан).

Хачатуров Рудольф Леванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Теории и истории государства и права» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

НЕТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ В ПРАКТИКЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И.А. Александров.....	5
ПРОБЛЕМЫ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ Т.Ю. Дементьева, Н.Ф. Ангипова.....	12
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА К.И. Дюк, Т.В. Мычак, А.Р. Тахаутдинова.....	19
О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ КАТЕГОРИЙ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» И «ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ Р.В. Закомолдин, В.К. Дуюнов.....	26
ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ПОСРЕДСТВОМ ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ З.С. Лебедев.....	32
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ О.Ю. Савельева.....	37
ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ ДОВЕРИЯ К СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ И ПРОЯВЛЕНИЙ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА НА ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ Л.В. Стародубова, Л.А. Инганнаморте.....	43
ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ А.Р. Тахаутдинова, Н.Ж. Данилина, Ю.О. Мещерякова.....	49
ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ПРАВА И СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Е.В. Чуклова.....	55
НАШИ АВТОРЫ.....	63

CONTENT

ALTERNATIVE METHODS IN THE PRACTICE OF LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES I.A. Aleksandrov.....	5
PROBLEMS IN QUALIFICATION IATROGENIC CRIMES IN PRELIMINARY INVESTIGATION T.Yu. Dementieva, N.F. Angipova.....	12
SOME ISSUES OF THE EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY WITH THE IMPOSITION OF A COURT FINE K.I. Dyuk, T.V. Mychak, A.R. Takhautdinova.....	19
ON THE NECESSITY TO FIX THE CATEGORIES OF NATIONAL SECURITY AND MILITARY SECURITY IN THE CRIMINAL LAW R.V. Zakomoldin, V.K. Duyunov.....	26
THE PROBLEM OF IDENTIFYING PERSONS PARTICIPATING IN COURT SESSIONS THROUGH A WEB CONFERENCE Z.S. Lebedev.....	32
CRIMINAL LIABILITY FOR CORRUPTION CRIMES UNDER THE CURRENT RUSSIAN LEGISLATION O.Yu. Savelyeva.....	37
THE INFLUENCE OF FACTORS OF JUDICIARY SYSTEM CREDIBILITY AND LEGAL NIHILISM MANIFESTATIONS ON THE ACCESS TO JUSTICE L.V. Starodubova, L.A. Ingannamorte.....	43
COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE: THE CONCEPT AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION A.R. Takhautdinova, N.Z. Danilina, Yu.O. Meshcheryakova.....	49
CIVIL LIABILITY INSTITUTE IN THE SYSTEM OF LAW AND THE SYSTEM OF LEGAL RESPONSIBILITY E.V. Chuklova.....	55
OUR AUTHORS.....	63

И.А. Александров, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Конституционное и административное право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: нетрадиционные методы расследования преступлений; нетрадиционные формы использования специальных знаний; паракриминалистика; полиграф; парапсихология; гипноз.

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с использованием так называемых нетрадиционных методов в рамках деятельности по расследованию преступлений. Актуальность исследования обусловлена теми возможностями, которые открывает применение гипнорепродукционного опроса и некоторых других нетрадиционных методов в практике правоохранительных органов. В частности, анализируются вопросы, связанные с определением понятия «нетрадиционные методы расследования преступлений» и его соотношением с рядом других терминов: «нетрадиционные формы использования специальных знаний», «псевдонаучные методы раскрытия преступлений» и др. Определенное внимание уделяется такому термину, как «паракриминалистика», который представляется довольно неоднозначным и неоднородным по содержанию. Обращается внимание на признаки, свойственные нетрадиционным методам расследования преступления: единичность случаев применения, применение для разрешения редких, нестандартных следственных ситуаций, уникальность и тому подобные характеристики. Помимо этого рассматривается вопрос о перечне данных методов и вариантах их классификации. Так, анализируется возможность деления нетрадиционных методов расследования преступлений в зависимости от степени их признанности учеными-криминалистами и сотрудниками правоохранительных органов. В заключение предлагается возможный вариант обобщенного определения понятия «нетрадиционные методы расследования преступлений» и выделяются некоторые методы, которые так или иначе можно в настоящее время отнести к числу нетрадиционных (составление психологического портрета преступника или жертвы, одорологическая экспертиза, производимая путем выборки, использование полиграфа, экстрасенсорных способностей отдельных лиц и метод гипнорепродукции). Отмечается нецелесообразность характеристики перечня указанных методов как исчерпывающего.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данной темы обусловлена в первую очередь теми перспективами, которые открывает перед органами предварительного следствия и дознания практическая реализация предложений о применении в следственной практике гипнорепродукционного опроса и некоторых других нетрадиционных методов расследования преступлений. Представляется, что применение этих приемов и способов в правоохранительной деятельности позволит, в частности, увеличить процент раскрываемости по определенным категориям уголовных дел и тем самым будет способствовать достижению целей уголовного судопроизводства и соблюдению прав и законных интересов его участников (а отнюдь не их нарушению, как полагают, например, критики идеи применения гипнорепродукционного опроса). Не менее важно для обеспечения прав и свобод граждан, чтобы сотрудники правоохранительных органов имели представление о неправомερных способах использования гипнотического воздействия и иных сопряженных с этим вопросах, что позволит более эффективно реагировать на соответствующие противоправные деяния.

Высказываются диаметрально противоположные точки зрения по поводу возможности применения тех или иных нетрадиционных методов в ходе расследования преступлений [1–3]. При этом в значительной части работ основное внимание уделяется характеристике тех или иных отдельных методов, причисляемых к нетрадиционным [4–6]. Вопросы же, связанные с общей характеристикой нетрадиционных методов расследования преступлений и иных сходных по смыслу понятий, часто освещаются лишь фрагментарно, отмечается недос-

таточная разработанность, дискуссионность определения соответствующих терминов и их признаков. В связи с этим для более детального изучения данных вопросов целесообразно обратиться к различного рода работам, в том числе написанным в 1990-х – начале 2000-х годов [7–9].

Методологическую основу исследования составляет система всеобщих, общенаучных, частнонаучных и частноправовых методов. Наряду с общенаучными формально-логическими методами (индукция, дедукция, анализ, синтез и т. п.) используется формально-юридический метод, позволяющий уяснить формулировки анализируемых нормативных положений.

Цель работы – выявление обобщенного определения понятия «нетрадиционные методы расследования преступлений» на основе анализа различных точек зрения по данному вопросу и формулирование с учетом этого перечня таких методов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Понятие «нетрадиционные методы расследования преступлений»: определение и признаки

В науке в конце XX века произошел ряд весьма существенных изменений. Речь в данном случае идет о том, что отклонение от строгих норм научной рациональности становилось все более допустимым, а нарушение принятых стандартов стало рассматриваться в качестве неперемennого условия и показателя динамики научного знания. Данные тенденции в определенной мере характерны и для отечественной криминалистики и связаны с понятием «нетрадиционные

методы расследования преступлений». Хотя некоторые из методов, относимых к данной категории, применялись в единичных случаях и до указанного момента, всплеск интереса к ним в нашей стране приходится именно на 90-е годы XX века. Представляется, что этот процесс связан не столько с падением профессионального уровня следователей, увеличением числа нераскрытых преступлений или кампанией по дискредитации правоохранительных органов [7; 10], сколько с вышеизложенными изменениями в научном мировоззрении.

Что касается самой категории «нетрадиционные методы расследования преступлений», то это специфический термин, который нуждается, с одной стороны, в качестве новых научных разработках, а с другой, – в практической апробации [8]. Процесс определения данного термина можно начать с буквального толкования составляющих его элементов. Уточним, что расследование преступлений понимается нами в обычном смысле, т. е. как деятельность органов дознания, предварительного следствия и иных уполномоченных органов, направленная на раскрытие преступления. Соответственно, употребляемое некоторыми авторами понятие «нетрадиционные методы раскрытия преступлений» можно рассматривать как идентичное по содержанию категории «нетрадиционные методы расследования преступлений».

В противовес понятию «традиционный» под нетрадиционным следует понимать что-либо ограниченное единичными случаями, непринятое или не апробированное практикой.

Метод (от греч. *méthodos* – «путь исследования, теория, учение») – способ достижения какой-либо цели, решения конкретной задачи; совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения (познания) действительности¹. В литературе, посвященной рассматриваемой тематике, можно также встретить употребление в качестве равнозначного термину «метод» такого понятия, как «форма использования специальных знаний» [8].

Здесь следует отметить, что действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001 (в ред. от 24.04.2020) не содержит определения термина «специальные знания», лишь в ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 26.07.2019) упоминается о специальных знаниях в области науки, техники, искусства или ремесла, которые используются при производстве экспертиз. В теории уголовного процесса также нет единого понимания категории «специальные знания»; кроме того, не решен вопрос о ее соотношении с категорией «специальные познания» (фигурирует в ст. 80 УПК РФ) [11].

Не углубляясь в полемику между различными авторами по поводу термина «специальные знания» в уголовном процессе, для целей настоящего исследования можно использовать следующую обобщенную дефиницию, сформулированную И. И. Трапезниковой: «Специальные знания – это система научно обоснованных

и практически апробированных знаний теоретического и прикладного характера и специальных умений, используемых в порядке и целях, установленных уголовно-процессуальным законом» [12]. При этом подчеркивается, что критерий научности вводится не только для того, чтобы отграничить специальное знание от «обыденного» и общеизвестного, – он также предполагает официальность, подтвержденность, достоверность и тому подобные характеристики соответствующего знания.

На основе этого критерия возможно отграничение специальных знаний (в уголовно-процессуальном смысле) от знаний, именуемых специализированными. В последнем случае имеются в виду любые знания, которые выделены в отдельную совокупность по причине специализации деятельности человека в соответствующем направлении познания [12]. Именно к этой последней категории относят различные эзотерические и мистические учения и практики, а также непроверенные гипотезы, экспериментально не доказанные факты, созданные внутри самой науки.

С учетом вышеизложенного в настоящее время не представляется возможным рассматривать в качестве форм использования специальных знаний (в уголовно-процессуальном смысле) ряд нетрадиционных методов расследования преступлений, связанных с использованием экстрасенсорных способностей человека, а также иных парапсихологических и оккультных знаний. Исходя из вышесказанного, понятие «нетрадиционные методы расследования преступлений» можно охарактеризовать как более обширное по своему содержанию, в которое наряду с другими компонентами входят и нетрадиционные формы использования специальных знаний.

Переходя к рассмотрению общего определения понятия «нетрадиционные методы расследования преступлений», следует отметить, что по данному вопросу в научной литературе отсутствует единая точка зрения [9]. Например, Е.П. Гришина выделяет следующие признаки, которые, по ее мнению, присущи анализируемой категории:

- 1) единичность случаев применения;
- 2) применение для разрешения следственных ситуаций, для которых характерны редкость, нестандартность; при этом, как правило, невозможно их разрешение посредством других способов;
- 3) уникальность;
- 4) непринятие или неапробированность на практике соответствующих знаний;
- 5) связь с исключительными возможностями человеческого организма;
- 6) недостаточная научная изученность;
- 7) ограниченная возможность либо невозможность использования в рамках судебного заседания;
- 8) перспективность применения данных методов в практике расследования и раскрытия уголовных дел [8].

На основе сформулированных признаков Е.П. Гришина определяет нетрадиционные формы использования специальных знаний (в данном случае они не разграничиваются с нетрадиционными методами) как «ограниченные единичными случаями способы привлечения к установлению истины по уголовному делу лиц, обладающих редкими, недостаточно изученными наукой

¹ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1981. 1600 с.

и апробированными практикой знаниями, имеющими длительную историю существования, характер которых определяется исключительными способностями человеческого организма, приверженностью определенным традициям, принадлежностью к этнической группе и некоторыми другими обстоятельствами» [8, с. 54]. Однако автор сразу же делает оговорку, что изложенный вариант определения неприемлем для так называемого нетрадиционного экспертного исследования. Речь идет об исследовании, которое не имеет широкого распространения и используется в целях разрешения единичных следственных ситуаций, но при этом не допускается применение не признанных наукой методик. К тому же такой предполагаемый признак нетрадиционных методов расследования преступлений, как связь с исключительными способностями человеческого организма, может касаться лишь парапсихологических и оккультных методик, но отнюдь не всей рассматриваемой категории в целом.

В качестве более обоснованного можно рассматривать следующее обобщенное определение термина «нетрадиционные методы расследования преступлений»: приемы и способы, которые не приняты практикой в качестве рабочих, постоянных и используются на различных этапах расследования преступлений для разрешения единичных следственных ситуаций (подобное определение использовалось в отношении схожего по смыслу понятия «нетрадиционные методы исследования в криминалистике» [13]). Что касается причин упомянутого непринятия, то они могут быть разного рода: а) невозможность проверки полученных результатов; б) обусловленность этих методов определенными сверхспособностями человеческого организма; в) неустойчивость соответствующих знаний в практике; г) недостаточный уровень развития науки на современном этапе. Таким образом, понятие «нетрадиционные методы расследования преступлений» характеризуется в качестве нестабильного, преходящего. При наличии определенных условий (например, стабильности, проверяемости) подобные методы трансформируются в традиционные. Так, упоминается осуществляемое в целях анализа и генной идентификации тканей исследование ДНК, которое перешло в разряд традиционных методов [8].

Соотношение понятия «нетрадиционные методы расследования преступлений» с иными терминами

Завершая рассмотрение понятия «нетрадиционные методы расследования преступлений», следует сказать несколько слов о его соотношении с такими терминами, как «псевдонаучные методы раскрытия преступлений» и «паракриминалистика». Первый из них использовался П. Кабановым для обозначения методов раскрытия преступлений, сопряженных с использованием экстрасенсорных способностей человека, а также сведений о физиогномике, хирологии и астрологии [10]. Употребляемый А.М. Лариным термин «паракриминалистика» (от греч. *para* – «около», «при») еще более обширен по содержанию и охватывает следующие методики: раскрытие преступлений на основе непосредственного использования философских категорий и законов; выявление преступников на основе их генетических либо анатомических признаков; восстановление по черепу убитого его внешности; определение возраста, пола лица,

совершившего убийство, на основе сведений о потерпевшем и о месте совершения соответствующего преступления; установление преступника по запаху; использование при расследовании преступления гипноза, полиграфа, экстрасенсорных способностей человека и др. [2].

Какого-либо четкого определения вышеназванных терминов ни тем, ни другим автором не сформулировано. Так, вряд ли можно признать таковым замечание А.М. Ларина, что паракриминалистика находится в тех же отношениях с криминалистикой, в каких астрология, алхимия, парапсихология (именуемые данным автором не иначе как «придурковатые родственницы» почтенных наук) состоят с астрономией, химией и психологией соответственно [2]. Единственная попытка сформулировать определение вышеупомянутого термина сделана в аннотации к пособию А.М. Ларина «Криминалистика и паракриминалистика», где указано следующее: «В пособии освещены проблемы паракриминалистики – совокупности приемов раскрытия преступлений, которые еще не получили достоверного естественнонаучного, правового и этического обоснования, но уже рекомендованы разработчиками как эффективные новшества и внедряются в следственную практику» [2, с. 4]. Однако характеристика тех или иных методов в качестве паракриминалистических (а равно и псевдонаучных) в значительной мере осуществляется не на основе научной аргументации, а посредством употребления экспрессивных выражений и ссылок на крылатые выражения и художественные произведения [2; 10]. Небезынтересен тот факт, что вышесказанное, по сути, признает и сам А.М. Ларин, который отмечает следующее: «Постоянно думаю о ее (имеется в виду криминалистика. – И. А.) проблемах, радуясь ее достижениям, горюю от неудач. Поэтому все написанное мною об этой науке во многом личностное, субъективное. Но иначе не могу» [2, с. 10].

В целом термин «паракриминалистика» представляется довольно неоднородным и неоднозначным: наряду с такими нетрадиционными методами расследования преступлений, как одорологическая экспертиза, применение полиграфа, гипноза и экстрасенсорных способностей человека, анализируются положения научных работ середины 70-х годов, касающихся теории конфликтного следствия, алгоритмизации раскрытия убийств и концепции о генетической предрасположенности к совершению преступлений. При этом в последнем случае отмечается, что в центре внимания И.С. Ноя (автор упомянутой концепции. – И. А.) не преступность, а преступление, акт индивидуального поведения. В этой части криминология, по указанию А.М. Ларина, пересекается с криминалистикой, для которой причины конкретного преступления – звено в цепи обстоятельств, приводящих к обнаружению и изобличению преступника [2]. Однако за исключением сказанного в соответствующей главе пособия «Криминалистика и паракриминалистика» рассматривается зависимость поведения человека от того или иного сочетания генов, а отнюдь не криминалистические аспекты вышеназванной концепции, что вызывает сомнения в целесообразности ее включения в понятие «паракриминалистика».

Кроме того, вызывает недоумение отнесение к паракриминалистическим методам скульптурной реконструкции

лица по черепу (метода профессора М.М. Герасимова), а также диалектического метода. В первом случае аргументация А.М. Ларина основана на двух уголовных делах середины XX века, неверное расследование которых было обусловлено использованием в качестве доказательств результатов скульптурной реконструкции [2]. Между тем в расчет не принимаются положения, содержащиеся в современной криминалистической литературе, согласно которым полученный скульптурный портрет может быть предъявлен для узнавания, сопоставлен с прижизненным изображением лица, которое пропало без вести. Подчеркивается, что результаты подобных действий доказательственного значения не имеют, так как в основе создания скульптурного портрета лежат как объективные данные, так и субъективные, привносимые лицом, создающим данный портрет. Указывается, что по обозначенной причине такого рода скульптурный портрет не может быть объектом экспертного исследования [14].

Что касается категорий материалистической диалектики, то они рассматриваются А.М. Лариным не сами по себе, а как часть «марксистско-ленинской теории познания» [2]. Соглашаясь с критикой идеологической составляющей мы тем не менее не можем признать обоснованным отрицание роли материалистической диалектики самой по себе, поскольку ее законы имеют всеобщее значение и равно применимы во всех разновидностях процесса познания. В частности, методология криминалистических исследований основывается на диалектическом подходе. Большое значение в криминалистике имеют положения диалектики о способности материи к отражению, о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений. В качестве примера приводится возможность анализа самых различных форм отражения в процессе расследования преступлений: от простейших, связанных с контактным взаимодействием двух объектов, и до психофизиологических, которые касаются запечатления фактов в сознании людей. Кроме того, в основе метода криминалистической идентификации лежит учение о единичном (объект тождествен только самому себе) и особенном (установление групповой принадлежности объекта) [14].

Таким образом, термин «паракриминалистика» является более обширным по сравнению с понятием «нетрадиционные методы расследования преступлений» и характеризуется (по крайней мере, при его употреблении А.М. Лариным) негативной оценкой к составляющим его содержание методикам как к несовместимым с научной и судебной этикой.

Сходная смысловая окраска присуща и понятию «псевдонаучные методы раскрытия преступлений», которое в интерпретации П. Кабанова, судя по всему, соотносится с такой разновидностью нетрадиционных методов расследования преступлений, как парапсихологические методы. Однако в последнем случае возникает вопрос: относится ли к разряду парапсихологических знаний и методик упоминаемые данным автором физиогномика (т. е. искусство узнавать характер человека по его наружности) и некоторые психологические тесты (например, выборка из серии фотографий снимков людей, наиболее симпатичных допрашиваемому [10])? Эти, а также перечисленные выше недостатки, по нашему мнению, позволяют высказать сомнение в науч-

ной обоснованности использования терминов «паракриминалистика» и «псевдонаучные методы раскрытия преступлений» и в их содержании.

Перечень нетрадиционных методов расследования преступлений и их классификация

Довольно спорным представляется вопрос и о перечне методов расследования преступлений, относимых к категории нетрадиционных. Так, А.М. Ларин в статье «Нетрадиционные методы расследования преступлений» упомянул три таких метода: допросы с применением гипноза, использование полиграфа и обращение к ясно-видящим за содействием в расследовании преступлений [7]; аналогичный перечень называют также П.Г. Марфицин и О.О. Климова в работе «Использование нетрадиционных видов познаний в уголовном судопроизводстве» [15]. В качестве еще одного примера можно упомянуть нетрадиционные средства получения значимой для расследования преступлений информации, к которым в учебнике по криминалистике под редакцией Р.С. Белкина причисляются одорологическая экспертиза, производимая путем выборки, и детекция эмоционального состояния человека по его психофизиологическим реакциям на действие словесного раздражителя (т. е. использование полиграфа) [14].

Отдельно следует сказать о перечне нетрадиционных форм использования специальных знаний, который выделяет и рассматривает как классификацию Е.П. Гришина [8]. По сравнению с приведенными выше примерами данный перечень более обширен и включает в себя:

- 1) анализ психофизических и поведенческих особенностей личности потерпевшего либо обвиняемого (т. е. составление психологического портрета преступника или жертвы);
- 2) исследование индивидуальных биологических особенностей организма (имеется в виду одорологическое исследование и выборка);
- 3) изучение психофизических реакций, свойств организма человека при получении словесной информации, которое направлено на выявление ее сокрытия и умышленного искажения (иными словами, речь идет о применении полиграфа);
- 4) использование экстрасенсорных способностей отдельных лиц;
- 5) психофизическое воздействие на подсознание (т. е. гипнотическое воздействие).

Вместе с тем данный перечень не рассматривается в качестве исчерпывающего, поскольку, по замечанию вышеуказанного автора, существует возможность применения в процессе расследования преступлений методик, связанных с такими отраслями знаний, как демонология, хирология, теософия, кинесика, физиогномика, теургия [8]. То, что последнее утверждение небезосновательно, в частности, подтверждается высказывавшимся в юридической литературе мнением о необходимости привлечения к уголовной ответственности «колдунов, причиняющих ущерб третьим лицам посредством обращения к злым духам» [16; 17].

В целом можно согласиться с точкой зрения Е.П. Гришиной в вопросе о перечне нетрадиционных методов расследования преступлений, однако здесь требуется одно важное уточнение. В логике под классификацией понимается «особого рода деление или система делений,

которые произведены с точки зрения характеристик, существенных для решения теоретической или практической задачи, так что по месту предмета в классификации можно судить о его признаках»². Соответственно, если сопоставить данное понятие и вышеприведенный перечень нетрадиционных методов расследования преступлений, то можно прийти к выводу, что последний вряд ли может именоваться классификацией, поскольку отсутствует какое-либо четкое основание проводимого деления.

Если же говорить о действительной классификации нетрадиционных методов расследования преступлений, то, по нашему мнению, в зависимости от степени их признанности учеными-криминалистами и сотрудниками правоохранительных органов можно произвести следующее деление (достаточно условное):

1) нетрадиционные методы, сама возможность применения которых в расследовании преступлений по каким-либо причинам является спорной (например, применение экстрасенсорных способностей человека, гипнорепродукционный опрос);

2) нетрадиционные методы, которые с точки зрения большинства юристов допустимы в процессе расследования преступлений и в отношении которых дискуссионным остается вопрос о том, имеет ли информация, полученная в результате их применения, доказательственный либо ориентирующий характер (например, одорологический метод).

При этом можно выделить своеобразную промежуточную группу, куда входит, в частности, использование полиграфных устройств: если еще в конце 90-х годов XX века рядом авторов отрицалась сама возможность применения полиграфа в деятельности правоохранительных органов [2; 7; 14], то в последние годы polemичным стал вопрос о допустимости проведения судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа [18–20].

В качестве другого основания классификации нетрадиционных методов расследования преступлений может выступать их принадлежность к тем или иным отраслям знаний; косвенным подтверждением уместности такого рода классификации является выделение А.М. Столяренко так называемых нетрадиционных психологических методов раскрытия и расследования преступлений, к которым он относит использование психологического портрета предполагаемого преступника, гипнорепродукционный опрос и использование экстраординарных психофизиологических («экстрасенсивных») способностей человека при раскрытии преступлений [21]. Впрочем, возможны и иные варианты классификации рассматриваемых методов, например, можно встретить упоминание о следующих трех группах: 1) нетрадиционные для уголовно-процессуальной сферы методы, получившие разработку в других отраслях научных знаний (гипнология); 2) методы, порожденные криминалистикой, но не получившие всеобщего признания (криминалистическая одорология); 3) методы околонанучного знания (парапсихология) [9].

ВЫВОДЫ

В качестве более обоснованного можно рассмотреть следующее обобщенное определение термина «нетрадиционные методы расследования преступлений»: приемы и способы, которые не приняты практикой в качестве рабочих, постоянных и используются на различных этапах расследования преступлений для разрешения единичных следственных ситуаций. Что касается причин упомянутого непринятия, то они могут быть разного рода: а) невозможность проверки полученных результатов; б) обусловленность этих методов определенными сверхспособностями человеческого организма; в) невосребованность соответствующих знаний в практике; г) недостаточный уровень развития науки на современном этапе. Понятие «нетрадиционные методы расследования преступлений» характеризуется в качестве нестабильного, преходящего, поскольку при наличии определенных условий (например, стабильности, проверяемости) подобные методы трансформируются в традиционные. Понятие «нетрадиционные методы расследования преступлений» охватывает и составление психологического портрета преступника или жертвы, одорологическую экспертизу, производимую путем выборки, использование полиграфа, экстрасенсорных способностей отдельных лиц и метод гипнорепродукции, однако данный перечень не является исчерпывающим, так как существует возможность применения в следственной практике достижений и других наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смолькова И.В. Нетрадиционные методы расследования преступлений и доказывание // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2017. № 5. С. 30–34.
2. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. М.: БЕК, 1996. 192 с.
3. Гримак Л.П. Гипноз и преступность. М.: Республика, 1997. 304 с.
4. Макогон И.В., Косарева Л.В., Косарев В.Н. О нетрадиционных методах обеспечения расследования преступлений // *Законность и правопорядок в современном обществе*. 2010. № 2-1. С. 210–215.
5. Карпенко О.А. Использование нетрадиционных специальных знаний в разоблачении заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших // *Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России*. 2018. № 1. С. 125–130.
6. Мазур Е.С., Иванов И.В. Возможности использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений // *Уголовная юстиция*. 2016. № 1. С. 121–126.
7. Ларин А.М. Нетрадиционные методы раскрытия преступлений // *Государство и право*. 1995. № 9. С. 60–66.
8. Гришина Е.П. Нетрадиционные (неклассические) формы использования специальных знаний: современное состояние и перспективы применения // *Современное право*. 2005. № 11. С. 54–59.
9. Смолькова И.В. Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений с позиции процессуалиста // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2017. № 1. С. 62–67.

² *Словарь философских терминов / под ред. В.Г. Кузнецова. Т. XVI. М.: ИНФРА-М, 2005. XVI, 731 с.*

10. Кабанов П. О псевдонаучных методах раскрытия преступлений // *Законность*. 1997. № 1. С. 31–34.
11. Смолькова И.В. «Специальные знания» или «специальные познания»: соотношение понятий // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2019. С. 77–81.
12. Трапезникова И.И. Понятие «специальные знания» в российском уголовном процессе: комментарий к статьям 57, 58, 80 УПК РФ // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.
URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=C9254342C66325FD3854E50492600759&SORTTYPE=0&BASENODE=32799&ts=172188053106534657104887183&base=CMB&n=15508&rnd=98FEEAFA1B9E75B2B1028A7060BFE585#2gyizs38jo4.
13. Попов А.И. Отдельные вопросы использования нетрадиционных технологий в деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 1. С. 160–165.
14. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. М.: НОРМА, 2001. 990 с.
15. Марфицин П.Г., Климова О.О. Использование нетрадиционных видов познаний в уголовном судопроизводстве. Омск: ОмГУ, 1998. 28 с.
16. Куприянов А. «Темные силы» как субъект преступления // *Российская юстиция*. 2001. № 8. С. 73–74.
17. Китаев Н. Магия и право: мифы и действительность // *Российская юстиция*. 2001. № 12. С. 58–60.
18. Китаев Н. Психофизиологическая экспертиза – «незаконнорожденное дитя» ОРД // *Законность*. 2007. № 3. С. 37–40.
19. Галушко А.В., Ильясов Д.Б., Щербаченко А.К. Проблемы применения полиграфа в уголовном процессе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 7. С. 86–88.
20. Попова И.П. Полиграф в уголовном судопроизводстве: за и против // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2019. № 4. С. 126–134.
21. Прикладная юридическая психология / под ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 639 с.
- Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii*, 2018, no. 1, pp. 125–130.
6. Mazur E.S., Ivanov I.V. Use of special knowledge in investigation of crimes. *Ugolovnyaya yustitsiya*, 2016, no. 1, pp. 121–126.
7. Larin A.M. Alternative methods of crime uncovering. *Gosudarstvo i pravo*, 1995, no. 9, pp. 60–66.
8. Grishina E.P. Alternative (unconventional) forms of using special knowledge: current state and the prospects of application. *Sovremennoe pravo*, 2005, no. 11, pp. 54–59.
9. Smolkova I.V. Unconventional methods of crime detection and crime investigation from the perspective of processualist. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*, 2017, no. 1, pp. 62–67.
10. Kabanov P. Concerning the quasi-scientific methods of crime uncovering. *Zakonnost*, 1997, no. 1, pp. 31–34.
11. Smolkova I.V. “Special knowledge” or “expertise”: the correlation of concepts. *Aktualnye problemy kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskiy institut MVD RF Publ., 2019, pp. 77–81.
12. Trapeznikova I.I. The concept of special knowledge in the Russian criminal procedure: comments to Articles 57, 58, 80 of the RF CPC. *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*.
URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=C9254342C66325FD3854E50492600759&SORTTYPE=0&BASENODE=32799&ts=172188053106534657104887183&base=CMB&n=15508&rnd=98FEEAFA1B9E75B2B1028A7060BFE585#2gyizs38jo4.
13. Popov A.I. Selected aspects of applying non-conventional technologies in crime detection, investigation and clearance. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2013, no. 1, pp. 160–165.
14. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. *Kriminalistika* [Forensics]. Moscow, NORMA Publ., 2001. 990 p.
15. Marfitsin P.G., Klimova O.O. *Ispolzovanie netraditsionnykh vidov poznanii v ugolovnom sudoproizvodstve* [The application of the alternative types of expertise in the criminal procedure]. Omsk, OmGU Publ., 1998. 28 p.
16. Kupriyanov A. “Dark forces” as a subject of a crime. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2001, no. 8, pp. 73–74.
17. Kitaev N. Magic and law: myths and reality. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2001, no. 12, pp. 58–60.
18. Kitaev N. Psycho-physiological expertise is an “illegitimate child” of criminal intelligence operations. *Zakonnost*, 2007, no. 3, pp. 37–40.
19. Galushko A.V., Ilyasov D.B., Shcherbachenko A.K. The problems of application of the polygraph in criminal proceedings. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*, 2019, no. 7, pp. 86–88.
20. Popova I.P. Polygraph in criminal proceedings: pros and cons. *Izvestiya Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2019, no. 4, pp. 126–134.
21. Stolyarenko A.M., ed. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2001. 639 p.

REFERENCES

- Smolkova I.V. Non-traditional methods of investigating crimes and proving. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2017, no. 5, pp. 30–34.
- Larin A.M. *Kriminalistika i parakriminalistika* [Forensics and para-forensics]. Moscow, BEK Publ., 1996. 192 p.
- Grimak L.P. *Gipnoz i prestupnost* [Hypnosis and Crime]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 304 p.
- Makogon I.V., Kosareva L.V., Kosarev V.N. Concerning the alternative methods of ensuring the crime investigation. *Zakonnost i pravoporyadok v sovremennom obshchestve*, 2010, no. 2-1, pp. 210–215.
- Karpenko O.A. Unconventional special knowledge in exposing the false testimony of witnesses and victims.

ALTERNATIVE METHODS IN THE PRACTICE OF LAW ENFORCEMENT AUTHORITIES

© 2020

I.A. Aleksandrov, PhD (Law), assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: alternative methods of crime investigation; alternative forms of using special knowledge; paracriminalistics; polygraph; parapsychology; hypnosis.

Abstract: The paper considers some issues related to the application of so-called alternative methods within the crime investigation activity. The relevance of the study is caused by the opportunities opened by the use of hypno-reproductive inquiry and some other alternative methods in the practice of law enforcement authorities. Thus, the author analyzes the issues related to determining the concept of the alternative methods of crime investigation and its correlation with some other terms: alternative forms of using specialized knowledge, quasi-scientific methods of crime uncovering, etc. The author draws special attention to the notion of paracriminalistics, which is complex and non-uniform in content. The author draws attention to the attributes of alternative methods of crime investigation: application singularity, application to solve rare, non-standard investigative situations, the uniqueness, and similar characteristics. Moreover, the paper considers the issue of listing these methods and variants of their classification. Thus, the author analyzes the possibility of dividing alternative methods of crime investigation depending on the degree of their recognition by the criminalists-scientists and law enforcement employees. As a result, the author proposes a possible variant of an integrated definition of a concept of alternative methods of crime investigation and highlights some methods, which currently anyhow can be considered alternative (offender or victim profiling, scent evidence analysis carried out through selection, the use of the polygraph, psychic powers of some people, and hypno-reproduction method). The author says about the impracticality to characterize the list of these methods as a complete one.

ПРОБЛЕМЫ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

© 2020

Т.Ю. Дементьева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Н.Ф. Ангинова, преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: ятрогения; ятрогенные преступления; квалификация ятрогенных преступлений; медицинский работник; медицинские услуги; ненадлежащее оказание медицинской помощи.

Аннотация: В уголовном праве сформировалось понятие «ятрогенные преступления», включающее в себя целую группу преступлений против жизни и здоровья человека, которые совершаются в случае нарушения медицинскими работниками правил оказания медицинской помощи в процессе исполнения своих профессиональных обязанностей. В работе авторы последовательно анализируют проблемы квалификации ятрогенных преступлений в ходе предварительного расследования, используя исследование дефиниций понятия «ятрогения», проведенное с целью определения смыслового значения и сущности данного термина для более четкого понимания его употребления при квалификации преступлений в сфере обеспечения охраны жизни и здоровья граждан. Отмечена необходимость внесения в УК РФ специальных норм, регламентирующих преступления, совершенные медицинскими работниками, нарушившими медицинские правила либо стандарты при исполнении своих профессиональных обязанностей, что повлекло за собой наступление смерти либо тяжкого вреда здоровью пациента. Сформулированы и обоснованы предложения о внесении следующих изменений в УК РФ: выделить специальный субъект преступления (медицинский работник) и исключить из группы «ятрогенные преступления» ст. 293 УК РФ; привлекать к уголовной ответственности лиц, предоставляющих медицинскую помощь как в рамках договоров, так и при их отсутствии; уголовная ответственность медицинского работника должна наступать только при наличии вины в форме неосторожности по отношению к деянию и последствиям, а также при наступлении смерти либо тяжкого вреда здоровью.

ВВЕДЕНИЕ

Обеспечение охраны жизни и здоровья граждан является приоритетной задачей каждого цивилизованного государства. Данное право определено нормами международного права и закреплено во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, где отражен его комплексный характер. Одним из основных прав является «обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья»¹ независимо ни от каких условий и признаков. Позиция Российской Федерации в этом вопросе отражена в Конституции РФ в ст. 41 и в ФЗ от 21.11.2011 № 323 «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» в ст. 18, а ст. 4 и 11 регламентируют недопустимость отказа гражданину в оказании медицинской помощи.

Здоровье – естественное благо и ценность каждого человека, поэтому оно становится объектом уголовно-правовой охраны. В последние годы в доктрине уголовного права начал формироваться новый подход к преступлениям в сфере здравоохранения, получившим название «ятрогенные преступления».

Мы провели анализ дефиниции понятия «ятрогения» с целью определения сущности термина для дальнейшего его употребления при квалификации преступлений в сфере обеспечения охраны жизни и здоровья граждан. Ятрогения – слово древнегреческого происхождения (*iatros* – «врач» + *gennaio* – «создавать, производить»), означающее, согласно «Большой медицин-

ской энциклопедии», изменения здоровья пациента к худшему, вызванные неосторожным действием или словом врача². Расстройства здоровья, возникающие в результате непродуманных слов и действий врача, были знакомы медикам древности, однако термин «ятрогения» стал известен широкому кругу только в 1925 году, когда был введен в научный оборот после опубликования статьи немецкого психиатра О. Вумке «Врач как причина душевных расстройств» [1], которая не была переведена на русский язык. С этого времени концепция ятрогении активно исследуется специалистами разных клинических профилей.

В «Словаре новых иностранных слов» Н.Г. Комлева и «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина «ятрогения» означает возникшее заболевание от неправильно истолкованного больным слова или поведения врача, от прочитанной медицинской литературы и т. п.³ В «Психологической энциклопедии» ятрогения определяется как ухудшение состояния больного от неосознанных действий врача, которые внушают ему негатив⁴, а в «Сексологической энциклопедии», – как вред, причиненный состоянию здоровья больного ошибочными действиями медицинских работников⁵.

При рассмотрении словарных определений можно отметить многообразие и многозначность понятия

² *Ятрогенные заболевания // Большая медицинская энциклопедия под ред. Б.В. Петровского, издание третье, онлайн-версия.*

URL: https://бмэ.орг/index.php/ЯТРОГЕННЫЕ_ЗАБОЛЕВАНИЯ.

³ *Комлев Н.Г. Словарь новых иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1168 с. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008. 944 с.*

⁴ *Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. 301 с.*

⁵ *Сексологическая энциклопедия.*
URL: <http://slovariki.org/seksologiceskaa-enciklopedia>.

¹ *Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) (Принят в г. Нью-Йорке 22.07.1946) (с изм. от 24.05.1973) // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.*

URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=dock&base=MED&n=7787#06191351884544245_2

«ятрогения». Популярность ятрогенной тематики на различных уровнях рождает все новые, иногда даже противоречивые трактовки. Но можно сказать однозначно, что это медицинское воздействие врача и (или) любого медицинского работника, а равно и всей системы здравоохранения на пациента, которое может быть противоположным, а именно: своевременным или несвоевременным, позитивным или негативным, профессиональным или дилетантским, как следствие – надлежащим или ненадлежащим. Можно сказать кратко, что ятрогения – это брак в работе медиков [2]. Дефиниция понятия «ятрогения» будет использована нами в современной трактовке.

Преступления против здоровья человека занимают в структуре преступности в Российской Федерации значительное место. Согласно уголовной статистике Следственного комитета РФ (СК РФ), в 2017 году в суд направлено 175 уголовных дел по факту врачебных ошибок, в сравнении с 2016 годом – на 11 дел больше. 74,7 % врачей, осужденных в 2017 году, обвинялись в причинении смерти по неосторожности (ст. 109 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)); за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), – 10,9 %; за причинение тяжкого вреда по неосторожности (ст. 118 УК РФ) – 6,3 %; оставшиеся – за халатность и неоказание помощи больному⁶.

В уголовном праве сформировалось понятие «ятрогенные преступления», что незамедлительно вызвало интерес к нему и дискуссию в сообществе юристов – как теоретиков, так и практикующих специалистов. Авторы ряда научных публикаций отмечали особенности элементов состава преступных ятрогений, что позволило выделить их в отдельную разновидность преступлений, совершаемых в сфере здравоохранения против жизни и здоровья человека, при нарушении медицинскими работниками правил оказания медицинской помощи в процессе исполнения своих профессиональных обязанностей [3–5]. Такие преступления представляются наиболее общественно опасными в ряде преступных деяний в области медицинской деятельности, так как возникают при отношениях между медицинским работником и пациентом, доверившим свое здоровье, жизнь врачу в надежде на его профессиональные знания и нравственные качества [6]. Другие авторы поднимали вопросы, появляющиеся при квалификации данных преступлений по отдельным статьям УК РФ и привлечении медицинских работников к уголовной ответственности [7–9]. Ряд юристов отмечают, что отечественное уголовное законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании, и указывают путь решения многих проблем во внесении изменений в УК РФ [10–12]. Целесообразность соответствующих изменений неоднократно отмечали и сотрудники СК РФ А.М. Багмет и Т.Н. Петрова [13; 14].

В июле 2018 года руководителем СК РФ А.И. Бастрыкиным предложено введение новых статей в главу 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья»: ст. 124.1 «Ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги)», ст. 124.2 «Соккрытие нару-

шения оказания медицинской помощи» – и изложение в новой редакции ст. 235 «Незаконное осуществление медицинской и (или) фармацевтической деятельности», которые исключают возможность квалификации действий по ст. 109, 118, 238, 293 УК РФ⁷. Согласимся и мы с тем, что внесение указанных изменений в УК РФ повысит четкость юридических формулировок, позволит исключить ошибки правоприменения, снимет возникающие на практике спорные вопросы квалификации, так как изменения направлены на защиту прав медицинских работников и прав самих пациентов. Они не ужесточают наказание за совершенное преступление, а упорядочивают применение уголовного закона.

Проблемы квалификации ятрогенных преступлений в уголовно-правовой науке и их причины не исследованы специалистами до конца. Предложенные изменения не устранят выявленные нами проблемы, с которыми сталкиваются в практической деятельности следователи и дознаватели, так как не затрагивают все указанные в статье элементы составов преступлений, поэтому данная тема по-прежнему остается актуальной.

Цель исследования – рассмотрение проблем квалификации ятрогенных преступлений в ходе расследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблемы при определении элементов состава преступления

Увеличение количества возбужденных уголовных дел против медицинских работников вызывает некое противостояние следственных органов и медицинского сообщества. Наступление тяжких последствий при совершении ятрогенных преступлений, повышенное внимание общественности к их расследованию требует усиления борьбы с ними и как следствие, решение проблем, возникающих при их квалификации.

УК РФ не содержит специальных составов ятрогенных преступлений. Однако при возбуждении уголовных дел о преступлениях категории медицинских работников у следственных органов возникают затруднения в правильности квалификации преступных действий. Как результат, уголовные дела по преступлениям, совершенным медицинскими работниками при исполнении своих профессиональных обязанностей и приведшим к одним и тем же последствиям, возбуждаются по разным статьям УК РФ. Как можно объяснить подобные явления? Чаще всего это происходит при неверном определении основных элементов того или иного состава преступления, а именно субъекта преступления, объективной и субъективной сторон.

Проблема № 1 – определение субъекта деяния

Большинство уголовных дел в отношении медицинских работников возбуждаются по ст. 109 и 118 УК РФ в случае наступления смерти или вреда здоровью пациента по неосторожности, по ст. 238 УК РФ при оказании медицинских услуг, не отвечающих требованиям

⁶ РКБ: «Врачебные ошибки подводят под статью» // Следственный комитет РФ.
URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1242261/>.

⁷ РКБ: «Врачебные ошибки подводят под статью» // Следственный комитет РФ.
URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1242261/>;
<https://sledcom.ru/news/item/1240870/>.

безопасности, а также по ст. 293 УК РФ в отношении лиц, выполняющих должностные функции и допустивших их халатное выполнение. Реже преступные действия медицинских работников квалифицируются по ст. 122 (при заражении пациента ВИЧ-инфекцией), ст. 123 (при незаконном прерывании беременности), ст. 124 (при неоказании помощи больному), ст. 235 (при незаконном осуществлении медицинской или фармацевтической деятельности) УК РФ.

Ни в одной из перечисленных статей УК РФ не содержится прямое указание на специальный субъект, который известен нам в теории уголовного права и который мы выделяем при квалификации в разных составах преступления. Таким субъектом по профессии могут стать врачи и другие медицинские работники, осуществляющие медицинскую помощь либо оказывающие медицинские услуги. Одна из перечисленных статей, по которой возбуждаются уголовные дела в отношении медицинских работников – ст. 293 УК РФ. Вышеназванная статья относится к должностным преступлениям и своими нормами закрепляет неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, если это повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций.

В ходе расследования дел против медицинских работников следователь должен задаваться вопросом: что послужило причиной для наступления неблагоприятных последствий для пациента? И находить ответ: либо это выполнение функций должностного лица, как правило, характерных для главного врача, дежурного врача, заведующего отделением, либо выполнение профессиональных функций медицинского работника [15; 16]. А в современной медицине из-за нехватки медперсонала многие руководители не освобождены от осуществления профессиональной медицинской деятельности и одновременно осуществляют руководство. Следователь же должен четко представлять, какие правила и стандарты нарушило лицо, осуществляющее медицинскую деятельность [17].

Ввиду отсутствия единообразия квалификации действий медицинских работников в сходных клинических ситуациях и, как следствие, при допущении сходных дефектов оказания медицинской помощи, отсутствия толкования на этот счет суда высшей инстанции, правоприменители (следователи) поставлены в затруднительное положение при выявлении основных критериев, позволяющих безошибочно квалифицировать содеянное, в том числе и при определении субъекта деяния и привлечения его к уголовной ответственности по той или иной статье УК РФ.

Для четкого понимания при таком разграничении следует воспользоваться понятийным аппаратом согласно примечанию ст. 285 УК РФ. Лицо, которое постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляет функции представителя власти либо выполняет организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных и муниципальных учреждениях, называется должностным лицом. Напротив, в п. 13 ст. 2 № 323-ФЗ медицинский работник – это физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской

организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность. В том же законе содержится толкование и медицинской деятельности как профессиональной деятельности по оказанию медицинской помощи, проведению медицинских экспертиз, медицинских осмотров и медицинских освидетельствований, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий и профессиональной деятельности, связанной с трансплантацией (пересадкой) органов и (или) тканей, обращением донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях.

Следовательно, если главный врач, либо заведующий отделением, либо дежурный врач, исполняющие должностные полномочия и одновременно являющиеся практикующими врачами, недобросовестно или небрежно отнеслись к выполнению обязанностей по должности, допустили нарушения должностных полномочий и причинили существенный вред правам и законным интересам граждан, прежде всего праву на охрану здоровья и медицинскую помощь, то они будут нести уголовную ответственность по ст. 293 УК РФ.

В соответствии с понятием «должностное лицо», если работники учреждений медицины, не являющихся государственными или муниципальными, а также медицинский персонал или фармацевты других учреждений, не относящиеся к должностным лицам, нарушили правила и стандарты медицинской деятельности, то они будут привлекаться при совершении тех же действий к уголовной ответственности по ст. 109, 118 и 238 УК РФ.

В ходе следствия не всегда представляется возможным разграничить, какие именно полномочия – профессиональные или должностные – были нарушены.

Проблема № 2 – относительно объективной стороны

При расследовании ятрогенных преступлений органы следствия допускают типичные ошибки при разграничении составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 109 либо ч. 2 ст. 118 УК РФ и предусмотренных ст. 238 УК РФ.

В 2017 году в г. Тольятти органами СК РФ возбуждено 7 уголовных дел указанной категории (из них 3 – по ч. 2 ст. 109 УК РФ, 4 – по ст. 238 УК РФ), в 2018 году – 3 уголовных дела (из них 2 – по ч. 2 ст. 109 УК РФ, 1 – по ст. 238 УК РФ), в 2019 году – 8 уголовных дел (7 – по ч. 2 ст. 109 УК РФ, 1 – по ст. 238 УК РФ)⁸.

Согласно сложившейся практике, по ч. 2 ст. 109 УК РФ были возбуждены дела при наступлении смерти пациента, по ст. 238 УК РФ – при наступлении иных последствий, т. е. разграничение производилось по наступившим последствиям. Мы считаем, что данную практику нельзя признать верной, так как в теории уголовного права в определении объективной стороны есть и составляющие ее признаки, которые характеризуют внешнее проявление преступления в реальной действительности: деяние (действие или бездействие),

⁸ Ежегодные статистические отчеты Центрального межрайонного следственного отдела и следственного отдела по Автозаводскому району г. Тольятти СУ СК РФ по Самарской области за 2017–2019 годы.

причинно-следственная связь и последствия. Поскольку признаки объективной стороны преступления характеризуют внешние проявления преступления, именно они в первую очередь устанавливаются и определяют квалификацию преступления в ходе расследования. Здесь и возникает проблема, указанная выше, – разграничение происходит только по наступившим последствиям. Все остальные признаки не берутся во внимание [18].

По результатам расследования всех возбужденных с 2017 по 2019 годы уголовных дел рассматриваемой категории ятрогенных преступлений органами СК РФ в г. Тольятти приняты решения о прекращении по основаниям, предусмотренным п. 1 и п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием события преступления либо отсутствием в деянии состава преступления⁹. Поэтому у судов не было возможности исправить ошибки в квалификации данной группы преступлений.

С целью устранения проблемы мы решили проанализировать указанные нормы ст. 109, 118 и 238 УК РФ, сравнив их и наглядно показав, как определяются все признаки объективной стороны.

1. Деяние (действие или бездействие) предполагает объективную возможность определенных вредных последствий, наступивших в результате его совершения для объекта исследуемых составов преступлений. Объектом в нашем случае являются здоровье и жизнь человека.

По ст. 238 УК РФ медицинские работники на практике привлекаются к уголовной ответственности за выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, другими словами, за оказание услуг ненадлежащего качества.

Для уяснения понятия «услуга» следует обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ (ВС РФ) от 28.06.2012 № 17, где в п. 3 «г» дается толкование, что следует понимать под услугой. Действие (комплекс действий), совершаемое исполнителем в интересах и по заказу потребителя в целях, для которых услуга такого рода обычно используется, либо отвечающее целям, о которых исполнитель был поставлен в известность потребителем при заключении возмездного договора, называется услугой. Ст. 2 № 323-ФЗ раскрывает содержание интересующей нас категории с уточнением сферы ее применения, т. е. в медицине. Медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение, является медицинской услугой. В настоящем законе есть еще одно более широкое по значению понятие «медицинская помощь» – комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг.

Согласно Постановлению Пленума ВС РФ от 28.06.2012 № 17 для выполнения целевой услуги, в нашем случае медицинской, необходимо заключение возмездного договора сторон. Такие медицинские услуги гражданину могут быть предоставлены как на возмездной основе, так и в рамках обязательного медицинского страхования за счет ФОМС (Фонд обязательного медицинского страхования). Впоследствии, если условия

подобного возмездного договора нарушаются или медицинская услуга оказывается ненадлежащим образом в активной форме (действием либо комплексом действий), что может нанести вред здоровью гражданина (потребителю), то в этом случае к уголовной ответственности медицинский работник будет привлекаться по ч. 1 ст. 238 УК РФ.

Если же жизни и здоровью пациента угрожает опасность и требуется оказание неотложной, экстренной медицинской помощи (при отсутствии возмездного договора), то в этом случае медицинские работники, оказавшие или не оказавшие ее (например, врач скорой помощи), но причинившие вред здоровью, жизни пациента, будут привлекаться по одной из статей УК РФ – 109 или 118.

Таким образом, сравнивая деяния в различных ситуациях оказания медицинской помощи, следует отметить, что по ст. 238 УК РФ деяние выражается только действием, а по ст. 109, 118 УК РФ может осуществляться в форме преступного действия и преступного бездействия.

В связи с различным толкованием понятия «услуга» для практикующих следователей возникает сложность при разграничении составов преступлений, что требует отдельного тщательного исследования этого вопроса.

2. Общественно опасные последствия, возникшие в результате совершения преступного деяния, определяют нанесенный вред объекту уголовно-правовой охраны (в нашем случае здоровью и жизни).

Уголовная ответственность по ч. 2 и 3 ст. 238 УК РФ наступает при причинении тех же последствий, что и по ст. 109 и 118 УК РФ, – тяжкого вреда здоровью или смерти.

По ч. 1 ст. 238 УК РФ действия медицинских работников квалифицируются как создающие угрозу наступления тяжких последствий, но не приведшие к каким-либо тяжким последствиям. Это связано с тем, что состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 238 УК РФ, является формальным – уголовно наказуем сам факт оказания медицинских услуг ненадлежащего качества. Разъяснения даны в Постановлении Пленума ВС РФ от 25.06.2019 № 18. По смыслу закона уголовная ответственность по ч. 1 или по п. «а», «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ наступает при условии, когда опасность услуг для жизни или здоровья человека является реальной, т. е. когда качество оказания услуг таково, что в обычных условиях оно могло привести к тяжким последствиям: в нашем случае – к смерти или причинению тяжкого вреда здоровью человека.

Для предъявления обвинения по ч. 1, п. «а», «б» ч. 2 ст. 238 УК РФ следствие должно доказать, что оказанная медицинская помощь могла привести к смерти пациента или причинению тяжкого вреда здоровью, а также что действия медицинских работников совершены с прямым умыслом [19]. Это еще больше осложняет в практике следователей проведение квалификации действий медицинских работников по данной статье.

Таким образом, последствия при квалификации преступлений ст. 109, 118 и ч. 2, 3 ст. 238 УК РФ одинаковые, так как во всех случаях они определяются как наступление тяжкого вреда здоровью или наступившая смерть.

3. Причинно-следственная связь возникает между преступным деянием и наступившими общественно опасными

⁹ См. 8.

последствиями. Данный признак также необходим при квалификации и является обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности.

При совершении данных преступлений медицинский работник может отвечать только за те последствия, которые являются результатом его деяния, которые находятся с ним (деянием) в причинной связи [20]. В исследуемых составах преступлений причинно-следственная связь определяется деянием (действием или бездействием) при осуществлении медицинской помощи или медицинской услуги и возникшими в результате данного деяния определенными последствиями (такими как наступление тяжкого вреда здоровью или наступившая смерть). Поскольку у рассмотренных нами норм уголовного закона достаточно общая формулировка, у следствия всегда возникает сложный выбор между нормами, которые соответствовали бы совершенному деянию и наступившим последствиям.

Проблема № 3 – относительно субъективной стороны

Проведенный анализ субъективной стороны во время квалификации ятрогенных преступлений позволяет определять отношение лица к деянию и его последствиям, что свидетельствует о наличии или отсутствии в действиях этого лица вины, основополагающего признака субъективной стороны, и, соответственно, позволяет применять к нему меру ответственности.

При толковании вины ВС РФ указал, что деяния, перечисленные в ст. 238 УК РФ, характеризуются умышленной формой, тогда суду необходимо устанавливать, что несоответствие оказания услуг требованиям безопасности охватывалось умыслом виновного лица. Во время следствия правоприменитель и должен доказать, что медицинский работник осознавал свои действия при выполнении услуги, не отвечающей требованиям безопасности жизни или здоровья пациента.

По субъективной стороне происходит отграничение квалификации по ст. 238 УК РФ от других составов ятрогенных преступлений. Преступления, предусмотренные ст. 109, 118 УК РФ, характеризуются виной в форме неосторожности по отношению к деянию и последствиям и относятся к категории преступлений небольшой тяжести, а преступления, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 238 УК РФ, – прямым умыслом по отношению к деянию и неосторожностью по отношению к последствиям (смешанная форма вины) и относятся к категории тяжких преступлений.

Ошибка следователей при квалификации в данном случае влияет и на исчисление сроков привлечения виновного к уголовной ответственности. Мотив и цель для квалификации исследуемых преступлений не имеют значения.

Отсутствие единой следственной и судебной практики, а также четкого толкования норм УК РФ ведет к назревшей необходимости урегулировать отношения в сфере оказания медицинской помощи и услуг гражданам и внести в УК РФ специальные нормы, регламентирующие преступления, совершенные медицинскими работниками при исполнении своих профессиональных обязанностей, нарушившими медицинские правила ли-

бо стандарты, что повлекло наступление смерти либо тяжкого вреда здоровью пациента.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

На основании проведенного исследования по проблемам квалификации ятрогенных преступлений в ходе расследования нами сформулированы следующие предложения.

1. В УК РФ следует четко выделить специальный субъект преступления – медицинский работник, выполняющий профессиональные обязанности, и тем самым исключить из группы «ятрогенные преступления» ст. 293 УК РФ как не соответствующую новому субъекту.

2. В новой норме указать на ненадлежащее оказание медицинской помощи и медицинской услуги, что позволит привлекать к уголовной ответственности лиц, предоставляющих помощь как в рамках договоров, в том числе и ОМС, так и при осуществлении неотложной медицинской помощи, когда деятельность не регламентирована договорными отношениями.

3. Уголовную ответственность медицинский работник должен нести только при наступлении смерти либо тяжкого вреда здоровью.

4. Уголовная ответственность медицинского работника должна наступать только при наличии вины в форме неосторожности по отношению к деянию и последствиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bumke O. Der Arzt als Ursache seelischer Störungen // Deutsche Medizinische Wochenschrift. 1925. Vol. 51. № 1. P. 3–4.
2. Лурия Р.А. Врач и психогенез некоторых заболеваний внутренних органов: доклад на 100-м науч. собрании врачей Гос. инст-та для усовершенствования врачей им. В.И. Ленина в Казани. Казань: типография «Красный печатник», 1928. 23 с.
3. Бимбинов А.А. Анализ практики привлечения медицинских работников к уголовной ответственности: некоторые выводы // Уголовное право. 2019. № 6. С. 4–11.
4. Пристансков В.Д. Ятрогенные преступления: понятие, подходы к исследованию. СПб.: СПбГУ, 2005. 329 с.
5. Улезько С.И. Понятие ятрогенных преступлений // Общество и право. 2018. № 2. С. 46–51.
6. Огнерубов Н.А. Специфика преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере профессиональной деятельности: криминологический анализ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 225–230.
7. Ротков А.И., Чупрова А.Ю. Ненадлежащее исполнение медицинским работником своих профессиональных обязанностей как признак преступления, предусмотренного частью 2 статьи 109 УК РФ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 276–280.
8. Ахметгалеева А.Ф. Теоретические аспекты и особенности правоприменительной практики при привлечении медицинских работников к уголовной

- ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. Т. 29. № 3. С. 329–342.
9. Багмет А.М., Черкасова Л.И. Составы преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Юридический мир. 2014. № 12. С. 56–58.
 10. Огнерубов Н.А. Ятрогенная преступность: причины и меры предупреждения // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 4. С. 121–126.
 11. Никитина И.О. Ответственность за преступления в сфере здравоохранения: вопросы применения и совершенствования законодательства. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД, 2008. 231 с.
 12. Пархоменко С.В., Демченко В.А. Проблемы уголовно-правовой оценки субъективных признаков халатности медицинских работников при осуществлении профессиональной деятельности // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3. С. 58–64.
 13. Багмет А.М., Петрова Т.Н. О необходимости включения в Уголовный кодекс Российской Федерации ятрогенных преступлений // Российский следователь. 2016. № 7. С. 27–32.
 14. Багмет А.М., Петрова Т.Н. Совершенствование уголовного законодательства о преступлениях, совершенных медицинскими работниками // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 1. С. 19–24.
 15. Багмет А.М., Черкасова Л.И. Некоторые вопросы квалификации преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Юридический мир. 2014. № 6. С. 8–10.
 16. Гришин А.В. Проблемы разграничения смежных составов при квалификации неосторожных преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 81–85.
 17. Желева О.В. Уголовная ответственность за ненадлежащее оказание медицинской помощи // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 1. С. 218–221.
 18. Карабанова Е.Н. Проблемы квалификации неосторожного причинения смерти вследствие ненадлежащего исполнения врачом своих профессиональных обязанностей, связанные с определением объекта преступления // Судья. 2017. № 8. С. 41–44.
 19. Кравченко Р.М. К вопросу об уголовно-правовой оценке некачественного медицинского вмешательства // Российский следователь. 2017. № 13. С. 27–31.
 20. Быков А.В., Землянский Д.Ю. О некоторых особенностях установления причинной связи в преступлениях по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи // Российский следователь. 2020. № 2. С. 33–37.
 21. *sobranii vrachey Gos. inst-ta dlya usovershenstvovaniya vrachey im. V.I. Lenina v Kazani* [Physician and psychogenesis of certain diseases of internal organs: Report on the 100th scientific meeting of doctors of the State inst-ta for the improvement of doctors to them. V.I. Lenin in Kazan]. Kazan, tipografiya “Krasnyy pechatnik” Publ., 1928. 23 p.
 22. Bimbinov A.A. Analysis of the practice of bringing medical workers to criminal responsibility: some conclusions. *Ugolovnoe pravo*, 2019, no. 6, pp. 4–11.
 23. Pristanskov V.D. *Yatrogennye prestupleniya: ponyatie, podkhody k issledovaniyu* [Iatrogenic crimes: concept, approaches to research]. Sankt Petersburg, SPbGU Publ., 2005. 329 p.
 24. Ulezko S.I. The concept of iatrogenic crimes. *Obshchestvo i pravo*, 2018, no. 2, pp. 46–51.
 25. Ognerubov N.A. Specificity of crimes committed by medical professionals in the field of professional activity: criminological analysis. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2014, no. 2, pp. 225–230.
 26. Rotkov A.I., Chuprova A.Yu. Improper performance by a medical worker of his professional duties as a sign of a crime under part 2 of article 109 of the Criminal code Russian Federation. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2018, no. 4, pp. 276–280.
 27. Akhmetgaleeva A.F. Theoretical aspects and features of law enforcement practice in bringing medical workers to criminal liability for crimes under article 238 of the criminal code of the Russian Federation. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo*, 2019, vol. 29, no. 3, pp. 329–342.
 28. Bagmet A.M., Cherkasova L.I. Elements of crimes committed by medical workers. *Yuridicheskiy mir*, 2014, no. 12, pp. 56–58.
 29. Ognerubov N.A. Iatrogenic criminality: motives and precautionary measures. *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*, 2010, no. 4, pp. 121–126.
 30. Nikitina I.O. *Otvetsvennost za prestupleniya v sfere zdravookhraneniya: voprosy primeneniya i sovershenstvovaniya zakonodatelstva* [Responsibility for crimes in the field of health care: issues of application and improvement of legislation]. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskaya akademiya MVD Publ., 2008. 231 p.
 31. Parkhomenko S.V., Demchenko V.A. Problems of criminal legal assessment of subjective signs of negligence of medical workers in the implementation of professional activities. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, 2019, no. 3, pp. 58–64.
 32. Bagmet A.M., Petrova T.N. On necessity of inclusion of treatment-induced crimes in the criminal code of the Russian Federation. *Rossiyskiy sledovatel*, 2016, no. 7, pp. 27–32.
 33. Bagmet A.M., Petrova T.N. Improvement of criminal legislation on crimes committed by medical workers. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*, 2016, no. 1, pp. 19–24.
 34. Bagmet A.M., Cherkasova L.I. Some issues of qualification of crimes committed by medical workers. *Yuridicheskiy mir*, 2014, no. 6, pp. 8–10.
 35. Grishin A.V. Problems of delimiting adjacent compounds in the qualification of reckless crimes associated

REFERENCES

1. Bumke O. Der Arzt als Ursache seelischer Störungen. *Deutsche Medizinische Wochenschrift*, 1925, vol. 51, no. 1, pp. 3–4.
2. Luriya R.A. *Vrach i psikhogenez nekotorykh zabolevaniy vnutrennikh organov: doklad na 100-m nauch.*

- with improper provision of medical care. *Yuridicheskaya nauka*, 2014, no. 2, pp. 81–85.
17. Zheleva O.V. The criminal liability for wrong medical care. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, vol. 25, no. 1, pp. 218–221.
18. Karabanova E.N. Problems of qualification of careless infliction of death due to improper performance by a doctor of his professional duties related to the definition of the object of the crime. *Sudya*, 2017, no. 8, pp. 41–44.
19. Kravchenko R.M. On criminal law assessment of low quality medical intervention. *Rossiyskiy sledovatel*, 2017, no. 13, pp. 27–31.
20. Bykov A.V., Zemlyanskiy D.Yu. On some peculiarities of establishment of the causal relationship in crimes of non-delivery or undue healthcare delivery. *Rossiyskiy sledovatel*, 2020, no. 2, pp. 33–37.

PROBLEMS IN QUALIFICATION IATROGENIC CRIMES IN PRELIMINARY INVESTIGATION

© 2020

T.Yu. Dementieva, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
N.F. Angipova, lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: iatrogeny; iatrogenic crimes; classification of iatrogenic crimes; medical worker; medical services; inappropriate medical treatment.

Abstract: In criminal law, the concept of iatrogenic crimes was formed, characterizing a separate group of crimes against human life and health committed if medical workers break the rules for providing medical care when performing their professional duties. In this paper, the authors consistently analyze the problems of classifying iatrogenic crimes during the preliminary investigation, using the initial study of the definitions of the concept of iatrogeny to determine the semantic meaning and the essence of this term for a clearer understanding of its use when classifying crimes in the sphere of ensuring the protection of life and health of citizens. The authors highlight the urgent need to introduce into the Criminal Code of the Russian Federation special rules governing crimes committed by medical workers broking medical rules or standards when performing their professional duties, which resulted in death or serious harm to the patient’s health. The authors formulated and explained the proposals to make the amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: 1) to specify a special subject of a crime (a medical worker) and exclude Article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation from the group of iatrogenic crimes; 2) to prosecute persons providing medical care, both within the framework of agreements and in their absence; 3) the criminal liability of a medical worker should occur only in the presence of guilt in the form of negligence in the act and the effects as well as in the case of the death of a patient or serious harm to health.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

© 2020

К.И. Дюк, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

Т.В. Мычак, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»

А.Р. Тахаутдинова, федеральный судья в отставке, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: меры уголовно-правового характера; прекращение уголовного дела и уголовного преследования; освобождение от уголовной ответственности; судебный штраф.

Аннотация: В 2016 году в УК РФ введена новая мера уголовно-правового характера в виде освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Данная мера является сложной и многосторонней, и уже сейчас стали очевидны некоторые пробелы в ее регламентации: не определены понятие и признаки освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, не прописан порядок назначения штрафа за несколько преступлений в совокупности, не рассмотрена возможность применения отсрочки и рассрочки при назначении судебного штрафа и прочие. Цель исследования – анализ перечисленных пробелов правовой регламентации института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Авторами проанализирована правильность использования термина «судебный штраф», определено место данного штрафа среди других категорий с подобным названием; рассмотрен порядок определения минимального размера судебного штрафа и его размера при назначении за несколько преступлений по совокупности; разработаны положения отсрочки и рассрочки уплаты судебного штрафа и раскрыты условия, при которых возможно освободить лицо от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, в случае если потерпевший возражает против возмещения ему ущерба. Предложенные авторами положения обуславливают новизну данного исследования, поскольку ранее данный институт не являлся предметом комплексного исследования с точки зрения проблем его правоприменения.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из стимулирующих институтов уголовного права является институт освобождения от уголовной ответственности. Целью такого поощрения является не только побуждение правонарушителя оказать содействие государственным органам в раскрытии преступления, возместить вред от преступления, способствовать скорейшему восстановлению прав и интересов потерпевшего, но и предоставление лицу, совершившему преступление, возможности избежать судимости и, как следствие, различного рода правовых ограничений. Данный институт давно и успешно используется в уголовном судопроизводстве России, при этом достаточно глубоко, обстоятельно и с самых разных позиций исследован и освещен в юридической науке. Вопросы освобождения от уголовной ответственности неоднократно исследовались представителями юридической науки с самых разных сторон. Так, одна группа авторов рассматривает вопросы возникновения и развития данного института [1–3], другая – его юридическую природу [4–6], третья – подробно останавливается на функциях, основаниях и назначении данного правового института [7–9]. Большое количество работ посвящено определению места данного института в системе мер уголовно-правового воздействия [10–12]. Большинство авторов в той или иной мере убедительно и справедливо отмечают большое значение рассматриваемого института в регулировании соответствующих общественных отношений и его важную роль в российской правоприменительной практике [13–15].

В перечисленных выше работах отмечается, что освобождение от уголовной ответственности является самостоятельным видом мер уголовно-правового воздействия, который представляет собой отказ государст-

ва от реализации уголовной ответственности в отношении лица, совершившего преступление (например, от осуждения и наказания такого лица), посредством которого реализуются принципы справедливости и гуманизма, а также целесообразности стимулирования лица, совершившего преступление, к совершению в настоящем и будущем положительных поступков. Авторами рассмотрены многие вопросы освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, сущности судебного штрафа и его правовой природы, отдельные аспекты применения данного вида освобождения от уголовной ответственности и исполнения решения суда уполномоченными органами и самими лицами, к которым применена данная мера воздействия. Анализ трудов перечисленных авторов позволяет прийти к следующим выводам: отдельные вопросы института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа сегодня остаются не решенными в полной мере (например, его понятие и признаки, освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа за несколько преступлений в совокупности, возможность применения отсрочки и рассрочки при назначении судебного штрафа, минимальный размер судебного штрафа); значительное количество работ по данной проблематике написано на основе положений действующего законодательства, но без учета анализа сложившейся судебной практики, что повышает актуальность данного исследования.

Обобщение практики относительно недолгого применения института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа свидетельствует о достаточно выраженной пробельности правовой регламентации этого вида юридической деятельности. Например, в литературе нет устойчивого понимания сущности судебного штрафа, которым сопровождается

освобождение лица от уголовной ответственности, в деятельности судов обнаруживаются существенные различия в подходах к определению нижней границы судебного штрафа, правовая неопределенность при реализации указанных норм возникает и в случае отказа потерпевшего от возмещения причиненного ему вреда. Также различна практика по вопросу определения размера судебного штрафа при назначении его одновременно за несколько преступлений по совокупности. Вопросы отсрочки и рассрочки уплаты судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности вовсе не получили освещения и законодательного закрепления.

Цель исследования – выявление законодательных пробелов и противоречий теории и практики применения уголовно-правовых норм, регламентирующих основание освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, а также разработка новых теоретических положений и научно обоснованных рекомендаций по реализации и совершенствованию законодательства о судебном штрафе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основания освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа

Как и все существовавшие до этого (и ныне существующие) в законе случаи возможного освобождения от уголовной ответственности, новый вариант такого рода деятельности – освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа – допускается только по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, но для его применения не требуется соблюдения большинства условий, относящихся прежде всего к личности правонарушителя, которые предусматриваются законом применительно ко всем ранее установленным случаям. Здесь не нужно добровольной явки подозреваемого (обвиняемого) с повинной, от него не требуется деятельного раскаяния, содействия расследованию и согласования своего поведения с потерпевшим. Единственным условием, которое предъявляется к этому лицу, является добровольное возмещение материального ущерба, причиненного потерпевшему. С учетом отмеченных обстоятельств, правовой режим реализации вновь введенного института освобождения от уголовной ответственности пополнился довольно специфическим требованием. Его применение может быть инициировано путем соответствующего ходатайства лицом, производящим расследование, непосредственно в ходе расследования, но окончательное решение по этому вопросу принимается только судом. Что касается суда, то он на любом этапе судебного разбирательства при наличии соответствующих условий может применить его по собственной инициативе. Включение суда в систему элементов уголовно-процессуального механизма реализации рассматриваемого варианта освобождения от уголовной ответственности обусловлено тем, что данный акт сопровождается наложением на освобождаемое лицо обязанности выплатить государству штраф, определяемый судом. Отсюда и наименование соответствующего института – освобождение от уголовной ответственности

с назначением судебного штрафа. С точки зрения его нынешней регламентации в законе данный институт предстает в виде самостоятельной дополнительной разновидности юридических форм (процедур) освобождения лица от уголовной ответственности, которая применяется (может применяться) за пределами ранее предусмотренных законом форм и, естественно, при отсутствии требуемых для их применения оснований.

Соотношение судебного штрафа с другими категориями штрафа

Наименование указанного штрафа, его соотношение с другими подобными категориями, как и его природа, породили в литературе противоречивые суждения. Некоторые ученые для обозначения этого штрафа предлагают применение таких терминов, как «уголовно-правовое взыскание материального характера» [16], «уголовно-правовая компенсация» [17], «выплата в бюджет государства» [18]). Есть авторы, которые всю множественность штрафов, используемых в уголовном судопроизводстве, предлагают именовать «мерами административного воздействия» [19]. Отдельные исследователи вообще оспаривают целесообразность введения судебного штрафа как меры уголовно-правового характера наряду со штрафом как одним из видов наказания, например, считая недопустимым введение штрафа в новом значении [17]. Другие авторы, в целом оправдывая необходимость внедрения судебного штрафа, указали, что введением судебного штрафа «законодатель ставит под сомнение терминологическую адекватность, нарушая аксиоматический принцип юридической техники» [16, с. 168]. Представляется, что эти споры малопродуктивны. Лучшего названия, чем судебный штраф, применительно к рассматриваемой ситуации вряд ли можно придумать. Но выделять его и отличать от других категорий с подобным названием надо обязательно. Обычный традиционный для уголовного судопроизводства штраф, предусматриваемый ст. 117 УПК РФ, является мерой процессуальной ответственности за несоблюдение участниками уголовного процесса возложенных на них обязанностей, и под этим углом зрения он достаточно обстоятельно исследован в литературе [20; 21]. Штраф, предусматриваемый ст. 46 УК РФ, является мерой уголовной ответственности и уголовного наказания. Он назначается судом за совершение преступления по приговору суда. А что означает судебный штраф, который сопровождает прекращение уголовного дела (уголовного преследования) и освобождение судом лица от уголовной ответственности? Если исходить из позиции, что существенным признаком меры ответственности является не только кара (осуждение), но и образование новой дополнительной обязанности, которая направлена на нравственно-психологическое преобразование лица, которое допустило нарушение правового предписания [22], то это что-то близкое к наказанию. Но здесь нет осуждения, нет традиционного признания лица виновным в совершении преступления. Тем не менее нельзя не заметить, что, по сути, в нынешнем законодательном оформлении – это наказание, завуалированное под разновидность иных мер правового воздействия на лицо, освобождаемое от уголовной ответственности, и с этой точки зрения правомерно размещенное в главе 51.1 УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» наряду

с принудительными мерами медицинского характера и конфискацией. Данный вывод подтверждается императивным характером решения суда об уплате штрафа. При его неуплате в установленный судом срок принятое решение отменяется, и соответствующее лицо привлекается к уголовной ответственности в общем порядке.

Таким образом, надо признать, что судебный штраф, назначаемый судом при освобождении от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 76.2 УК РФ, является новой разновидностью категории штрафа, которая получила самостоятельное правовое оформление наряду со штрафом как мерой уголовно-процессуального принуждения и штрафом как мерой уголовного наказания. Из этого следует, что никакие элементы структурно-правовой регламентации двух последних видов штрафа не могут распространяться на судебный штраф, предусмотренный ст. 104.4 УК РФ и назначаемый в порядке, регламентированном в главе 51.1 УПК РФ.

Пробелы применения судебного штрафа и пути их решения

Обобщение практики показывает весьма противоречивые подходы к вопросам применения института освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Так, некоторые суды при прекращении уголовного дела или уголовного преследования с освобождением лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности и назначением судебного штрафа, применяют правила, прописанные в ч. 2 ст. 46 УК РФ, регулирующей вопросы штрафа как меры уголовного наказания, в части, касающейся определения нижней границы штрафа в 5 000 рублей¹.

И это несмотря на то, что в ч. 6 ст. 446.2 УПК РФ, определяющей порядок деятельности судьи по таким делам, прямо указано: «Размер судебного штрафа определяется судьей в соответствии со ст. 104.5 УК РФ», а на недопустимость применения требований ст. 46 УК РФ к деятельности по реализации положений, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ, специально обращено внимание в п. 7.1 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 22.12.2015 № 58 (в ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

В то же время другие суды данный вопрос пытаются решить в строгом соответствии с положениями ст. 104.5 УК РФ, которые устанавливают верхний предел судебного штрафа, но не предусматривают его нижнего размера, и, следуя прямому указанию ч. 6 ст. 446.2 УПК РФ, определяют его размер по своему внутреннему убеждению с учетом тяжести совершённого преступления, материального положения подсудимого и других обстоятельств, указанных в части второй названной выше статьи. Такое решение, например, было принято в 2016 году одним из мировых судей города Тольятти

Самарской области, который при освобождении обвиняемой С. от уголовной ответственности в порядке, предусмотренном ст. 446 УПК РФ, назначил ей штраф в размере 3 000 рублей. Однако постановление мирового судьи было опротестовано прокурором и отменено районным судом с указанием на его несоответствие уголовному закону². Причина такого подхода судей к данному вопросу, конечно, не в законе и не в его неопределенности – она кроется в отношении к закону и профессиональной подготовке работников правоохранительной системы, склонных видеть в правовых нормах максимально конкретные формулировки. С учетом этого обстоятельства не лишним было бы внести в ч. 2 ст. 104.5 УК РФ дополнение, определяющее нижний предел судебного штрафа, например в размере 2 500 рублей – половины от нижнего предела, предусматриваемого ст. 46 УК РФ.

Действительная правовая неопределенность при реализации рассматриваемого правового института просматривается в ситуации, когда лицо, совершившее преступление, подпадающее под требования этого института, изъявляет готовность к возмещению или заглаживанию иным способом вреда, причиненного преступлением, а потерпевший не желает этого. Отказ потерпевшего от возмещения ущерба суды расценивают как отсутствие необходимого условия для освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, поскольку, согласно прямому указанию закона, лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, только если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. С одной стороны, всё верно: нет возмещения вреда – нет оснований для прекращения уголовного дела и освобождения лица от уголовной ответственности с назначением штрафа. А с другой стороны, требование закона об обязательном возмещении потерпевшему вреда, причиненного преступлением, адресуется не только должностным лицам органов предварительного расследования и судов, а прежде всего и, скорее, в первую очередь лицу, совершившему преступление. И если данное лицо безоговорочно воспринимает это требование, готово его добросовестно исполнить, совершает для этого определенные действия, но не может их довести до логического конца по обстоятельствам, от него не зависящим, то вряд ли в этом случае можно говорить, что указанное лицо правомерно не приобретает или утрачивает право на освобождение от уголовной ответственности по основаниям, установленным ст. 76.2 УК РФ. Представляется, что в случае, если потерпевший возражает против возмещения ущерба и это является единственным препятствием его возмещению, то указанное лицо, на наш взгляд, может претендовать на такое право, и это следует отразить либо непосредственно в законе, либо в Постановлении Пленума Верховного суда РФ.

¹ Постановление Елизовского районного суда Камчатского края № 1-184/2018 от 6 июля 2018 года по уголовному делу № 1-184/2018 // Елизовский районный суд Камчатского края: официальный сайт.
URL: https://elizovsky--kam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4338824&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

² Постановление Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 27.10.2016 года по уголовному делу № 10-103/2016 // Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области: официальный сайт.
URL: https://avtozavodsky--sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&id=65308274&uid=&deloId=1540006&caseType=&new=0&doc=1&srv_num=1.

Прекращение уголовного преследования с освобождением от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа не разовый и не формальный акт – оно предполагает достаточно обстоятельное судебное разбирательство. В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 26.10.2017 № 2257-О по этому поводу указано: «...вывод о возможности такого освобождения, к которому придет суд в своем решении, должен быть обоснован ссылками на фактические обстоятельства, исследованные в судебном заседании; суд обязан не просто констатировать наличие или отсутствие указанных в законе оснований для освобождения от уголовной ответственности, а принять справедливое и мотивированное решение с учетом всей совокупности данных». В процессе этого разбирательства могут и должны быть выяснены все обстоятельства, связанные с поведением и действиями лица, совершившего преступление, направленными на возмещение ущерба потерпевшему.

При этом следует учесть, что в силу разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» понятие «заглаживание вреда» охватывает не только имущественную компенсацию, оказание какой-либо помощи потерпевшему, но и «принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства». Кроме того, на наш взгляд, направление денежных средств на общественно полезное дело (перечисление в детский дом, иные учреждения социального обеспечения) следует приравнять к возмещению ущерба или заглаживанию вреда, так как зачастую потерпевший отказывается получать какое-либо возмещение от лица, совершившего преступление (будь то извинения либо материальное возмещение ущерба).

Обобщение практики деятельности судов показывает довольно активное применение рассматриваемого правового института, в результате чего от уголовной ответственности освобождается значительное количество людей, а государственная казна пополняется существенными суммами денежных средств. К примеру, мировыми судьями, районными (городскими) судами г. Волгограда и Волгоградской области в 2017 году было освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа 83 лица. Сумма взысканного судебного штрафа по этим уголовным делам составила 1 606 000 рублей³, или в среднем 19 349 рублей на одного человека, что весьма ощутимо для отдельного лица, если сравнить, например, с минимальным размером оплаты труда, который во втором полугодии 2017 года

составлял всего лишь 7 800 рублей⁴. Пропорция примерно 2,5 к 1, и применительно к нынешнему времени она вряд ли изменилась в лучшую сторону. Возникает вопрос о состоятельности обычного человека и его возможности одноактно полностью оплатить назначенный штраф в установленный судом срок, даже если этот срок определен с учетом материального положения указанного лица и его семьи, особенно в сложные периоды жизни: во время безработицы, внезапно возникшей тяжелой болезни и т. д. А, как известно, неуплата штрафа в определенный судом срок влечет отмену ранее вынесенного решения и привлечение лица к уголовной ответственности в общем порядке. Вряд ли уместно говорить о том, что посредством применения рассматриваемого правового института реализуются принципы справедливости и гуманизма, если добросовестный человек, оказавшись в сфере его действия, лишается возможности быть освобожденным от уголовной ответственности ввиду внезапно возникшей, обусловленной, в том числе объективными обстоятельствами, острой материальной нужды. Поэтому мы предлагаем распространить на такие случаи институт отсрочки и рассрочки штрафа и закрепить это в ст. 104.5 УК РФ, предусмотрев в ней как возможность рассрочки и отсрочки штрафа, так и изменения срока его уплаты. Лицу, оказавшемуся в изложенной ситуации, следует предоставить право на обращение в суд с соответствующим ходатайством, которое рассматривалось бы в том же порядке, что и представление судебного пристава-исполнителя об отмене судебного штрафа, т. е. в порядке ст. 399 УПК РФ.

Кроме того, перечень обстоятельств неисполнения выплаты судебного штрафа по уважительным причинам, который содержится в п. 19 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», следует дополнить фразой «и иные» обстоятельства с тем, чтобы суд не был ограничен лишь перечисленными в нем примерами.

Немаловажное значение при применении рассматриваемого порядка освобождения от уголовной ответственности имеет вопрос о его реализации при совершении лицом нескольких правонарушений и назначении штрафа по совокупности преступлений. Если первая часть вопроса достаточно четко разрешена в упоминавшемся выше Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016), то относительно его второй части возникают сомнения и применяются неоднозначные подходы. Например, судья Буйнакского городского суда, рассмотрев в открытом судебном заседании ходатайство следователя о прекращении уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в отношении ранее не судимого Ш., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 159 и ч. 2 ст. 160 УК РФ, прекратил уголовное

³ Обобщение практики назначения районными (городскими) судами меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности за 2017 год, утвержденное Постановлением президиума Волгоградского областного суда от 21 марта 2018 // Волгоградский областной суд.
URL: http://oblsud.vol.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=933.

⁴ Федеральный закон от 19.12.2016 № 460-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 52. Ч. 5. Ст. 7509.

дело, освободил Ш. от уголовной ответственности и назначил ему судебный штраф по ч. 2 ст. 159 УК РФ в размере 15 000 рублей, по ч. 2 ст. 160 УК РФ – 15 000 рублей и, применив ч. 2 ст. 69 УК РФ, по совокупности путем сложения определил размер судебного штрафа в 30 000 рублей⁵. Президиум Верховного суда Республики Дагестан не согласился с таким подходом, посчитав, что «освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ представляет собой единовременное решение суда в отношении одного лица, а поэтому судьей независимо от количества совершенных преступлений вместо наказания должна применяться одна (единая, учитывающая в том числе количество и характер совершенных им общественно опасных деяний) мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа», и отверг возможность распространения положения ст. 69 УК РФ, на данную ситуацию. Постановление судьи было изменено, размер судебного штрафа определен по обозначенным выше правилам в размере 15 000 рублей⁶. В обоих изложенных подходах присутствует логика, но первый прямо противоречит закону, поскольку связан с нарушением запрета на применение аналогии закона в уголовном праве. Однако и второй уязвим, учитывая, что судебный штраф, не будучи наказанием, является непосредственным следствием освобождения лица от уголовной ответственности за конкретное преступление. В любом случае данный вопрос нуждается во внимании как законодателя и Верховного суда РФ, так и науки уголовного права.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сегодня уже стало очевидно, что институт освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа активно применяется на практике и занимает отдельное место среди прочих институтов освобождения от уголовной ответственности. Согласно обзору судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) Президиума Верховного суда РФ 10 июля 2019 года, судебный штраф в 2017 году был назначен 20 639 лицам, в 2018 году – уже 33 329 лицам, что свидетельствует об увеличении количества решений судов об освобождении от уголовной ответственности по данному основанию, т. е. о его востребованности⁷.

⁵ Постановление Буйнакского городского суда Республики Дагестан от 4 июля 2019 года по уголовному делу № 1-129/2019 // Буйнакский городской суд Республики Дагестан. URL: https://buinakskiy-gs--dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=5847556&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

⁶ Постановление Верховного Суда Республики Дагестан № 44У-221/2019 4У-597/2019 от 6 ноября 2019 года по делу № 44У-221/2019 // Верховный суд Республики Дагестан. URL: https://vs--dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=626405&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1.

⁷ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 10 июля 2019.

Прекращение уголовного дела по данному основанию полезно не только для лица, совершившего преступление и избежавшего судимости, но и для потерпевшего, которому возмещен вред, причиненный преступлением, в максимально короткие сроки, а также для самого государства, которое получает дополнительное поступление денежных средств и снижение количества граждан, имеющих судимость. Преступления всегда совершались и будут совершаться. В связи с этим у каждого лица, которое впервые совершило преступление, не представляющее особой общественной опасности, должен быть шанс остаться несудимым, получить своеобразное «предупреждение» о недопущении в дальнейшем аналогичного поведения.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

На основании исследования различных аспектов освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа обосновано, что данный институт с точки зрения его нынешней регламентации в законе является самостоятельной дополнительной разновидностью юридических форм (процедур) освобождения лица от уголовной ответственности, который применяется (может применяться) за пределами ранее предусмотренных законом форм и, естественно, при отсутствии требуемых для их применения оснований. Судебный штраф, назначаемый судом при освобождении лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 76.2 УК РФ, является новой разновидностью категории штрафа, которая получила самостоятельное правовое оформление наряду со штрафом как мерой уголовно-процессуального принуждения и штрафом как мерой уголовного наказания. Вследствие этого никакие элементы структурно-правовой регламентации двух последних видов штрафа не могут распространяться на судебный штраф, предусмотренный ст. 104.4 УК РФ и назначаемый в порядке, регламентированном в главе 51.1 УПК РФ.

Сформулированы предложения о необходимости установления нижней границы судебного штрафа; закрепления порядка назначения штрафа по совокупности преступлений и при отказе потерпевшего от возмещения ущерба; законодательного закрепления возможности применения отсрочки и рассрочки уплаты судебного штрафа; расширения перечня обстоятельств неисполнения судебного штрафа по уважительным причинам, содержащегося в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кашапов Р.М. История возникновения и развития института освобождения от уголовной ответственности // Российский следователь. 2010. № 13. С. 39–40.
2. Файзуллина Д.Р. История развития института освобождения от уголовной ответственности и наказания в России // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 2. С. 151–157.
3. Пирогов П.П., Бойко О.Г. Становление и развитие норм российского уголовного права об освобождении от уголовной ответственности // Вестник

- Международного института экономики и права. 2013. № 2. С. 105–114.
4. Князьков А.А. Институт освобождения от уголовной ответственности: правовая природа и оптимальные направления модернизации // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 92–97.
 5. Коробов П.В. Сущность освобождения от уголовной ответственности (исходные положения) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 74. С. 47–55.
 6. Сухарева Н.Д., Байрамуков Р.Б. Юридическая природа освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ // Общество и право. 2013. № 5. С. 183–185.
 7. Хлебницкая Е.А. Функции норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа // Российский судья. 2017. № 7. С. 33–36.
 8. Уголовная ответственность и наказание / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М.: Юрайт, 2018. 130 с.
 9. Рыжова О.А. Основания освобождения от уголовной ответственности // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. № S27. С. 41–45.
 10. Кузнецов А.В., Куковьякин А.Е. Освобождение от уголовной ответственности в связи с применением иных мер уголовно-правового характера // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3. С. 46–50.
 11. Полуэктов А.Г. Место института освобождения от уголовной ответственности в системе уголовно-правовых средств воздействия в отношении лиц, преступивших уголовный закон // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 4. С. 108–111.
 12. Сундууров Ф.Р. Освобождение от уголовной ответственности в системе мер уголовно-правового воздействия // Вестник ТИСБИ. 2012. № 2. С. 152–158.
 13. Гравина А.А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 95–106.
 14. Благов Е.В. О совершении преступления как условии освобождения от уголовной ответственности // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 45–49.
 15. Скрипченко Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 106–114.
 16. Михайлов Д.О. Судебный штраф в российском уголовном праве: проблемы терминологии // Проблемы в российском законодательстве. 2018. № 7. С. 167–169.
 17. Молчанов Д.М., Куликов А.С. Судебный штраф в УК РФ и уголовно-правовая компенсация в УК Республики Беларусь: сравнительный анализ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12. С. 125–134.
 18. Луценко Н.С. Уголовно-правовой институт судебного штрафа по законодательству ряда зарубежных стран // Юридические исследования. 2019. № 4. С. 52–60.
 19. Подройкина И.А. Уголовные наказания в современной России: проблемы и перспективы. М.: Юстицинформ, 2017. 200 с.
 20. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов: Саратовский университет, 1978. 137 с.
 21. Вершинина С.И. О видах государственного принуждения, обеспечивающего уголовное судопроизводство // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3. № 2. С. 104–118.
 22. Ардашкин В.Д. О принуждении по советскому праву // Советское государство и право. 1970. № 7. С. 33–39.

REFERENCES

1. Kashapov R.M. The history of origin and development of the institute of exemption from criminal liability. *Rossiyskiy sledovatel*, 2010, no. 13, pp. 39–40.
2. Fayzullina D.R. The background of the development of the institution of exemption of criminal liability and punishment in Russia. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2008, no. 2, pp. 151–157.
3. Pirogov P.P., Boyko O.G. Establishment and development of the Russian criminal laws on relief from criminal responsibility. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava*, 2013, no. 2, pp. 105–114.
4. Knyazkov A.A. The institute of exemption from criminal liability: legal nature and optimal directions of modernization. *Yuridicheskaya nauka*, 2015, no. 4, pp. 92–97.
5. Korobov P.V. Essence of the relief from criminal liability (basic items). *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2010, no. 74, pp. 47–55.
6. Sukhareva N.D., Bayramukov R.B. Legal nature of the exemption from criminal liability by the norms of Special part of the RF Criminal Code. *Obshchestvo i pravo*, 2013, no. 5, pp. 183–185.
7. Khlebnitskaya E.A. Functions of provisions stipulating release from criminal liability upon court fine imposition. *Rossiyskiy sudya*, 2017, no. 7, pp. 33–36.
8. Naumov A.V., Kibalnik A.G., eds. *Ugolovnaya otvetstvennost i nakazanie* [Criminal liability and punishment]. Moscow, Yurayt Publ., 2018. 130 p.
9. Ryzhova O.A. Grounds for excluding criminal responsibility. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal Kontsept*, 2014, no. S27, pp. 41–45.
10. Kuznetsov A.V., Kukovyakin A.E. Exemption from criminal liability in connection with other measures of criminal law. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*, 2016, no. 3, pp. 46–50.
11. Poluektov A.G. The place of institute of clearing from criminal liability in the system of criminal legal means of influence in respect of persons who have transgressed the criminal law. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*, 2017, no. 4, pp. 108–111.
12. Sundurov F.R. The relief from criminal liability in the system of measures of criminal-legal influence. *Vestnik TISBI*, 2012, no. 2, pp. 152–158.
13. Gravina A.A. Trends of the development of criminal law at the modern stage. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2016, no. 11, pp. 95–106.
14. Blagov E.V. To commit a crime as a condition of exemption from criminal liability. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2019, no. 3, pp. 45–49.

15. Skripchenko N.Yu. Court fine: legislative novel implementation problems. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2017, no. 7, pp. 106–114.
16. Mikhaylov D.O. Judicial fines in Russian criminal law: problems of terminology. *Problemy v rossiyskom zakonodatelstve*, 2018, no. 7, pp. 167–169.
17. Molchanov D.M., Kulikov A.S. Court fine in the criminal code of the Russian Federation and criminal compensation in the criminal code of the republic of Belarus: comparative analysis. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2017, no. 12, pp. 125–134.
18. Lutsenko N.S. Criminal institution of judicial fine in a number of foreign states. *Yuridicheskie issledovaniya*, 2019, no. 4, pp. 52–60.
19. Podroykina I.A. *Ugolovnye nakazaniya v sovremennoy Rossii: problemy i perspektivy* [Criminal sanctions in modern Russia: problems and prospects]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2017. 200 p.
20. Kornukov V.M. *Mery protsessualnogo prinuzhdeniya v ugolovnom sudoproizvodstve* [Measures of procedural compulsion in criminal proceedings]. Saratov, Saratovskiy universitet Publ., 1978. 137 p.
21. Vershinina S.I. The types of state coercion, to ensure criminal proceedings. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, 2017, vol. 3, no. 2, pp. 104–118.
22. Ardashkin V.D. Concerning the compulsion by the Soviet law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1970, no. 7, pp. 33–39.

SOME ISSUES OF THE EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY WITH THE IMPOSITION OF A COURT FINE

© 2020

K.I. Dyuk, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

T.V. Mychak, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”

A.R. Takhautdinova, retired Federal judge, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal law measures; termination of criminal case and criminal prosecution; exemption from criminal liability; court fine.

Abstract: In 2016, a new criminal law measure in the form of exemption from criminal liability with the imposition of a court fine was introduced in the Criminal Code of the Russian Federation. This measure is complex and multilateral, and some gaps in its regulation have become apparent: the concept and attributes of the exemption from criminal liability with the imposition of a court fine are not defined; the order of the fine imposition for several crimes in aggregate is not provided; the possibility of deferment or installment when imposing a court fine is not considered, etc. The study aims at the analysis of mentioned gaps of legal regulation of the institute of exemption from criminal liability with the imposition of a court fine. The authors analyzed the appropriateness of using the term “a court fine”; specified the place of this penalty among other categories with similar names; considered the procedure of identifying the minimum amount of a fine imposed by the court and its amount when imposing it for several crimes in aggregate; developed the provisions of deferment and installment of the court fine payment, and described the conditions when it is possible to exempt a person from criminal liability with the imposition of a court fine in the case a victim protests again a compensation of damage. The provisions offered by authors determine the novelty of this study as this institute previously was not a subject of comprehensive research concerning the problems of its legal enforcement.

О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ КАТЕГОРИЙ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» И «ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ

© 2020

Р.В. Закомолдин, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

В.К. Дуюнов, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Уголовное право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовный закон; уголовно-правовая охрана; уголовно-правовое воздействие; объект уголовно-правовой охраны; общий объект преступления; общественные отношения; национальная безопасность; военная безопасность.

Аннотация: Законодатель в ч. 1 ст. 2 УК РФ обозначил перечень нуждающихся в охране благ посредством имеющихся уголовно-правовых средств. Одним из таких уголовно охраняемых благ является безопасность, понимаемая как состояние отсутствия внешних и внутренних угроз интересам личности, общества и государства. Безопасность подразделяется на такие разновидности, как государственная, общественная и личная безопасность. Соответственно, общим объектом уголовно-правовой охраны не может выступать общественная безопасность, поскольку она представляет собой лишь безопасность общества. Необходимо выделить понятие, которое синтезировало бы безопасность государства, общества и личности и позволило отказаться от неоправданно широкого толкования общественной безопасности в УК РФ. В качестве такого объединяющего понятия авторами предлагается категория «национальная безопасность». В работе анализируется природа, определение и содержание понятия «национальная безопасность». Отмечается, что национальная безопасность, являясь социальным благом, может быть обеспечена комплексным использованием всех имеющихся у государства ресурсов и инструментов, в том числе и системой средств и мер уголовно-правового воздействия. Анализируется соотношение понятий «национальная безопасность» и «военная безопасность», поскольку долгое время они отождествлялись. Полагаем, их следует рассматривать как целое и часть: военную безопасность следует понимать как разновидность национальной безопасности, один из составляющих ее элементов. В итоге предлагается закрепить категории «национальная безопасность» и «военная безопасность» в действующем уголовном законе, в частности национальную безопасность – в качестве общего объекта уголовно-правовой охраны и общего объекта преступлений, а военную безопасность – в качестве ее элемента и родового объекта преступлений.

ВВЕДЕНИЕ

В качестве уголовно охраняемых благ уголовный закон закрепляет права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, окружающую природную среду, конституционный строй Российской Федерации (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Поскольку в современной доктрине уголовного права и в действующем уголовном законе принята четырехзвенная вертикальная классификация объекта, то данные явления (ценности, блага) выступают в качестве родовых и видовых объектов уголовно-правовой охраны и преступных посягательств.

Несмотря на то, что структура Особенной части УК выстроена исходя из принятой классификации объекта преступления, это не решило имевшихся проблем ни в доктрине уголовного права, ни в уголовном законе. Одним из таких вопросов является проблема определения понятия и сущности объекта уголовно-правовой охраны [1; 2].

В общем виде объект, исходя из этимологии, есть «явление, предмет, на который направлена чья-нибудь деятельность, чье-нибудь внимание»¹. В контексте данного исследования имеется в виду объект, на который направлена охранительная деятельность государства с использованием специфических уголовно-правовых

средств и на который при определенных обстоятельствах посягают преступления.

В данном аспекте необходимо различать понятия «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления», поскольку они отнюдь не тождественны, хотя, безусловно, взаимосвязаны. Они различны по целому ряду критериев, однако их не следует и противопоставлять [2]. Прежде всего, в уголовном праве, исходя из его функционального назначения, ставятся под охрану лишь наиболее значимые явления (блага). При этом преступность деяния определяется именно тем, что объект посягательства находится под охраной уголовного закона. Таким образом, объект уголовно-правовой охраны – это первичная и постоянная, а объект преступления – вторичная и переменная категории. Поэтому объект уголовно-правовой охраны присутствует в таком качестве всегда, независимо от факта совершения преступных посягательств, а объект преступления имеет место только тогда, когда такое посягательство совершено [3].

Наибольшую важность, сложность и дискуссионность представляет проблема общего объекта уголовно-правовой охраны, в частности определения его понятия и сущности, а также законодательной регламентации. При этом как в качестве объекта уголовно-правовой охраны, так и в качестве объекта преступных посягательств в конечном итоге всегда выступают общественные отношения. Однако непосредственное прямое воздействие на общественные отношения невозможно, поскольку нарушение общественного отношения воз-

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: АТМ, 2006. 944 с.

можно исключительно через воздействие на составляющие его отдельные элементы. К таким структурным элементам общественного отношения, в частности, относятся: субъекты (участники), т. е. физические или юридические лица, социальные группы и иные общности людей, социальные институты (семья, партии, общины и пр.), наделяемые правовым статусом, т. е. правами, свободами и обязанностями; содержание, т. е. взаимоотношения субъектов посредством реализации ими субъективных прав и выполнения субъективных обязанностей; объекты и предметы – нематериальные и материальные блага, по поводу которых субъекты включаются в отношения; состояния, т. е. определенные условия и обстоятельства, в которых складываются и существуют общественные отношения.

Таким образом, совокупность данных элементов находится под постоянной уголовно-правовой охраной, а каждый из этих элементов время от времени становится объектом преступных посягательств. Соответственно, всякое преступление так или иначе посягает на общественные отношения [4; 5].

При этом абсолютно уместен ценностный подход к объекту уголовно-правовой охраны и объекту преступления. Выяснение ценности объекта уголовно-правовой охраны имеет принципиальное значение для реализации охранительной функции уголовного права. Вместе с тем для оценки всякого явления (блага) необходимо четко понимать, о каком благе идет речь, какова его природа, содержание и значение, только в таком случае можно определить его ценность и обеспечить его надлежащую охрану [2; 5].

Используемое сегодня в УК РФ для обозначения общего объекта уголовно-правовой охраны и общего объекта всех преступлений понятие «общественная безопасность» не соответствует этому назначению, поскольку касается лишь интересов общества [6]. В связи с этим в специальной литературе отдельные авторы высказывают мнение об использовании в данном качестве категории «национальная безопасность» [7; 8]. Мы разделяем такой подход, так как, во-первых, уголовное право, безусловно, имеет значение для обеспечения национальной безопасности, поскольку все преступления в конечном итоге посягают именно на национальную безопасность страны, а во-вторых, уголовный закон нуждается в появлении в этой части более широкого по содержанию универсального понятия.

Вместе с тем имеет место целый комплекс проблем, связанных как с доктринальным обоснованием, так и законодательным закреплением и практической реализацией как самого понятия национальной безопасности, так и системы правовых мер и средств по ее обеспечению. Это в полной мере касается и уголовно-правовой сферы, поскольку специалисты обоснованно настаивают на том, чтобы рассматривать направления уголовной политики комплексно в трех ключевых аспектах: законодательном, правоприменительном и научном [9].

Цель работы – анализ категории «национальная безопасность», предлагаемой в качестве общего объекта уголовно-правовой охраны и общего объекта преступлений, соотношения данного понятия со смежным понятием «военная безопасность», а также формулиро-

вание предложений по корректировке в данной части действующего УК РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Природа и доктринальное обоснование категории «национальная безопасность»

УК РФ, формулируя в ч. 1 ст. 14 понятие преступления, закрепляет в качестве одного из его обязательных признаков общественную опасность, поэтому всякое преступление посягает на общественную безопасность. Но при этом общественная безопасность одновременно закрепляется еще и в качестве родового (ч. 1 ст. 2 УК РФ) и видового (гл. 24 УК РФ) объектов преступлений. С таким подходом законодателя нельзя согласиться, поскольку один и тот же термин используется сразу в нескольких значениях – в качестве общего, родового и видового объектов, а это противоречит доктрине уголовного права [10]. Таким образом, в УК РФ имеет место неопределенность общего объекта уголовно-правовой охраны, что, в свою очередь, влечет проблемы с построением и структурированием Особенной части УК.

Некоторые авторы в качестве решения предлагают трактовать понятие общественной безопасности в широком и в узком смыслах. Однако если рассматривать общественную безопасность как безопасность общества, то широкая трактовка данного понятия является неуместной, поскольку работает в пользу устоявшегося в уголовно-правовой доктрине понимания общественной безопасности как общего объекта всех преступлений [6].

В русском языке безопасность понимается как «положение, при котором кому-либо или чему-либо не угрожает опасность»². Закон РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. № 2446-1 закреплял безопасность как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз (ст. 1). В новом Федеральном законе «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ четкое определение понятия «безопасность» отсутствует. В качестве ориентира указывается, что элементами (разновидностями) безопасности являются безопасность государства, безопасность общества, безопасность личности и другие (ст. 1). Соответственно, безопасность имеет широкий охват как по субъектам, так и по сферам: государство – его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность; общество – его материальные, духовные и иные блага; личность – ее права и свободы. Значит, понятия «безопасность» и «общественная безопасность» соотносятся как целое и часть и отнюдь не тождественны и не взаимозаменяемы, как это следует из уголовного закона.

Следовательно, имеется необходимость в более широкой по содержанию общей категории, которая объединила бы в себе все эти явления и позволила отказаться от широкой трактовки общественной безопасности. Полагаем, такой категорией является «национальная безопасность», которая используется и в специальной

² *Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1. А – И / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., исправ. и доп. М.: Русский язык, 1981. 696 с.*

литературе [7; 8; 11], и в законодательстве (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683). Более того, законодатель в ст. 1 Закона о безопасности 2010 г. указывает на то, что понятия «безопасность» и «национальная безопасность» тождественны.

Национальная безопасность, являясь социальным благом, может быть обеспечена только комплексным использованием всех имеющихся у государства ресурсов, средств и инструментов, в том числе и системой средств и мер уголовно-правового воздействия. Именно поэтому национальную безопасность следует рассматривать в качестве общего объекта уголовно-правовой охраны. Соответственно, уголовное право играет особую роль в системе правового обеспечения национальной безопасности, поскольку уголовный закон направлен на минимизацию (нейтрализацию) преступлений как наиболее опасных проявлений девиантного поведения, которые в конечном итоге все посягают на национальную безопасность. Уголовно-правовое регулирование социальных отношений, обеспечивающих государственную и общественную безопасность, а также безопасность личности, таким образом, в целом обеспечивает национальную безопасность.

О соотношении понятий «национальная безопасность» и «военная безопасность»

Некоторое время и в законодательстве, и в юридической науке национальная безопасность отождествлялась с военной безопасностью. Так, в Военной доктрине РФ, утвержденной Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976, военная безопасность определялась как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военных угроз либо наличием способности им противостоять (пп. «а» п. 8).

Сегодня, как справедливо подчеркивает большинство экспертов, пришло осознание того, что национальная безопасность не должна ограничиваться лишь вопросами обороны и отождествляться с военной безопасностью, поскольку такое необоснованно узкое понимание национальной безопасности приводит к недооценке и игнорированию иных, не менее опасных, угроз. В связи с этим границы понятия национальной безопасности следует расширять как по субъектному составу (государство, общество, личность), так и по охвату социальных сфер влияния (история, культура, религия, экономика, политика, экология, оборона и пр.) [12]. В связи с этим военная безопасность выступает лишь как разновидность национальной безопасности, один из составляющих ее элементов. Таким образом, военная и национальная безопасность соотносятся как часть и целое [13]. Соответственно, национальную безопасность следует рассматривать в качестве общего объекта уголовно-правовой охраны, а военную безопасность – в качестве ее разновидности и родового объекта преступлений [14; 15]. При этом ключевым субъектом военной безопасности является военная организация (Вооруженные Силы, иные войска, воинские формирования и органы), а ей присущи такие качества, как боеготовность и обороноспособность в целях про-

тиводействия военным угрозам и обеспечения военной безопасности.

Военная безопасность, в свою очередь, также является сложным и многообразным явлением, включающим в себя ряд элементов: безопасность военной службы, воинский порядок, воинскую дисциплину, боеготовность и боеготовность, порядок прохождения военной службы, уставный порядок [14–16]. Поэтому нельзя согласиться с тем, что видовой объект может совпадать с родовым объектом, как это представлено законодателем применительно к преступлениям против военной службы (раздел XI и глава 33 УК РФ). По сути, таким образом законодатель пытается нормативно закрепить отсутствие видовых объектов, что противоречит доктрине, а также логике построения Особенной части уголовного закона. В конечном счете это негативно отражается на эффективности уголовно-правовой охраны и уголовно-правового воздействия.

Определение и содержание категории «национальная безопасность»

Сегодня легальное определение национальной безопасности сформулировано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» (п. 6). Оно представляет собой некий синтез подходов, которые законодатель продемонстрировал в законах о безопасности 1992 и 2010 годов.

При этом важно учитывать, что смыслообразующим применительно к понятию «национальная безопасность» является понятие «нация» (от лат. *natio* – «народ»), т. е. исторически сложившаяся определенная устойчивая общность людей, включающая несколько народностей, этносов, национальностей, проживающих на территории одного государства, имеющих общую историю, традиции, культуру, язык, уклад, самосознание и ментальность³. Речь идет о безопасности страны как единения народа и государства во всех сферах [17].

Соответственно, субъектом национальной безопасности является нация как триединство личности, общества и государства, а объектом – национальные интересы как совокупность гармонично сочетаемых интересов личности, общества и государства [18].

Уголовно-правовые инструменты обеспечения национальной безопасности

Не менее важным аспектом является уголовно-правовой инструментариум обеспечения национальной безопасности и его эффективность. Поскольку такие инструменты закрепляются в уголовном законе, то их эффективность неизбежно связана с такими качествами, как стабильность и динамизм уголовного законодательства, которые, в свою очередь, напрямую зависят

³ Тамерьян Т.Ю. *Историко-этимологический словарь латинских заимствований. Владикавказ: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2009. 152 с.*

от качества уголовно-правового законодательства, прежде всего его системности. Поэтому важно, чтобы изменения и дополнения, вносимые в УК РФ, были обусловлены действительными потребностями обеспечения уголовно-правовой охраны национальной безопасности, а не продиктованы узкогрупповыми политическими, конъюнктурными или корыстными интересами и лоббизмом [19; 20].

ВЫВОДЫ

Национальная безопасность есть совокупность безопасности личности, общества и государства и иных видов безопасности, т. е. безопасность страны и ее общенациональных интересов. Данная категория является общим объектом уголовно-правовой охраны и в конечном итоге общим объектом всех преступлений, а ее элементы ставятся под охрану как возможные родовые объекты преступных посягательств.

Считаем целесообразным внести в УК РФ ряд изменений и дополнений.

Национальную безопасность необходимо законодательно закрепить в качестве общего объекта уголовно-правовой охраны и в качестве общего объекта всех преступлений. Одновременно необходимо закрепить военную безопасность в качестве ее разновидности и родового объекта преступных посягательств. Для этого предлагаем ч. 1 ст. 2 УК РФ изложить в следующей редакции: «1. Целью настоящего Кодекса является обеспечение национальной безопасности. Для достижения данной цели ставятся задачи по охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя и военной безопасности Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений», а ч. 1 ст. 14 УК РФ – в следующей редакции: «1. Преступлением признается виновно совершенное деяние, представляющее опасность для национальных интересов страны и запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Наименование Раздела XI УК РФ уместно изложить в следующей редакции: «Раздел XI. Преступления против военной безопасности».

Такой подход будет способствовать обеспечению необходимого динамизма уголовного законодательства при одновременной его общей стабильности, выстраиванию логичной структуры Особенной части УК и, как следствие, в целом эффективности уголовно-правовой охраны и уголовно-правового воздействия.

Статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00141 А «Уголовно-правовое воздействие как реакция государства на преступления и преступность и его роль в обеспечении национальной безопасности России».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Новосёлов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М.: НОРМА, 2001. 208 с.
- Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: ЮрЦентрПресс, 2003. 198 с.
- Закомолдин Р.В., Дуюнов В.К. Об объекте правовой охраны в свете охранительной функции права // Евразийский союз ученых. 2020. Т. 4. № 6. С. 46–50.
- Филимонов В.Д., Филимонов О.В. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2007. 335 с.
- Закомолдин Р.В. Обеспечение специальных правил и требований безопасности уголовно-правовыми средствами. М.: Юрлитинформ, 2017. 192 с.
- Энциклопедия уголовного права. Т. 21. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка. СПб.: Изд. проф. Малинин, 2013. 1072 с.
- Акимочкин В.И., Короленко И.И., Кравцов Д.Н. Относительно определения национальной безопасности России как объекта уголовно-правовой охраны // Российский следователь. 2018. № 3. С. 53–58.
- Иншаков С.М., Казакова В.А. Предпосылки обеспечения национальной безопасности в системе уголовно-правовой охраны // Российский следователь. 2017. № 8. С. 23–27.
- Efremova M.A., Rogova E.V., Klebanov L.R., Gorshenin A.A., Parkhomenko D.A. Trends of Modern Russian Criminal Policy in the Russian Federation // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2019. Vol. 10. № 1. P. 144–154.
- Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. В 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1994. 380 с.
- Демидов А. Сущность понятия «национальная безопасность», механизм его реализации (теоретико-правовой аспект) // Экономические стратегии. 2013. Т. 15. № 6. С. 134–144.
- Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Социальная и гуманистическая направленность в стратегиях национальной безопасности России и Германии: сравнительный политико-правовой анализ // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 3. С. 58–73.
- Никитина Л.К., Хохлова О.М. Законодательное обеспечение национальной безопасности современной России // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 4. С. 56–64.
- Зателепин О.К. Уголовно-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации (вопросы теории, законодательства и практики). Вып. 135. М.: За права военнослужащих, 2013. 192 с.
- Энциклопедия уголовного права. Т. 30. Преступления против военной службы. СПб.: Изд. проф. Малинин, 2019. 773 с.
- Шамахов В.А., Ковалев А.А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации в эпоху противостояния цивилизаций. М.: РИОР, 2018. 256 с.
- Умников В.Н. Взаимоотношения гражданского общества и государства как системный индикатор развития нации // Национальная безопасность России: актуальные проблемы современности: сборник научных статей. М.: АИПБН, 2012. С. 39–57.
- Зеленков М.Ю. Основы теории национальной безопасности. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 253 с.
- Duyunov V.K., Zakomoldin R.V., Butenko T.P., Galoyan A.R. Dynamic Stability In The Changeable World And Its Legal Provision // Revista Género & Direito, 2020. Vol. 9. № 4. P. 557–579.

20. Дуюнов В.К. Системность как необходимая предпосылка эффективности российского уголовного законодательства // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2007. № 2. С. 56–59.
- REFERENCES**
- Novoselov G.P. *Uchenie ob obekte prestupleniya. Metodologicheskie aspekty* [Studies of an object of crime. Methodological aspects]. Moscow, NORMA Publ., 2001. 208 p.
 - Filimonov V.D. *Okhranitel'naya funktsiya ugolovnogo prava* [Protective power of criminal law]. Sankt Petersburg, YurTsentrPress Publ., 2003. 198 p.
 - Zakomoldin R.V., Duyunov V.K. Concerning an object of legal protection in terms of protective power of law. *Evroziyskiy soyuz uchenykh*, 2020, vol. 4, no. 6, pp. 46–50.
 - Filimonov V.D., Filimonov O.V. *Pravootnosheniya. Ugolovnye pravo-otnosheniya. Ugolovno-ispolnitelnye pravootnosheniya* [Legal relations. Criminal matters. Criminal and penal relations]. Moscow, YurInfoR-Press Publ., 2007. 335 p.
 - Zakomoldin R.V. *Obespechenie spetsialnykh pravil i trebovaniy bezopasnosti ugolovno-pravovymi sredstvami* [Ensuring special rules and requirements of safety through criminal and legal means]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 192 p.
 - Entsiklopediya ugolovnogo prava. Prestupleniya protiv obshchestvennoy bezopasnosti i obshchestvennogo poryadka* [Encyclopedia of criminal law. Crimes against public security and public order]. Sankt Petersburg, Izd. prof. Malinin Publ., 2013. Vol. 21, 1072 p.
 - Akimochkin V.I., Korolenko I.I., Kravtsov D.N. Concerning definition of the Russian national security as an object of criminal law protection. *Rossiyskiy sledovatel*, 2018, no. 3, pp. 53–58.
 - Inshakov S.M., Kazakova V.A. Prerequisites of ensuring national security in the criminal protection system. *Rossiyskiy sledovatel*, 2017, no. 8, pp. 23–27.
 - Efremova M.A., Rogova E.V., Klebanov L.R., Gorshenin A.A., Parkhomenko D.A. Trends of Modern Russian Criminal Policy in the Russian Federation. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2019, vol. 10, no. 1, pp. 144–154.
 - Tagantsev N.S. *Russkoe ugolovnoe pravo. Chast obshchaya* [Russian criminal law. General part]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 380 p.
 - Demidov A. The essence of the concept of “national security”, the mechanism for its implementation. *Ekonomicheskie strategii*, 2013, vol. 15, no. 6, pp. 134–144.
 - Lipinskiy D.A., Musatkina A.A. Social and humanistic orientation in national security strategies of Russia and Germany: comparative political and legal analysis. *Sravnitel'naya politika*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 58–73.
 - Nikitina L.K., Khokhlova O.M. Legal ensuring of national security of modern Russia. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii*, 2018, no. 4, pp. 56–64.
 - Zatelepin O.K. *Ugolovno-pravovoe obespechenie voennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii (voprosy teorii, zakonodatelstva i praktiki)* [Criminal-legal ensuring of military security of the Russian Federation (the issues of theory, legislation, and practice)]. Moscow, Za prava voennosluzhashchikh Publ., 2013. Vyp. 135, 192 p.
 - Entsiklopediya ugolovnogo prava. Prestupleniya protiv voennoy sluzhby* [Criminal law encyclopedia. Crimes against military service]. Sankt Petersburg, Izd. prof. Malinin Publ., 2019. Vol. 30, 773 p.
 - Shamakhov V.A., Kovalev A.A. *Vlastnye mekhanizmy obespecheniya voennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii v epokhu protivostoyaniya tsivilizatsiy* [Power mechanisms of ensuring military security of the Russian Federation in the time of confrontation of civilizations]. Moscow, RIOR Publ., 2018. 256 p.
 - Umnikov V.N. Mutual relations of civil society and the state as the system indicator of nation's development. *Natsionalnaya bezopasnost Rossii: aktualnye problemy sovremennosti: sbornik nauchnykh statey*. Moscow, AIPBN Publ., 2012, pp. 39–57.
 - Zelenkov M.Yu. *Osnovy teorii natsionalnoy bezopasnosti* [The fundamentals of national security]. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2015. 253 p.
 - Duyunov V.K., Zakomoldin R.V., Butenko T.P., Galoyan A.R. Dynamic Stability In The Changeable World And Its Legal Provision. *Revista Género & Direito*, 2020, vol. 9, no. 4, pp. 557–579.
 - Duyunov V.K. Systematicity as necessary prerequisite for the efficiency of the Russian criminal legislation. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Pravo*, 2007, no. 2, pp. 56–59.

ON THE NECESSITY TO FIX THE CATEGORIES OF NATIONAL SECURITY
AND MILITARY SECURITY IN THE CRIMINAL LAW

© 2020

R.V. Zakomoldin, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

V.K. Duyunov, Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal law; criminal legal protection; criminal legal impact; object of criminal legal protection; general object of a crime; public relations; national security; military security.

Abstract: In part 1 of Article 2 of the RF Criminal Code, the legislator specified the list of goods requiring protection through available criminal legal means. One of such criminally protected goods is the security, understood as the state of absence of external and internal threats to the interests of an individual, the society, and the state. Security includes such types as the state, public, and personal safety. Consequently, public security cannot be the general object of criminal legal protection since it represents only the security of society. It is necessary to specify a concept that would synthesize the safety of the state, society, and an individual and allow refusing the unreasonably broad interpretation of public security in the RF Criminal Code. The authors propose to use the category of national security as such a unifying concept. The paper analyzes the nature, definition, and content of the notion of national security. The authors note that national security, as a social good, can be ensured by the comprehensive use of all the resources and tools available to the state, including the system of means and measures of criminal legal impact. The paper analyzes the correlation between the concepts of national security and military security, since, for a long time, these phenomena were equal. The authors believe that these notions should be considered as a whole and as a part. It is necessary to consider military security as a kind of national security, one of its constituent elements. As a result, the authors propose to fix the categories of national safety and military safety in the current criminal law. In particular, national security should be fixed as a general object of criminal legal protection and general object of crimes, and military security – as its element and generic object of crimes.

**ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ
ПОСРЕДСТВОМ ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИИ**

© 2020

З.С. Лебедев, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)*

Ключевые слова: идентификация лиц, участвующих в деле; веб-конференция; судебное заседание; биометрические данные.

Аннотация: Статья посвящена проблеме идентификации лиц, участвующих в судебном заседании посредством веб-конференции, в частности возможности установления личности путем использования ее биометрических данных. Актуальность исследования определяется имеющимся социальным запросом на модернизацию способов проведения судебного заседания и участия в нем, призванную обеспечить их ориентацию на удовлетворение законных интересов и потребностей граждан, а также недостаточной проработанностью возможностей реализации нового способа участия в судебном заседании в законодательстве. Автор анализирует плюсы и минусы предложенного правоприменителем нового способа участия в судебных заседаниях, выражает свое мнение по данному вопросу. В частности, затрагивается проблема идентификации лиц, участвующих в судебном заседании посредством веб-конференции, имеющей на данный момент больше минусов, чем плюсов. Предложен способ решения данной проблемы – использование биометрических данных, что предполагает не только тщательный анализ возможностей его применения со стороны законодателя, но и апробацию в практической сфере с участием специалистов из области информационных технологий. Предлагается использовать биометрические данные граждан для участия в судебном заседании онлайн. При этом процедуры сбора и использования таких данных должны носить строго регламентированный характер, а их хранение должно отвечать всем требованиям безопасности в целях исключения их несанкционированного использования. Автор признает эффективность предложенной правоприменителем меры снижения скорости распространения коронавирусной инфекции и считает возможным применение этой меры в условиях обычной жизни.

ВВЕДЕНИЕ

Внедрение Верховным судом РФ новой формы участия в судебном заседании – онлайн-заседания – вызвало неподдельный интерес как теоретиков, так и практиков права. Принципиальное отличие судебной процедуры с применением технологии веб-конференции от процедуры видеоконференции состоит в отсутствии официального элемента в месте нахождения одного или нескольких участников процессуальной деятельности. Это обстоятельство, с одной стороны, упрощает процесс использования этой технологии, а с другой стороны, определенным образом затрудняет идентификацию личности и контроль за свободой выражения ее позиции [1–3]. В указанных источниках авторы приходят к выводу о том, что внедрение современных технологий в судебную систему будет способствовать построению эффективной системы судопроизводства, повышению ее открытости и доступности.

Полагаем, что внедрение новеллы в практику российских судов будет иметь положительную тенденцию развития. Однако наибольшего эффекта возможно достигнуть путем использования нового метода установления личности в онлайн-заседаниях – идентификации посредством биометрических данных личности.

Исследования биометрических данных, а также возможности их использования нашли отражение в работах ряда ученых. Одни из них связывали положительный эффект с отсутствием необходимости приобретения дорогостоящего оборудования [4; 5], другие – с отсутствием физического контакта с техническими устройствами [6]. И те, и другие определенно правы, но сегодня стоит обратить внимание также на возможный положительный эффект при использовании биометрических данных именно в процессуальной деятельности судов.

Перенос биометрии в процессуальную плоскость был отражен в работах российских юристов [7–9], которые небезосновательно подчеркивали результативность возможного внедрения инновации. Основным положительным эффектом названа процессуальная экономия. Согласимся с мнением, устоявшимся в теории, что биометрия – единственное на сегодня направление, позволяющее обеспечить безусловную идентификацию лица путем автоматического определения его биометрических характеристик [10].

Цель исследования – анализ проблемы идентификации лиц, участвующих в судебном заседании посредством веб-конференции.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**Правовая основа**

В целях противодействия распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (далее – COVID-19) принято множество ограничительных мер. В частности, ограничена деятельность участников бизнес-процессов, некоторые из них вовсе были вынуждены приостановить свою деятельность. Признание сложившейся в мире ситуации с коронавирусом пандемией не могло оставить в стороне и судебную систему РФ. Количество дел, рассматриваемых в судах ежедневно, достаточно велико, что предполагает одновременное нахождение большого количества лиц в здании суда и неизбежно ведет к еще большему риску заражения COVID-19.

При таких обстоятельствах Верховный Суд РФ был вынужден немедленно реагировать принятием соответствующих мер. Так, 08.04.2020 Президиумом Верховного суда РФ совместно с Президиумом Совета судей РФ было принято Постановление № 821 «О приостановлении

личного приема граждан в судах», в п. 5 которого судам рекомендовано при наличии технической возможности инициировать рассмотрение дел путем использования систем видеоконференцсвязи. С определенной уверенностью можно предположить, что данная мера не возымела должного успеха и не смогла снизить нагрузку на суды, так как оснащённость залов судебных заседаний сегодня оставляет желать лучшего. Именно поэтому 29.04.2020 Постановлением Президиума Верховного суда РФ, Президиума Совета судей РФ № 822 «О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821» судам рекомендовано приступить к рассмотрению дел с использованием не только системы видеоконференцсвязи, но и системы веб-конференции.

Верховный суд РФ дает следующие разъяснения по указанным способам участия в судебных заседаниях: «Видеоконференцсвязь – это телекоммуникационная технология интерактивного взаимодействия трех и более удаленных абонентов, при которой между ними возможен обмен аудио- и видеoinформацией в реальном времени, с учетом передачи управляющих данных в основном по гарантированным каналам связи. Веб-конференция – технология и инструментарий для организации онлайн-встреч и совместной работы в режиме реального времени через Интернет, а это не гарантированные каналы связи» (Информация Верховного Суда РФ от 24.04.2020 «Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации»).

Практика внедрения онлайн-заседаний

Как представляется, разрешить возникающие сомнения в правомерности использования веб-конференции можно на основе опыта, апробированного арбитражными судами. На сайтах арбитражных судов, в частности Арбитражного суда Уральского округа, имеется инструкция для участия в судебном онлайн-заседании, согласно которой к участию в судебном онлайн-заседании допускаются только пользователи с учетными записями, подтвержденными в единой системе идентификации и аутентификации. Получение соответствующих учетных записей осуществляется в порядке, предусмотренном Правилами использования федеральной государственной информационной системы «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме», утвержденными Постановлением Правительства Российской Федерации от 10.07.2013 № 584 (Информация Суда по интеллектуальным правам «О проведении судебных онлайн-заседаний в Суде по интеллектуальным правам»).

Считаем необходимым обратить внимание на понятия «идентификация» и «аутентификация». Указанные понятия вполне легальны и закреплены в «Методическом документе. Меры защиты информации в государственных информационных системах», утвержденном ФСТЭК России 11.02.2014. Под идентификацией понимается присвоение субъектам или объектам доступа идентификаторов (уникальных имен) и (или) сравнение предъявленного идентификатора с перечнем присвоенных идентификаторов. Аутентификация же

представляет собой проверку принадлежности субъекту доступа предъявленного им идентификатора (подтверждение подлинности субъекта доступа в информационной системе).

И идентификация, и аутентификация предполагают некий алгоритм действий по установлению личности [11–13]. Однако сегодня данная процедура нуждается в усилении контроля, когда речь идет об участии в онлайн-заседании. Те действия, которые суды предпринимают сейчас в целях идентификации лиц, участвующих в судебном заседании посредством веб-конференции, трудно назвать достаточными.

При всем своем несовершенстве процессуальная возможность онлайн-присутствия в судебном заседании у участников судебного спора уже есть. И хотя проблема идентификации сторон менее выражена, чем проблема идентификации свидетелей, обе требуют детальной проработки.

Сегодня суд предоставляет возможность участвовать в онлайн-заседании только после регистрации на сайте «Госуслуги» и направления в суд соответствующего ходатайства. Бесспорно, такая возможность стала большим шагом на пути цифровизации судопроизводства. Но у каждого процесса есть как положительные стороны, так и отрицательные, которые мы предлагаем рассмотреть.

Анализ новеллы

Безусловно, участие в судебных заседаниях онлайн имеет ряд преимуществ.

1. Возможность участия в заседании в условиях территориальной удаленности от места проведения заседания. Данный способ позволяет участникам и их представителям экономить не только время, но и средства, например командировочные расходы, которые в последующем взыскиваются с «проигравшей» стороны либо возмещаются за счет средств федерального бюджета.

2. Процессуальная экономия. Стороны нередко пытаются затянуть судебный процесс, представляя непосредственно в заседании дополнительные доказательства. При участии посредством веб-конференции возможность злоупотреблять своими процессуальными правами будет ограничена, так как сторонам придется заранее позаботиться о направлении документов в суд.

3. Доступность судопроизводства. Не секрет, что в РФ передвижение лиц с ограниченными возможностями здоровья по улицам городов и в транспорте не всегда комфортно, до сих пор не все суды оборудованы пандусами. Данные обстоятельства не только дистанцируют граждан от общественной жизни, но и влекут за собой наступление определенных правовых последствий [14–16], что, безусловно, приводит к нарушению прав таких граждан на судебную защиту [17]. Возможность участия в онлайн-заседании позволяет избежать этого затруднения.

Как было отмечено, у данной новеллы есть и отрицательные аспекты. Назовем основные: сложности идентификации лица, участвующего в деле, а также проблема контроля за свободой выражения позиции лица, участвующего в деле. Указанные проблемы возникают в связи с тем, что внедрение формы участия в судебном заседании онлайн не сопровождается каким-либо совершенствованием норм процессуального права.

Использование биометрических данных как способ установления личности

Трудно не согласиться с позицией ряда ученых, полагающих, что проблема идентификации лица, участвующего в деле, может быть эффективно решена путем использования биометрических данных, которые представляют собой уникальные биологические и физиологические характеристики, позволяющие установить личность человека [10; 18]. Различают следующие типы биометрии: изображение лица, радужная оболочка глаза, рисунок вен ладони и пальца, голос, отпечаток пальца.

Сегодня все чаще предлагается использовать биометрические данные в повседневной жизни. Компания Apple не первый год использует отпечатки пальцев и изображения лиц для разблокировки экранов телефонов. ПАО «Сбербанк России» предлагает своим клиентам для удобства обслуживания сделать запись голоса и отпечатка пальца.

Сегодня в РФ имеются нормативные акты, позволяющие использовать биометрические данные граждан для их идентификации, в частности «Концепция создания государственной системы изготовления, оформления и контроля паспортно-визовых документов нового поколения», а также Постановление Правительства РФ от 6 июля 2008 г. № 512 «Об утверждении требований к материальным носителям биометрических персональных данных и технологиям хранения таких данных вне информационных систем персональных данных».

Идентификация лица при участии в онлайн-заседании с использованием биометрических данных может стать эффективным способом установления личности, исключая любую фальсификацию, позволяющим при этом упростить процедуру судебного заседания в онлайн режиме. Однако вопрос о контроле за свободой выражения воли лица, участвующего в онлайн-заседании, остается открытым [19; 20]. Особенно важной представляется проблема невозможной проверки наличия/отсутствия давления на свидетеля, обладающего значимой, а порой решающей для установления обстоятельств дела информацией.

Несмотря на то, что в процессуальных кодексах РФ не закреплена возможность участия в судебном заседании посредством веб-конференции, в арбитражных судах уже складывается практика отказов в удовлетворении ходатайств об отложении судебного разбирательства в связи с невозможностью личного участия (см., например, постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 25.05.2020 № 07АП-3763/20 по делу № А27-27481/2019, постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 28.05.2020 № 02АП-2573/2020 по делу № А31-8949/2018). Суды мотивируют свои отказы наличием возможности принять участие с использованием удаленного доступа (см. определение Арбитражного суда Республики Коми от 13.05.2020 по делу № А29-3280/2020, решение Арбитражного суда г. Москвы от 20.05.2020 по делу № А40-313229/19-170-2472).

С учетом изложенного полагаем, что участие отдельных лиц в судебном заседании с использованием веб-технологии, как и онлайн-заседание, заслуживает внимания законодателя. Важнейшим подлежащим ре-

гулированию вопросом использования указанных форм участия в судебном разбирательстве является возможность обеспечить информационную безопасность участнику процесса с одновременным соблюдением процессуальных условий отправления правосудия.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

На основании анализа существующих проблем проведения судебных заседаний посредством веб-конференций сделано заключение о необходимости совершенствования данной процедуры в процессуальном законодательстве. Необходимо отрегулировать и законодательно закрепить возможность проведения процедуры идентификации лиц, участвующих в судебном заседании онлайн, путем использования биометрических данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брановицкий К.Л., Рейнд И.Г., Незнамов Ал.В., Незнамов Ан.В., Ярков В.В. Цифровые технологии в цивилистическом процессе: некоторые проблемы и перспективы // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 4. С. 52–95.
2. Грицай О.В., Губина Е.Н. Цифровизация как способ оптимизации механизма защиты гражданских прав в сфере гражданской юрисдикции // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 2. С. 64–68.
3. Брановицкий К.Л. Некоторые аспекты использования информационных технологий в исполнительном производстве // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 1. С. 87–101.
4. Гинце А.А. Биометрические технологии: мифы и реальность // Защита информации. Инсайд. 2005. № 1. С. 59–63.
5. Дмитриева Л.В. Использование биометрической идентификации личности при производстве судебных экспертиз // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 56–58.
6. Урмаев О.С., Босов А.В. Реализация концепции многофакторной биометрической идентификации в интегрированных аналитических системах // Бизнес и безопасность в России. 2008. № 49. С. 104–105.
7. Василькова С.В. О злоупотреблении правом при применении систем видеоконференц-связи в судах // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2016. № 6. С. 75–78.
8. Момотов В.В. Судебная реформа 2018 года в Российской Федерации: концепция, цели, содержание // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 134–146.
9. Громошина Н.А. Упрощение цивилистического процесса как проявление тенденции его унификации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 3–6.
10. Тульских В.Д. Использование биометрических технологий в экспертно-криминалистической деятельности // Научно-информационный журнал армия и общество. 2013. № 1. С. 161–165.
11. Клипко Е.П., Лихолетов С.Г. Идентификация человека в криминалистике и судебной медицине //

- Norwegian Journal of development of the International Science. 2019. № 5-2. С. 61–63.
12. Пиголкин Ю.И., Федулова М.В., Гончарова Н.Н. Судебно-медицинское определение возраста. М.: Медицинское информационное агентство, 2006. 224 с.
 13. Звягин В.М., Карпуничев А.М. Определение возраста взрослого человека по признакам внешности // Судебно-медицинская экспертиза. 1988. Т. 31. № 1. С. 18–22.
 14. Барашева Е.В. Проблемы реализации права инвалида на доступную среду // Глаголь правосудия. 2017. № 1. С. 5–8.
 15. Котельников М.Г. Реализация права на судебную защиту // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 2. С. 68–76.
 16. Котельников М.Г. Конституционное право на судебную защиту: на примере практики Конституционного суда Российской Федерации. Челябинск: ИИУМЦ «Образование», 2008. 162 с.
 17. Лебедев В.А. Роль международно-правовых стандартов в формировании отечественной концепции прав и свобод человека и гражданина // Проблемы права. 2015. № 2. С. 9–21.
 18. Булгакова Е.В., Денисов И.С., Булгаков В.Е. Киберправосудие // Администратор суда. 2018. № 4. С. 13–16.
 19. Гаджиев Г.А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 17–18.
 20. Жуйков В.М., Долова М.О. Актуальные проблемы унификации процессуального законодательства // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 121–135.
 6. Ushmaev O.S., Bosov A.V. Implementing the concept of multifactorial biometric identification within integrated analytical systems. *Biznes i bezopasnost v Rossii*, 2008, no. 49, pp. 104–105.
 7. Vasilkova S.V. The abuse of law in the application of video conferencing in courts. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo*, 2016, no. 6, pp. 75–78.
 8. Momotov V.V. The Russian judicial reform in 2018: concept, objectives, content (Part I). *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2018, no. 10, pp. 134–146.
 9. Gromoshina N.A. Civil procedure simplification as a sign of tendency to its unification. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2016, no. 9, pp. 3–6.
 10. Tulsikh V.D. The use of biometric technologies in forensic activity. *Nauchno-informatsionnyy zhurnal armiya i obshchestvo*, 2013, no. 1, pp. 161–165.
 11. Klipko E.P., Likholetov S.G. Human identification in criminalistics and forensic medicine. *Norwegian Journal of development of the International Science*, 2019, no. 5-2, pp. 61–63.
 12. Pigolkin Yu.I., Fedulova M.V., Goncharova N.N. *Sudebno-meditsinskoe opredelenie vozrasta* [Medico-legal age determination]. Moscow, Meditsinskoe informatsionnoe agentstvo Publ., 2006. 224 p.
 13. Zvyagin V.M., Karpunichev A.M. Age determination in an adult by appearance characteristics. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza*, 1988, vol. 31, no. 1, pp. 18–22.
 14. Barasheva E.V. Problems of implementation of the right to the disabled on the available environment. *Glagol pravosudiya*, 2017, no. 1, pp. 5–8.
 15. Kotelnikov M.G. Exercise of right to judicial protection. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2017, no. 2, pp. 68–76.
 16. Kotelnikov M.G. *Konstitutsionnoe pravo na sudebnuyu zashchitu: na primere praktiki Konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional right to judicial protection: on the example of the Constitutional Court of the Russian Federation]. Chelyabinsk, IIUMTs “Образование” Publ., 2008. 162 p.
 17. Lebedev V.A. Role of international legal standards in formation of national concept of human rights and freedoms. *Problemy prava*, 2015, no. 2, pp. 9–21.
 18. Bulgakova E.V., Denisov I.S., Bulgakov V.E. Cyberjustice. *Administrators suda*, 2018, no. 4, pp. 13–16.
 19. Gadzhiev G.A. Principle of legal certainty and its provision by the courts. Quality of laws from Russian viewpoint. *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie*, 2012, no. 4, pp. 17–18.
 20. Zhuykov V.M., Dolova M.O. Current problems of unification of procedural legislation. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2019, no. 8, pp. 121–135.

REFERENCES

1. Branovitskiy K.L., Reynts I.G., Neznamov A.I.V., Neznamov An.V., Yarkov V.V. Digital technology and civil procedure: some problems and prospects. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 52–95.
2. Gritsay O.V., Gubina E.N. Digitalization as a way of optimizing the mechanism of protection of civil rights in the field of civil jurisdiction. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 2019, vol. 5, no. 2, pp. 64–68.
3. Branovitskiy K.L. Some aspects of the use of information technologies in enforcement proceedings. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 87–101.
4. Gintse A.A. Biometric technologies: myths and reality. *Zashchita informatsii. Insayd*, 2005, no. 1, pp. 59–63.
5. Dmitrieva L.V. Use of biometric identification of a person in forensic examinations. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2018, no. 1, pp. 56–58.

**THE PROBLEM OF IDENTIFYING PERSONS PARTICIPATING
IN COURT SESSIONS THROUGH A WEB CONFERENCE**

© 2020

Z.S. Lebedev, postgraduate student of Chair of Criminal Procedure and Criminology
Academician S.P. Korolev Samara National Research University, *Samara (Russia)*

Keywords identification of persons participating in a case; web conference; court session; biometric data.

Abstract: The paper deals with the problem of identifying persons participating in a court session through a web conference, in particular, the possibility of identifying by using biometric data. The relevance of the study is determined by the existing social request for the modernization of the methods of holding a court session and participating in it, which aims at ensuring their orientation to satisfy the legitimate interests and needs of citizens, as well as the insufficient elaboration of the possibilities for implementing a new way of participating in the court session in legislation. The author analyzes the pros and cons of the new way to participate in court sessions proposed by the law enforcement agency, expresses the author's opinion on this issue. In particular, the author touches on the problem of identifying persons participating in a court session through a web conference, which today has more disadvantages than advantages. The author proposes the way to solve this problem: to use biometric data involving both a thorough analysis of the possibilities for its application by the legislator and testing in the practical field with the participation of specialists in the sphere of information technologies. The author proposes the use of biometric data of citizens to participate in a court session online. In this case, the procedures for collecting and using such data should be strictly regulated. The storage of biometric data must meet all safety requirements to prevent unauthorized use. The author agrees with the effectiveness of the measure taken by the law enforcement agency to reduce coronavirus infection and considers it possible to use this measure in ordinary life conditions.

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ**

© 2020

О.Ю. Савельева, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: взяточничество; коммерческий подкуп; коррупционные преступления; служебный подлог; специальный рецидив.

Аннотация: В 2016 году ответственность за коррупционные преступления претерпела существенные изменения. Это выразилось в ужесточении наказания за отдельные виды коррупционных преступлений и включении в уголовное законодательство новых составов коррупционных посягательств. Несмотря на устоявшуюся за четыре года судебную практику и наличие Постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащего толкование коррупционных преступлений, по-прежнему существует ряд спорных вопросов, требующих обсуждения и разрешения с учетом современных реалий. Настоящее исследование посвящено определению базовых положений, связанных с формированием понятия коррупционных преступлений и их основных признаков, анализу спорных теоретических и практических вопросов квалификации коммерческого подкупа, взяточничества, злоупотреблений служебными полномочиями, а также сопрягаемому с взяточничеством служебному подлогу с учетом последних изменений, внесенных в уголовное законодательство. Проведен общий анализ коррупционных посягательств, а также уделено внимание отдельным составам преступлений, в частности мелкому коммерческому подкупу и мелкому взяточничеству, включенным в Уголовный кодекс РФ на основании Федерального закона от 3 июля 2016 года № 324-ФЗ. Акцент сделан на характеристике специального рецидива, включенного в конструкцию квалифицированных видов мелкого коммерческого подкупа и взяточничества. По результатам исследования вносятся предложения по изменению диспозиции ст. 201 УК РФ о злоупотреблении полномочиями, корректировке содержания Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» в части толкования специального рецидива и служебного подлога.

ВВЕДЕНИЕ

Согласно данным судебной статистики, за совершение коммерческого подкупа было осуждено: в 2016 году – 361 чел., в 2017 – 262 чел., в 2018 – 208 чел., в 2019 – 200 чел. Таким образом, наметилась устойчивая тенденция к снижению числа деяний, предусмотренных ст. 204 УК РФ. В 2017 году оно составило 27,4 %, в 2018 – 20,6 %, а в 2019 – 3,9 %. Что касается взяточничества, то здесь наблюдается следующая картина: в 2016 году осуждено 5 265 чел., в 2017 – 2 983 чел. (–43,35 %), в 2018 – 2 656 чел. (–10,9 %), в 2019 – 2 933 чел. (+10,4 %)¹. Соответственно, резкое падение (практически в два раза) количества преступлений, совершаемых путем взяточничества, в 2017 году сменилось ростом количества этих деяний в 2019 году. Думается, что основная причина значительного снижения в 2017 году количества посягательств, предусмотренных ст. 204, 290, 291 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), обусловлена проведенной в июле 2016 года дифференциацией ответственности за коммерческий подкуп и взяточничество в зависимости от размера коммерческого подкупа или взятки на сумму 10 000 руб.

Конструкция преступлений, предусмотренных ст. 204.2, 291.2 УК РФ, сразу вызвала множество споров среди ученых. В частности, авторы критически отнеслись к тому, что законодатель в частях первых рассматриваемых норм одновременно указал действия по получению и передаче коммерческого подкупа (взятки), не проведя их дифференциацию по степени обще-

ственной опасности [1; 2]. Другие исследователи считают пробелом отсутствие ответственности за посредничество в мелком коммерческом подкупе (взяточничестве) [3–5].

Не менее спорными являются положения ч. 2 ст. 204.2 УК РФ и ч. 2 ст. 291.2 УК РФ, предусматривающие повышенную уголовную ответственность в отношении лиц, имеющих судимость за тождественные или однородные деяния. Анализ судебной практики по ч. 2 ст. 204.2 и ч. 2 ст. 291.2 УК РФ свидетельствует о том, за 2016–2019 годы не было зафиксировано ни одного уголовного дела по ч. 2 ст. 204.2 УК РФ, в отличие от ч. 1 ст. 204.2 УК РФ, по которой с 2016 по 2019 год осуждено 123 чел. По ч. 2 ст. 291.2 УК РФ за указанный период было осуждено 28 чел., что значительно меньше числа осужденных по ч. 1 данной нормы – 7 870 чел.² Основную причину таких показателей по ч. 2 ст. 204.2 и ч. 2 ст. 291.2 УК РФ исследователи видят в специфичности конструкции этих составов преступлений и в наличии объективных причин, препятствующих привлечению лиц к уголовной ответственности по данным нормам [6].

В доктрине уголовного права в зависимости от качественных характеристик ранее совершенных и вновь совершаемых преступлений рецидив принято подразделять на общий и специальный. Под первым понимается совершение ранее судимым лицом нового преступления, которое не тождественно и не однородно ранее совершенному [7]. Такой рецидив важен при назначении наказания, поскольку учитывается как отягчающее обстоятельство согласно п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Вторая разновидность рецидива, наоборот, предполагает

¹ Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ. URL: <http://stat.legalpress.ru/stats/ug/t/14/s/17>.

² См. 1.

совершение ранее судимым лицом нового преступления, тождественного или однородного ранее совершенному деянию [8]. До 8 декабря 2003 года именно специальный рецидив использовался законодателем при конструкции квалифицирующих признаков большинства составов преступлений. После 8 декабря 2003 года все квалифицированные составы преступлений с признаками специального рецидива из УК РФ были исключены. Специальный рецидив утратил свое уголовно-правовое значение. Его исследование до принятия Федерального закона от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ продолжалось только в рамках криминологического учения о рецидивной преступности, где понимание специального рецидива фактически совпало с его уголовно-правовой сущностью [9; 10].

Начиная с Федерального закона от 29 февраля 2012 года № 14-ФЗ, законодатель вновь стал возвращать специальный рецидив в уголовное право в виде квалифицированных признаков отдельных составов преступлений. Применительно к коррупционным преступлениям такие изменения были внесены Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 324-ФЗ. При этом, как и до 8 декабря 2003 года, законодательное определение специального рецидива выработано не было, поэтому в настоящее время специальный рецидив по-прежнему сохраняется исключительно как доктринальное определение. Соответственно, законодатель и правоприменитель не отождествляют специальный рецидив с легально определяемым в ст. 18 УК РФ рецидивом и не распространяют на специальный рецидив правила, указанные в ст. 18 УК РФ, что вызывает справедливую критику среди ученых [11].

Анализируя причины повышенной уголовной ответственности за специальный рецидив, авторы приходят к выводу, что основной акцент здесь сделан на личностных особенностях субъекта преступления. Тот факт, что лицо, будучи судимым за однородное или тождественное преступление, вновь совершает подобное посягательство, свидетельствует об устойчивости его антисоциальных установок и деформированном представлении о социальных ценностях, о конкретизированной антиобщественной ориентации преступника [12].

В целом коррупционные преступления, по мнению ряда ученых, обладают главной отличительной особенностью – это их обязательная корыстная составляющая [13–15].

Цель исследования – изучение особенностей уголовной ответственности за коррупционные преступления с учетом последних изменений и дополнений, внесенных в УК РФ в 2016 году, и материалов судебной практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие и признаки коррупционных преступлений

Официальное определение коррупционных преступлений отсутствует. Не дает понятие данной категории преступных посягательств и Верховный Суд РФ. Такая ситуация вызывает ряд спорных моментов, которые могут быть разрешены путем унификации признаков коррупционных преступлений.

В частности, анализ составов преступлений, предусмотренных ст. 201, 204, 204.1, 204.2, 285, 290, 291,

291.1, 291.2, 292 УК РФ, свидетельствует о том, что все они относятся к коррупционным посягательствам, поскольку для них характерно наличие корыстной мотивации, выраженной в той или иной форме. Правильность данной позиции подтверждается Генпрокуратурой России и МВД России, которые в совместных указаниях от 24.01.2020 № 35/11/1 отмечают корыстный мотив (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц) как обязательный признак преступлений коррупционной направленности.

Однако корыстный мотив прописан в диспозициях не всех коррупционных преступлений. К примеру, он указан в ст. 285 и 292 УК РФ в формулировке «корыстная заинтересованность». А вот в ст. 201 УК РФ обязательным признаком субъективной стороны является специальная цель (а не мотив) – извлечение выгоды и преимуществ для себя или других лиц.

В науке уголовного права вопрос о различии специального мотива и цели преступления изучен достаточно подробно. По мнению исследователей, цель преступления – это тот будущий результат, которого стремиться достичь виновный, совершая преступление [13]. Она не совпадает с преступным результатом (общественно опасными последствиями), поскольку формируется до начала выполнения объективной стороны [14]. Мотив является побудительной причиной совершения преступления, влияя на весь волевой процесс возникновения преступного намерения [15].

Возвращаясь к положениям ст. 201 УК РФ, необходимо отметить, что данный состав тесно соприкасается с составом, предусмотренным ст. 285 УК РФ. Основная разница заключается в субъекте преступления. По ст. 201 УК РФ ответственность несут лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и некоммерческих организациях. А субъектом преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, является должностное лицо. Аналогичные различия характерны для ст. 204 УК РФ, с одной стороны, и ст. 290, 291 УК РФ, с другой, на что обращается внимание в научной доктрине [16].

При этом законодатель при конструировании субъективной стороны ст. 201 УК РФ почему-то указывает на корыстную цель, а в ст. 285 УК РФ – на корыстный мотив. Как справедливо отмечают отдельные исследователи данного вопроса, «корыстному побуждению всегда может соответствовать только корыстная цель» [17, с. 15]. В составах преступлений, предусмотренных ст. 204, 204.1, 204.2, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ, законодатель напрямую не указал на корыстный мотив. Однако, исходя из сущности коммерческого подкупа и взяточничества, предполагающих обязательное получение материальной выгоды для себя или третьих лиц, следует сделать вывод, что корыстный мотив является обязательным признаком указанных деяний, на что указывалось в литературе советского периода [18].

Уголовно-правое понимание коммерческого подкупа и взяточничества

Понятие «коммерческий подкуп», исходя из положений ст. 204, 204.2 УК РФ, охватывает дачу (получение) коммерческого подкупа. Взятничество, как следует из содержания ст. 291.2 УК РФ, – это дача (получение)

взятки. Однако в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 термины ««коммерческий подкуп» и «взятничество» толкуются более широко за счет отнесения к первому посредничества в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ), а ко второму – посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ). Такая позиция Верховного Суда РФ представляется ошибочной, поскольку действия посредника в коммерческом подкупе выражаются в оказании содействия в установлении отношений между лицами, передающими и принимающими предмет коммерческого подкупа. Аналогичные действия выполняет посредник во взяточничестве. Следовательно, посредничество в коммерческом подкупе – это преступление, связанное с коммерческим подкупом, а не сам коммерческий подкуп. Равно как посредничество во взяточничестве – это не прямое взяточничество.

Квалификация мелкого коммерческого подкупа и взяточничества

Коммерческий подкуп и взяточничество в размер до 10 000 руб. относятся к категории «мелких». Ответственность за мелкий коммерческий подкуп предусмотрена в ст. 204.2 УК РФ, а за мелкое взяточничество – в ст. 291.2 УК РФ.

Как указывалось выше, на данные составы не распространяются правила рецидива, перечисленные в ст. 18 УК РФ, а именно: из положений п. «а», «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ следует, что при признании рецидива не учитывается судимость за преступления небольшой тяжести и за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте. Из содержания ч. 2 ст. 204.2 УК РФ и ч. 2 ст. 290.2 УК РФ следует, что ответственность при наличии признаков специального рецидива по данным нормам несут в том числе лица, имеющие судимость за однородные или тождественные преступления небольшой тяжести. В случае с мелким коммерческим подкупом – это судимости по ч. 1, 2, 5 ст. 204, ч. 1 ст. 204.1, ст. 204.2 УК РФ; при мелком взяточничестве – ч. 1 ст. 290, ч. 1 ст. 291, ст. 291.2 УК РФ.

Что касается ответственности несовершеннолетних по ч. 2 ст. 204.2 УК РФ и ч. 2 ст. 290.2 УК РФ, то какие-либо разъяснения на этот счет в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 отсутствуют.

В п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 года № 16 дается толкование ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ, предусматривающих ответственность за специальный рецидив в половых преступлениях. Здесь содержится прямое указание – учитывать судимость в несовершеннолетнем возрасте. Такая формулировка Верховного Суда РФ, по мнению отдельных авторов, вызывает противоречие с легальным определением рецидива [11].

Необходимо обратить внимание также на то, что если при совершении половых преступлений, где субъект преступления общий, привлечение к ответственности за специальный рецидив вполне допустимо, то в рассматриваемых коррупционных преступлениях со специальными субъектами это весьма затруднительно. Как справедливо отмечается в литературе, наличие судимости за коррупционное преступление, согласно положениям российского законодательства, препятствует замещению каких-либо должностей в государственной и му-

ниципальной сфере [19]. Соответственно, практически невозможно привлечь по ч. 2 ст. 291.2 УК РФ должностное лицо, имеющее судимость, хотя в судебной практике такие примеры все же есть.

Так, приговором Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 27 июня 2017 года Джумшудов был осужден по ч. 2 ст. 291.2 УК РФ за получение взятки в размере 4 000 руб. при следующих обстоятельствах. 7 ноября 2016 года к Джумшудову через Интернет обратилась студентка юридического факультета Новосибирского аграрного университета с просьбой предоставления ей и двум ее сокурсницам листов нетрудоспособности на срок с 8 по 15 ноября 2016 года. В ходе интернет-переписки девушка сообщила медицинскому работнику, что какими-либо заболеваниями она и две ее знакомые не страдают, а больничные листы им необходимы для предоставления в учебное заведение с целью освобождения от посещения занятий. Джумшудов согласился выполнить просьбу о незаконном предоставлении листов нетрудоспособности при условии предоставления ему незаконного вознаграждения в размере 4 000 рублей. После этого Джумшудов сообщил студентке номер банковского счета для зачисления на него предмета взятки.

8 ноября 2016 года после того, как девушка произвела платеж на указанный Джумшудовым банковский счет, последний, находясь в своем служебном кабинете, заполнил на имя трех обучающихся на юридическом факультете Новосибирского аграрного университета студентов листы нетрудоспособности, а впоследствии был задержан сотрудниками полиции. При этом было установлено, что ранее (3 октября 2016 года) фигурант дела был признан судом виновным за совершение при замещении этой же должности аналогичных преступлений по ч. 1 ст. 291.2 и ч. 1 ст. 292 УК РФ.

Как видно из этого примера, интервал между приговором за первые преступления и совершением вторых преступлений составил месяц. В такой ситуации, вероятнее всего, приговор в отношении Джумшудова не успел поступить работодателю на исполнение, что позволило осужденному продолжить выполнение обязанностей врача.

Возвращаясь к вопросу о привлечении к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 204.2 и ч. 2 ст. 291.2 УК РФ лиц, имеющих судимость за коррупционное преступление в несовершеннолетнем возрасте, нужно отметить, что в качестве мелкого взяткополучателя несовершеннолетние выступать не могут, поскольку занятие должности на государственной или муниципальной службе возможно только с 18 лет. Несовершеннолетний может быть мелким получателем коммерческого подкупа, поскольку гражданское законодательство не содержит запретов на занятие руководящих должностей в коммерческих и некоммерческих организациях в возрасте от 16 до 18 лет.

Отграничение коммерческого подкупа и взяточничества от смежных составов

Преступления, совершаемые в форме коммерческого подкупа и взяточничества, необходимо отграничивать от злоупотребления полномочиями (ст. 201 УК РФ) и злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ). Коммерческий подкуп и взяточничество –

это «частные» случаи злоупотребления, т. е. специальные нормы по отношению к общим нормам – ст. 201 и 285 УК РФ. Главное отличие между ними заключается в объективных признаках. Коммерческий подкуп и взяточничество – это деяния с формальным составом, поскольку считаются оконченными в момент получения (дачи) предмета коммерческого подкупа (взятки). Злоупотребления служебными (должностными) полномочиями – это деяния с материальным составом. Для их квалификации как оконченных преступлений обязательно наступление общественно опасных последствий в виде существенного вреда.

Кроме того, общественно опасное деяние при коммерческом подкупе и взяточничестве в виде получения предмета преступления состоит из двух последовательных элементов. Первый – это действия по принятию предмета коммерческого подкупа (взятки). Второй – это действия (бездействие) субъекта преступления, которые он должен совершить или не совершить после получения вознаграждения. Общественно опасное деяние в составах преступлений, предусмотренных ст. 201 и 285 УК РФ, носит «простой» характер – это активное действие виновного лица в виде использования своих полномочий вопреки интересам службы, приносящее ему незаконную выгоду, а потерпевшей стороне – ущерб.

Квалификация служебного подлога

В п. 35 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 содержится разъяснение относительно квалификации еще одного коррупционного преступления – служебного подлога. Здесь дается определение предмета служебного подлога. Это официальные документы, влекущие определенные юридические последствия для участников правоотношений.

Анализ положений ст. 292 УК РФ с учетом разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24, свидетельствует о сходстве данного состава со ст. 327 УК РФ, толкование которой дается в методических рекомендациях, утвержденных Федеральной службой судебных приставов России 15.04.2013 № 04-4.

Необходимо также отметить, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно видов официальных документов и способов их искажения на сегодняшний день устарели и не учитывают возможность предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде (электронные листки временной нетрудоспособности, электронные зачетно-экзаменационные ведомости, электронные зачетные книжки и т. д.). Интересным представляется исследование, в котором даются практические рекомендации по выявлению и фиксации поддельных электронных документов, например дипломов о высшем образовании [20].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Для унификации признаков коррупционных преступлений целесообразно заменить корыстную цель в диспозиции ст. 201 УК РФ на мотив «корыстной или иной личной заинтересованности».

В связи с отсутствием разъяснения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 о порядке применения ч. 2 ст. 204.2 и ч. 2 ст. 291.2 УК РФ в отношении лиц, имеющих судимость за однородные или тождественные преступления в несовершеннолетнем возрасте, необходимо дополнить п. 14 данного постановления абзацем 3, где прописать, что при квалификации по ч. 2 ст. 204.2 и ч. 2 ст. 291.2 УК РФ учитывается непогашенная или не снятая судимость по ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ в возрасте до 18 лет.

Преступление, предусмотренное ст. 292 УК РФ, близко соприкасается с деянием по ст. 327 УК РФ по признакам объективной стороны, а конкретно – по способу совершения преступления (внесение в официальные документы ложных сведений и исправлений (подчисток, дописок)). Основные отличия между этими составами проводятся по субъективным признакам: субъекту преступления (по ст. 292 УК РФ субъект специальный – должностное лицо, а по ст. 327 УК РФ субъект общий) и субъективной стороне (для ст. 327 УК РФ не характерен специальный мотив – мотив корысти).

В связи с активным внедрением в деятельность различных организаций, в том числе медицинских и образовательных, электронных официальных документов, необходимо в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 прописать, что предметом служебного подлога могут являться подобные документы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щетинина Н.В. Некоторые особенности законодательного конструирования норм об ответственности за отдельные коррупционные преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 1. С. 103–106.
2. Гончаров Д.Ю., Зырянова Ж.Е. Мелкое взяточничество как одно из проявлений бытовой коррупции // Вестник Виктимология. 2016. № 4. С. 46–50.
3. Жестков К.В. О криминализации посредничества в мелком взяточничестве // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 115–118.
4. Кочина М.С. Посредничество во взяточничестве: история законодательства и практики противодействия // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 117–123.
5. Лепихин М.О. Посредничество во взяточничестве в свете дополнений, внесенных в Уголовный кодекс РФ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 110–116.
6. Егорова Н.А., Егоров А.Г., Гордейчик С.А. Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства // Законность. 2017. № 1. С. 51–56.
7. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 4. С. 50–55.
8. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. 2-е изд. перераб. и доп. М.: БЕК, 1999. 590 с.
9. Волконская Е.К. Понятие криминологического рецидива преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 63–66.

10. Дроздов И.С. Структура криминологического рецидива осужденных без лишения свободы // Уголовная юстиция. 2019. № 13. С. 126–132.
11. Понятовская Т.Г. Проблема рецидива в уголовном праве и криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 96–102.
12. Дроздов И.С. Рецидив как критерий эффективности наказаний, не связанных с лишением свободы // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 200–205.
13. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 304 с.
14. Волков Б.С. Мотив и квалификация преступлений. Казань: Казанский ун-т, 1968. 166 с.
15. Боруленков Ю.П. Мотив как элемент предмета доказывания // Мировой судья. 2013. № 2. С. 28–32.
16. Рагозина И.Г. Коммерческий подкуп: вопросы дифференциации уголовной ответственности и проблемы квалификации // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 3. С. 327–332.
17. Гарбатович Д.А., Классен А.Н. Квалификация преступлений по мотиву и цели // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17. № 3. С. 13–18.
18. Куринов Б.Л. Научные основы квалификации преступлений. М.: Моск. ун-т, 1976. 182 с.
19. Коваль А.В. Уголовно-правовая характеристика специального рецидива при взяточничестве // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 2. С. 227–233.
20. Зотов П.В. Использование компьютерных технологий для выявления подделок текста в электронных документах // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 2. С. 208–212.
6. Egorova N.A., Egorov A.G., Gordeychik S.A. Anti-corruption novels of the criminal law. *Zakonnost*, 2017, no. 1, pp. 51–56.
7. Khisamutdinov F.R., Shalagin A.E. Prevention of professional crimes and recidivism (history and modernity). *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2014, no. 4, pp. 50–55.
8. Naumov A.V. *Rossiyskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast* [Russian criminal law. General part]. 2nd ed. pererab. i dop. Moscow, BEK Publ., 1999. 590 p.
9. Volkonskaya E.K. Concept of criminological crime recurrence. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2015, no. 9, pp. 63–66.
10. Drozdov I.S. The structure of criminological recidivism of persons convicted without imprisonment. *Ugolovnaya yustitsiya*, 2019, no. 13, pp. 126–132.
11. Ponyatovskaya T.G. Recidivism in criminology and criminal law. *Kriminologicheskii zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2014, no. 3, pp. 96–102.
12. Drozdov I.S. Recidivism as a criterion for the effectiveness of penalties not related to deprivation of liberty. *Ugolovnaya yustitsiya*, 2018, no. 11, pp. 200–205.
13. Rarog A.I. *Kvalifikatsiya prestupleniy po subektivnym priznakam* [Classification of crimes on the subjective attributes]. Sankt Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2002. 304 p.
14. Volkov B.S. *Motiv i kvalifikatsiya prestupleniy* [Motive and qualification of crimes]. Kazan, Kazanskiy un-t Publ., 1968. 166 p.
15. Borulenkoy Yu.P. Motive as an Element of Proof Object. *Mirovoy sudya*, 2013, no. 2, pp. 28–32.
16. Ragozina I.G. Commercial bribery: issues of criminal liability classification and problems of qualification. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 327–332.
17. Garbatovich D.A., Klassen A.N. Qualification of crimes on motives and purposes. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2017, vol. 17, no. 3, pp. 13–18.
18. Kurinov B.L. *Nauchnye osnovy kvalifikatsii prestupleniy* [Scientific basis of classification of crimes]. Moscow, Mosk. un-t Publ., 1976. 182 p.
19. Koval A.V. Criminal law characteristic of special relapse of bribery. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*, 2018, vol. 15, no. 2, pp. 227–233.
20. Zotov P.V. Use of computer technology to identify fake of the text of electronic documents. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2012, no. 2, pp. 208–212.

REFERENCES

1. Shchetinina N.V. Issues of legislative construction rules of criminal liability for certain corruption crimes. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 1, pp. 103–106.
2. Goncharov D.Yu., Zyryanova Zh.E. Petty corruption as a manifestation of everyday corruption. *Viktimologiya*, 2016, no. 4, pp. 46–50.
3. Zhestkov K.V. On the criminalization of mediation small bribery. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2019, no. 4, pp. 115–118.
4. Kochina M.S. Mediation in bribery: the history of legislation and counteraction practice. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2017, no. 4, pp. 117–123.
5. Lepikhin M.O. Mediation in bribery in the light of amendments made to the criminal code of the Russian

**CRIMINAL LIABILITY FOR CORRUPTION CRIMES
UNDER THE CURRENT RUSSIAN LEGISLATION**

© 2020

O.Yu. Savelyeva, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair of Criminal Law and Process
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: bribery; corrupt payment; corruption crimes; forgery in office; special recidivism.

Abstract: In 2016, the liability for corruption crimes underwent substantial transformations. It resulted in adding greater punitive measures for some types of corruption crimes and including new elements of corruption offenses in criminal legislation. Despite the common judicial practice and the existence of the Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation containing the interpretation of corruption crimes, still, there are many controversial issues demanding discussion and solution taking into account modern life realities. The research determines the basic statements related to the formation of the concept of corruption crimes and their main attributes, analyzes the controversial theoretical and practical issues of classification of a corrupt payment, bribery, official misconduct, as well as forgery in the office associated with bribery taking into account last amendments to criminal legislation. The author carried out the general analysis of corruption offenses, as well as paid attention to some corpora delicti, in particular, to minor corrupt payment and minor bribery included in the Criminal code of the Russian Federation based on the Federal law of July 3, 2016, No. 324-FZ. The paper focuses on the characteristics of special recidivism included in the structure of classified types of minor corrupt payment and bribery. By results of the research, the author makes the proposals on change of the disposition of abuse of authority (Article 201 of the Criminal Code of the Russian Federation), the update of contents of the Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “Concerning the judicial practice on cases of bribery and other corruption crimes” regarding the interpretation of special recidivism and forgery in office.

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ ДОВЕРИЯ К СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ И ПРОЯВЛЕНИЙ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА НА ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ

© 2020

Л.В. Стародубова, старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс»*Л.А. Инганнаморте*, студент магистратуры*Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Ключевые слова: правосудие; принципы правосудия; принцип доступности правосудия; сущность доступности правосудия; доверие к судебной системе.

Аннотация: Вопросы теории и практики, затрагивающие правовую природу, сущность и значение концепции доступности правосудия, – одни из самых актуальных в современной правовой науке. Статья посвящена изучению влияния субъективных факторов, проистекающих от лиц, заинтересованных в механизмах правосудия (доверие к судебной системе и носительство идей правового нигилизма), на реализацию их права на судебную защиту, а также действия концепции доступности правосудия в целом. Рассматриваются причины появления названных факторов, степень и формы их влияния, а также возможные пути устранения неблагоприятных последствий такого влияния. В целях повышения качества и проработанности темы исследования также затронуты вопросы теории, раскрывающие содержание концепции доступности правосудия и место этой идеи в правовой науке и практике. По результатам исследования делается вывод о необходимости принятия во внимание субъективных факторов при определении вектора развития процессуального законодательства и судебной системы в целом по причине их существенного влияния на доступность правосудия для граждан и организаций, поскольку такие факторы обуславливают наличие «ментальных», субъективных преград для использования механизмов судебной защиты. Помимо прочего, предлагается закрепить в процессуальном законодательстве концепцию доступности правосудия в качестве самостоятельного и независимого правового принципа, а также учитывать ее при разработке федеральных программ и дорожных карт по развитию институциональных и процессуальных составляющих правосудия. Предлагается разработать ряд мер образовательного и просветительного характера для устранения проявлений правового нигилизма в российском обществе.

ВВЕДЕНИЕ

Дискуссии среди авторов о правовой природе и сущности доступности правосудия не утихают на протяжении десятилетий. Подобный интерес к теме понятия: доступность правосудия является важнейшей гарантией самого правосудия, защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций через механизмы правосудия в рамках правового поля [1]. Концепция доступности правосудия уже более полувека занимает место одного из принципов правосудия. Такие взгляды, которым положил начало профессор В.М. Семёнов во второй половине XX века [2], уже укоренились в правовой литературе: большинство авторов воспринимает доступность правосудия как самостоятельный и независимый принцип, присущий процессуальному праву в целом [3; 4]. В этом с ними нельзя не согласиться, поскольку, во-первых, концепция доступности правосудия имеет ключевое значение для реализации цели и задач правосудия, и, во-вторых, по своей природе она отвечает всем сущностным и функциональным признакам правового принципа [5].

Тем не менее существуют взгляды, согласно которым доступность правосудия воспринимается как нечто иное. Ряд авторов понимает доступность правосудия как составную часть некой более общей категории – права на суд. К примеру, подобной точки зрения придерживается Э. Гротрайан (A. Grottrian), который, комментируя положения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, пришел к выводу о том, что доступность правосудия, наравне с беспристрастным и независимым судом, действующим на фундаменте закона, а также рассмотрением гражданского спора в судебном порядке, является неотъемлемой частью права на суд (права на судебную защиту) [6].

Есть и отечественные авторы, полагающие, что необходимо разделять право на доступ к суду и право на судебную защиту в составе более широкой правовой категории – «право на суд», раскрывая право на доступ к суду не только как непосредственную возможность использования механизмов судебной защиты, но и как наличие иных возможностей, включающих в себя альтернативные механизмы разрешения правовых конфликтов (внесудебные процедуры) [7].

Данная позиция поддерживается и практикой Европейского суда по правам человека, указавшего в одном из своих постановлений, что доступность правосудия, а точнее право на доступ к правосудию, представляет собой элемент более общего права на суд, заключающийся в отсутствии чрезмерных и необъективных правовых или практических препятствий для получения судебной защиты¹.

Ряд авторов воспринимает концепцию доступности правосудия как некий «надпринцип», пронизывающий своим действием право в целом. Подобная позиция подтверждается, например, мнением С.А. Воронцова, считающего, что доступность правосудия не может выступать самостоятельным правовым принципом, поскольку содержание доступности правосудия охватывается иными принципами процессуального права, к примеру принципом всеобщего равенства перед законом и судом [8].

¹ *Голдер (Golder) против Соединённого королевства. Решение Европейского суда по правам человека от 21 февраля 1975 года. Серия «А», № 18, § 45 // Гарант.ру: информационно-правовой портал.*
URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461468/>.

Однако названные позиции не кажутся нам достаточно проработанными и обоснованными. Рассматривать доступность правосудия исключительно как составляющую права на суд – значит не учесть характерные черты доступности правосудия как правового принципа. Рассматривать же доступность правосудия как «надпринцип» в силу того, что его содержание охватывается иными правовыми принципами, также необоснованно, так как аналогичные связи обнаруживаются и между иными правовыми принципами. Например, без принципа независимости судей было бы отчасти невозможно говорить о реализации принципа законности и наоборот. Процессуальный принцип состязательности и равенства сторон прямо проистекает из принципа всеобщего равенства перед законом и судом. При этом научных позиций о необходимости устранения данных принципов в силу их обеспечения со стороны иных принципов в правовой науке нет.

Таким образом, представляется очевидным, что самой обоснованной и проработанной позицией в правовой науке является понимание доступности правосудия как самостоятельного процессуального принципа.

В своем исследовании мы придерживаемся тезиса, что отсутствие нормативного закрепления не исключает понимания доступности правосудия как правового принципа, поскольку существование принципов права не находится в непосредственной зависимости от факта их закрепления в положениях действующего законодательства [9].

Такой точки зрения придерживается и Н.А. Беляев, полагающий, что не все правовые идеи, образующие в массе своей правосознание, должны быть закреплены в правовых нормах. Отсутствие такого закрепления не дает оснований утверждать об отсутствии какой-либо правовой идеи. И даже более того, если идея является одной из важнейших, то она не может не считаться одним из правовых принципов. Если резюмировать вышесказанное, правовые принципы с точки зрения формы их закрепления делятся на «правовые принципы, закрепленные в праве, и правовые принципы, не закрепленные в нем» [10, с. 193].

Несомненно, можно было бы утверждать, что и в отношении сущности и качественных характеристик доступности правосудия в правовой науке достигнут консенсус, заключающийся в понимании под доступностью правосудия отсутствия объективных и неадекватных действительности препятствий и преград для обращения к механизмам правосудия заинтересованным в них лицам [7]. Однако мы считаем, что необходимо расширить представления о надлежащем уровне доступности правосудия для принятия мер по более качественной практической реализации данного принципа, а также для лучшего понимания имеющихся в науке и практике правовых конструкций.

Ранее И.А. Приходько высказал мысль о том, что доступность правосудия представляет собой в том числе и критерий качественной оценки соответствия положений процессуального законодательства реалиям объективной действительности и вопросам их применения на практике, а также субъективным ожиданиям и потребностям общества и лиц, заинтересованных в механизмах правосудия, в контексте реализации права на судебную защиту [11]. Эта мысль по какой-то причине

осталась не замеченной в научном сообществе, да и в целом факторы субъективного характера, проистекающие из убеждений лиц, заинтересованных в механизмах правосудия, крайне редко исследуются при изучении вопроса о реализации принципа доступности правосудия. Такая ситуация кажется неправильной, поскольку такие факторы оказывают существенное влияние на доступность правосудия в Российской Федерации.

При этом субъективные факторы иного характера – убеждения, компетентность, мотивация работников органов судебной системы – иногда рассматриваются в литературе как факторы, оказывающие влияние на реализацию принципа доступности правосудия [12]. Однако и эти факторы зачастую игнорируются в работах на тему доступности правосудия и не являются популярными для изучения в науке. Здесь мы не будем останавливаться на субъективных факторах, проистекающих от лиц, отправляющих правосудие, поскольку эта тема заслуживает отдельного исследования. Тем не менее необходимо отметить, что субъективные факторы, оказывающие влияние на реализацию принципа доступности правосудия и проистекающие от лиц, отправляющих правосудие, имеют место быть.

Цель исследования – изучение влияния субъективных факторов, проистекающих от лиц, заинтересованных в судебной системе (доверие к судебной системе и восприятие ими идеологии правового нигилизма), на практическую реализацию принципа доступности правосудия; разработка предложений для повышения качества реализации принципа доступности правосудия в Российской Федерации с учетом субъективных факторов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Влияние фактора доверия к судебной системе

Что же необходимо понимать под субъективными факторами доступности правосудия? Мы предлагаем выделить следующие факторы: доверие к судебной системе и взгляды на судебную систему как на инструмент защиты своих прав, свобод и законных интересов (а точнее, их отсутствие в силу носительства идей правового нигилизма). Возможно, что данный список является неполным, и другие авторы предложат и иные факторы субъективного характера, оказывающие влияние на доступность правосудия.

Если говорить о доверии к судебной системе, то необходимо привести актуальную статистику, предоставленную Всероссийским центром исследования общественного мнения, согласно которой доверие граждан к судебной системе в феврале 2020 года составило 31,6 %, в то время как недоверие – 43,6 %². Такое положение, при котором количество граждан, не доверяющих национальной судебной системе, превышает количество доверяющих, является традиционным для современной Российской Федерации. Более того, отсутствует положительная динамика, поскольку число

² Деятельность общественных институтов: статистика общественного мнения // Всероссийский центр изучения общественного мнения.
URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/.

не доверяющих суду граждан растет год от года. К примеру, еще в декабре 2019 года количество граждан, доверяющих судебной системе, составляло 35 %, в то время как показатели недоверия находились на уровне 40 %³.

Вопросы причин такого недоверия не являются предметом исследования и заслуживают отдельного рассмотрения, но несомненно, что тот факт, что почти половина опрошенных граждан не доверяет судебной системе, существенно влияет на доступность правосудия для данных граждан. Есть внутренняя, субъективная преграда для доступа к правосудию. Если гражданин не доверяет судебной системе, не доверяет решениям судей, то он не станет добровольно использовать механизмы такой системы [13].

Рассмотрим составленный нами график, отражающий показатели статистики судебной системы, представленной Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации⁴, а также показатели доверия граждан к судебной системе за тот же период времени, представленные в ряде социологических исследований [14] (рис. 1).

Как можно заметить, имеется определенная зависимость между уровнем доверия и количеством рассмотренных судами гражданских и административных дел. Мы видим, как доверие граждан к судебной системе падало до 2011 года, после чего начался постепенный рост данного показателя. По инерции количество обращений в судебные органы продолжало падать до 2012 года, после чего также виден рост количества таких обращений. Несомненно, определение особенностей взаимосвязи и уровня корреляции между доверием граждан к судебной системе и количеством обращений в судебные органы представляет собой весьма и весьма сложный и глубокий вопрос, заслуживающий отдельного исследования. Тем не менее определенный уровень влияния доверия граждан на количество обращений очевиден.

Влияние фактора проявлений правового нигилизма

Второй фактор – взгляды на судебную систему как на инструмент защиты своих прав и свобод, как представляется, является следствием социокультурных и исторических особенностей нашего общества. Отсутствие таких взглядов по причине следования идеям правового нигилизма также «блокирует» для граждан доступ к правосудию. Безусловно, в физическом, процессуальном и любом ином факторе объективного ха-

³ Деятельность общественных институтов: статистика общественного мнения // Всероссийский центр изучения общественного мнения.

URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov/.

⁴ Сводная статистика рассмотрения дел судами за 2010–2017 гг. // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации.

URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2018/SSSt_2010-2017.x;

Репутация судов и судей: аналитика материалов социологических исследований // ФОМ: результаты опросов общественного мнения о политике, экономике и повседневной жизни. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/13239>.

рактера правосудия для них доступно. Но отрицание роли суда как для их жизни, так для жизни общества и государства создает психологический блок для обращения в судебные органы для защиты своих прав, свобод и законных интересов.

Огромное влияние на подсознательное ментальное восприятие судебной системы оказала советская эпоха: тоталитарный режим, подкрепленный агрессивно насаждаемой и поддерживаемой идеологией, извратил сущность права и его институтов в угоду этим самым идеологическим воззрениям. Судебная система в эту эпоху, несмотря на все достижения советской правовой науки, играла роль придатка государственной системы, исполняющего карательные и репрессивные функции [15; 16].

Не меньшее влияние на восприятие судебной системы оказал полномасштабный и всеобъемлющий кризис 90-х годов XX века, связанный с распадом Советского Союза. В ходе судебной реформы того времени задачей государства было создать судебную систему на абсолютно иных принципах, нежели в СССР. Несмотря на все усилия государства, к середине десятилетия сложилась ситуация, при которой суд был крайне востребован обществом, однако объективно не мог удовлетворить его потребностей [17], что также не способствовало зарождению и развитию взглядов на него как на инструмент защиты своих прав, поскольку люди видели беспомощность судебной системы. Эта часть нашей истории повлияла и на недоверие к судебной системе.

В результате хаоса и чрезвычайного распространения преступности на территории страны в 90-х годах прошлого столетия, а также роста коррумпированности, кумовства и прочих подобных явлений, отсутствия реальной защиты граждан со стороны судебной системы и правоохранительных органов в целом, в российском обществе распространились «неформальные практики». Например, коррупционный подход для решения различных вопросов в противовес механизмам права [18–20].

Ранее сказанное подтверждается результатами еще одного социологического исследования – массового опроса граждан по теме «Оценка деятельности судов в Российской Федерации», проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2007 году, который показал, что около трети населения страны готовы использовать неформальные методы в решении своих проблем, в том числе и обращение к влиятельным лицам, покровителям⁵.

Отсутствие внимания к влиянию субъективных факторов на качественную степень практической реализации принципа доступности правосудия в теории права приведет к их игнорированию на практике. Это недопустимо, поскольку ни одна правовая система не может существовать «в вакууме», быть оторванной от реалий общественной и государственной жизни. Она, как регулятор и организатор такой жизни, напрямую зависит от процессов, происходящих в обществе и государстве.

⁵ Оценка деятельности судов в РФ: результаты социологического исследования // Всероссийский центр изучения общественного мнения.

URL: https://wciom.ru/database/open_projects/otsenka_deyatelnosti_sudov_v_rossii/.

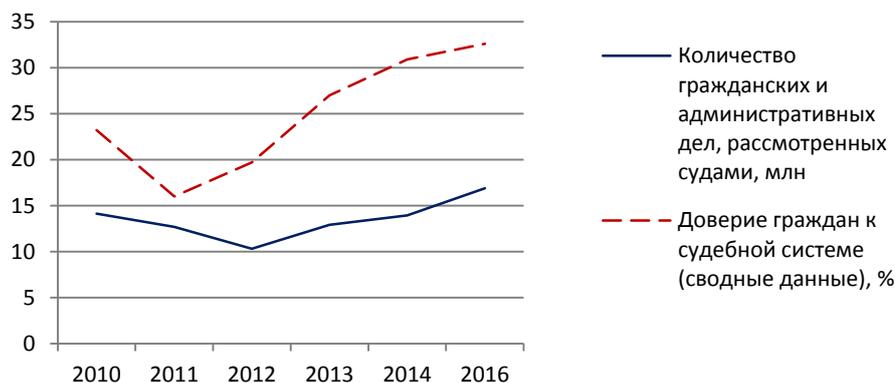


Рис. 1. Объединенный график количества рассмотренных судами гражданских и административных дел и уровня доверия граждан к судебной системе за 2010–2016 гг.

Таким образом, рассматривая теоретическую и практическую правовую конструкцию доступности правосудия, мы обязаны учитывать все факторы, которые могут на нее повлиять.

Практическое применение результатов исследования

Несмотря на значимость и влияние качественной степени реализации принципа доступности правосудия, данный принцип до сих пор не имеет своего нормативного закрепления и легального определения в действующем процессуальном законодательстве Российской Федерации. Мы считаем, что необходимо имплементировать теоретические положения о принципе доступности правосудия (закрепление как принципа, его нормативное определение, критерии реализации и др.) в отраслевые процессуальные кодексы для закрепления реализации данного принципа как одной из задач процессуального законодательства современной России.

Более того, необходимо учитывать принцип доступности правосудия, а также ранее перечисленные субъективные факторы доступности правосудия при развитии и модернизации судебной системы и процессуального законодательства. В 2020 году заканчивает свое действие федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» (утв. Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 года № 1406 (ред. от 25.12.2019)). Данная программа ставила одной из своих целей «обеспечение открытости и доступности правосудия», что говорит о стремлении государства обеспечить реализацию принципа доступности правосудия.

Однако, в предыдущей федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2007–2012 годы» в качестве индикатора качества развития провозглашался уровень доверия граждан к судебной системе, что отвечало предложенным в настоящей статье субъективным факторам принципа доступности правосудия. В настоящей программе, заканчивающей свое действие в 2020 году, ориентации на уровень общественного доверия нет, что мы считаем недопустимым и крайне неверным подходом при развитии судебной системы, в том числе по фактам и обстоятельствам, перечисленным выше.

Отдельно хотелось бы отметить, что изложенное ранее в большинстве своем имеет непосредственное

отношение к гражданскому, арбитражному и административному процессам. Особенности наполнения и реализации принципа доступности правосудия в рамках уголовного судопроизводства требуют отдельного исследования и осмысления.

По результатам исследования мы предлагаем следующее.

1. Закрепить принцип доступности правосудия в отраслевом процессуальном законодательстве в качестве одной из основополагающих идей современного процессуального права. Для изложения в нормативных актах мы предлагаем следующую редакцию декларативной правовой нормы:

«1. Гражданское судопроизводство (административное судопроизводство, судопроизводство в арбитражном суде) должно быть доступно каждому лицу, заинтересованному в судебной защите. Доступность правосудия выражается в возможности заинтересованных лиц использовать существующие механизмы правосудия для защиты своих прав, свобод и законных интересов.

2. Доступность правосудия подразумевает под собой процессуальный, организационный, институциональный, физический, финансовый и иные факторы доступности правосудия.

3. Любые ограничения доступности правосудия должны иметь под собой объективные и отвечающие требованиям действительности основания, соответствующие положениям федерального законодательства.

4. Суд не вправе своими действиями умалять право какой-либо из сторон на доступ к судебной защите».

Полагаем, что нормативное закрепление субъективных факторов в принципе доступности правосудия нерационально в силу того, что практическая реализация такой правовой нормы будет невозможна. Нельзя запретить гражданам не доверять суду. Нельзя запретить гражданам отрицать ценность права и его институтов. В конце концов, Основной закон нашей страны закрепляет свободу мысли, слова и убеждений. Тем не менее мы должны учитывать такие факторы, причины их появления и степень влияния на реализацию принципа доступности правосудия.

2. Принимать во внимание субъективные факторы при реализации принципа доступности правосудия в процессе развития действующего процессуального законодательства и судебной системы, имплементируя

соответствующие правовые положения в федеральные целевые программы по такому развитию.

Помимо этого, мы можем и должны прилагать все усилия для устранения причин появления субъективных факторов, негативно влияющих на доступность правосудия.

3. Разработать комплекс мер образовательного, просветительного характера по устранению проявлений правового нигилизма среди граждан Российской Федерации и повышению уровня их правовой грамотности, правовой культуры и правового сознания.

ВЫВОДЫ

1. Доступность правосудия есть самостоятельный и независимый процессуальный принцип.

2. Принцип доступности правосудия раскрывается как в отсутствии внешних преград объективного характера для доступа к механизмам правосудия (процессуальные, институциональные, физические и иные факторы), так и в отсутствии преград субъективного характера.

3. Субъективные факторы, оказывающие влияние на доступность правосудия, подразделяются на факторы, проистекающие от лиц, заинтересованных в правосудии (доверие к судебной системе и наличие проявлений правового нигилизма), и факторы, проистекающие от лиц, его отправляющих (убеждения, компетентность, система морально-нравственных ценностей, мотивация работников органов судебной системы).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кузнецов А.П. Ограничения принципа доступности правосудия в ходе проводимой реформы процессуального законодательства Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 268–270.
- Семёнов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М.: Юридическая литература, 1982. 152 с.
- Артёмова Д.И., Медведева Е.А. Проблемы доступности правосудия в Российской Федерации // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 3. С. 44–48.
- Топилина Т.А. Право на доступ к правосудию как принцип уголовного судопроизводства // Право и политика. 2020. № 4. С. 49–58.
- Бойчук В.В. Понимание доступности правосудия и её место в современной правовой системе // Фемида. Science. 2015. № 1. С. 50–52.
- Гротрайан Э. Европейская Конвенция о защите прав и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6. М.: Институт государства и права РАН, 1997. 160 с.
- Корпен А.С. К вопросу о содержании права на доступ к правосудию // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 111–121.
- Воронцов С.А. Правоохранительные органы Российской Федерации. М.: Феникс, 2010. 445 с.
- Клёнова Т.В. Кодификация и текущее уголовно-правовое регулирование. Самара: Самарский университет, 1995. 75 с.

- Беляев Н.А. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 720 с.
- Приходько И.А. Доступность правосудия в Арбитражном и Гражданском процессе: основные проблемы. СПб.: СПбГУ, 2005. 670 с.
- Фролова Н.А., Псарёв И.М. Доступность к правосудию в российском обществе: проблемы и противоречия // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 1. С. 180–188.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Российские суды – трудности развития // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 68–79.
- Прохода В.А. Доверие россиян национальной судебной системе (по материалам социологического исследования) // Социодинамика. 2019. № 5. С. 86–94.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Проблемы укрепления доверия к судебной власти в современной России // Власть. 2008. № 8. С. 97–102.
- Абдулин Р.С. Общая характеристика и модели судебного управления в РСФСР (1917–1998 гг.) // Genesis: исторические исследования. 2016. № 1. С. 138–202.
- Чернявский В. Проблемы организационного обеспечения деятельности судов // Российская юстиция. 2000. № 9. С. 5–7.
- Мирошниченко Д.В. Рождение коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 4. С. 74–77.
- Синельщиков Ю.П. Коррупция в России: история, состояние, причины, меры борьбы. М.: ООО-фирма «Псковское возрождение», 2017. 92 с.
- Кавицкая И.Л., Сафонов И.Н. Взаимосвязь коррупции и инфляции в условиях неоднородности коррупции // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 81–96.

REFERENCES

- Kuznetsov A.P. Limitations of the principle of access to justice in the course of the reform of the procedural legislation of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 6, pp. 268–270.
- Semenov V.M. *Konstitutsionnye printsipy grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Constitutional principles of civil justice]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1982. 152 p.
- Artemova D.I., Medvedeva E.A. The problems of access to justice in the Russian Federation. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, no. 3, pp. 44–48.
- Topilina T.A. The right for access to justice as a principle of criminal procedure. *Pravo i politika*, 2020, no. 4, pp. 49–58.
- Boychuk V.V. Understanding of access to justice and its place in the contemporary legal system. *Femida. Science*, 2015, no. 1, pp. 50–52.
- Grottrayan E. *Evropeyskaya Konventsiya o zashchite prav i osnovnykh svobod. Kommentariy k statyam 5 i 6* [European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Comments to articles 5 and 6]. Moscow, Institut gosudarstva i prava RAN Publ., 1997. 160 p.

7. Korpen A.S. Content of the right to the access to justice. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2016, no. 2, pp. 111–121.
8. Vorontsov S.A. *Pravookhranitelnye organy Rossiyskoy Federatsii* [Law enforcement authorities of the Russian Federation]. Moscow, Feniks Publ., 2010. 445 p.
9. Klenova T.V. *Kodifikatsiya i tekushchee ugovno-pravovoe regulirovanie* [Codification and current criminal-legal regulation]. Samara, Samarskiy universitet Publ., 1995. 75 p.
10. Belyaev N.A. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2003. 720 p.
11. Prikhodko I.A. *Dostupnost pravosudiya v Arbitrazhnom i Grazhdanskom protsesse: osnovnye problemy* [Access to justice in Arbitration and Civil proceedings: the main problems]. Sankt Petersburg, SPbGU Publ., 2005. 670 p.
12. Frolova N.A., Psarev I.M. Access to justice in the Russian society: problems and contradictions. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2019, no. 1, pp. 180–188.
13. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Russian courts of justice – difficulties of development. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014, no. 5, pp. 68–79.
14. Prokhoda V.A. Trust of the Russians in the national judicial and legal system (based on the materials of sociological research). *Sotsiodinamika*, 2019, no. 5, pp. 86–94.
15. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Problems of strengthening trust to judicial branch in modern Russia. *Vlast*, 2008, no. 8, pp. 97–102.
16. Abdulin R.S. General characteristics and models of judicial administration in the RSFSR (1917-1998). *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 2016, no. 1, pp. 138–202.
17. Chernyavskiy V. The problems of organizational support of operation of courts. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2000, no. 9, pp. 5–7.
18. Miroshnichenko D.V. The birth of corruption. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2011, no. 4, pp. 74–77.
19. Sinelshchikov Yu.P. *Korrupsiya v Rossii: istoriya, sostoyanie, prichiny, mery borby* [Corruption in Russia: history, state, causes, and control measures]. Moscow, OOO-firma “Pskovskoe vozrozhdenie” Publ., 2017. 92 p.
20. Kavitskaya I.L., Safonov I.N. Heterogeneous corruption and inflation. *Voprosy ekonomiki*, 2019, no. 2, pp. 81–96.

THE INFLUENCE OF FACTORS OF JUDICIARY SYSTEM CREDIBILITY AND LEGAL NIHILISM MANIFESTATIONS ON THE ACCESS TO JUSTICE

© 2020

L.V. Starodubova, senior lecturer of Chair “Civil Law and Procedure”
L.A. Ingannamorte, postgraduate student
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: justice; justice principles; the principle of access to justice; the essence of access to justice; judiciary system credibility.

Abstract: The issues of theory and practice concerning the legal nature, essence, and meaning of the concept of access to justice are the most urgent in the modern legal science. The paper deals with the study of the influence of the subjective factors accruing from people who are concerned with the justice mechanisms (judiciary system credibility and the ideas of legal nihilism) on the enforcement of their right for the judicial defense, as well as the efficacy of the concept of access to justice in the whole. The authors consider the causes of the appearance of mentioned factors, the degree, and forms of their influence, as well as possible ways of elimination of the adverse effect of such influence. To improve the quality and elaboration of the research topic, the authors studied the issues of theory revealing the content of the concept of access to justice and the place of this idea in the legal science and practice. According to the results of the study, the authors conclude on the necessity to take into account the subjective factors when identifying the vector of development of the procedural legislation and judicial system in the whole due to their great impact on the access to justice for citizens and organizations as such factors cause the existence of mental, subjective barriers for the use of the judicial defense mechanisms. Among other issues, the authors offer to enshrine the concept of access to justice in the procedural legislation as a separate and independent legal principle, as well as to take it into account when elaborating federal programs and roadmaps on the development of institutional and procedural components of justice. The paper contains the proposal to develop some educational measures to eliminate the manifestations of legal nihilism in Russian society.

**ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ:
ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

© 2020

А.Р. Тахаутдинова, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»*Н.Ж. Данилина*, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»*Ю.О. Мещерякова*, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»*Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Ключевые слова: уголовная ответственность несовершеннолетних; освобождение от уголовной ответственности; принудительные меры воспитательного воздействия; наказание.

Аннотация: Статья посвящена анализу проблем применения к несовершеннолетним принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Рассмотрен вопрос эффективности применения мер воспитательного воздействия как альтернативы уголовному наказанию, проведен анализ понятия «принудительные меры воспитательного воздействия» и сделан вывод о неоднозначности его толкования. Анализ законодательства в части регулирования применения принудительных мер воспитательного воздействия позволил сформулировать несколько предложений по совершенствованию норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, направленных на повышение эффективности их применения. По итогам исследования с учетом результатов изучения правоприменительной практики авторы пришли к выводам о том, что применение принудительных мер воспитательного воздействия не влечет освобождения от уголовной ответственности. Несовершеннолетний претерпевает негативные последствия совершенного им преступления в облегченной, более гуманной по сравнению с наказанием, форме. Применение принудительных мер воспитательного воздействия есть форма реализации уголовной ответственности. Применение отдельных мер воспитательного воздействия (например, предупреждение) не является эффективным, поскольку отсутствуют возможности для обеспечения их исполнения. Перечень мер воспитательного воздействия требует расширения путем включения в него таких мер, как бесплатные общественные работы и обязанность пройти курс социально-педагогической реабилитации. Для эффективного применения принудительных мер воспитательного воздействия необходимо закрепление порядка исполнения данных мер в уголовно-исполнительном законодательстве и создание специализированного государственного органа, на который будет возложена обязанность надзора за несовершеннолетними и должного исполнения ими мер воспитательного воздействия.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних издавна привлекали внимание психологов, педагогов и юристов. Сегодня эта проблема не утратила своей актуальности. В связи с гуманизацией уголовной политики законодатель и ученые ищут «мягкие способы» для предупреждения совершения преступлений несовершеннолетними.

Одним из ключевых пробелов в отечественном уголовном законодательстве в отношении несовершеннолетних является правовая регламентация принудительных мер воспитательного воздействия. Данный вид уголовно-правового воздействия был внесен в УК в 1996 году и до сих пор вызывает ряд трудностей в теории и на практике.

В уголовном законе отсутствует определение принудительных мер воспитательного воздействия, цели их применения не обозначены. В связи с этим некоторые современные ученые выступают с предложением закрепить понятие данных мер уголовно-правового характера и предлагают считать одной из основных целей их применения «исправление преступника, воспитание» [1].

Ряд авторов указывает на недостаточное применение мер воспитательного воздействия в судебной практике и отмечает, что причиной этому является в том числе их неэффективность [2]. Делаются предложения расширить данные меры, перенимая зарубежный опыт, и усилить общественный контроль за их исполнением [3].

Среди ученых идет дискуссия о правовой природе принудительных мер воспитательного воздействия. Ряд ученых считает, что принудительные меры воспитательного воздействия являются одной из форм реализации уголовной ответственности, в связи с этим предлагают отнести их к иным мерам уголовно-правового характера и перенести в раздел 6 УК РФ [4–8].

Одна из причин неэффективности принудительных мер воспитательного воздействия видится в несовершенстве законодательной техники при конструировании норм, позволяющих освобождать от уголовной ответственности и наказания. В уголовном кодексе РФ отсутствует понятие рецидива среди несовершеннолетних лиц, в связи с этим ряд ученых предлагают ввести понятие повторности преступления для данной категории лиц. Закрепление данного понятия позволит на законодательном уровне применять принудительные меры воспитательного воздействия в отношении лиц, которые совершают тяжкие преступления впервые. Указанные изменения повысят эффективность предупреждения подростковой преступности [9; 10].

Отсутствие четко установленного законом порядка исполнения принудительных мер воспитательного воздействия является еще одной из главных причин их неэффективности и отказа судов от их назначения. Решение этой проблемы некоторые ученые видят во внесении изменений в УИК РФ или установлении порядка исполнения мер воспитательного воздействия в ином нормативном правовом акте [11–13].

В связи с изложенным возникает необходимость с научных позиций, на новой нормативной и теоретической основе проанализировать основной круг проблем, связанных с правовой природой, системой, содержанием, основаниями и порядком применения (включая вопросы исполнения) принудительных мер воспитательного воздействия, выявить возможные резервы их более широкого и результативного использования, выстроить оптимальную законодательную модель их реализации.

Цель исследования – формулирование понятия принудительных мер воспитательного воздействия и предложений по разрешению проблем их применения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Правовые основы применения принудительных мер воспитательного воздействия

Вопрос освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности и наказания с применением к ним принудительных мер воспитательного воздействия является одним из наиболее обсуждаемых межотраслевых дискуссионных вопросов юридической науки. С учетом целей наказания, изложенных в ст. 43 УК РФ: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений», освобождение от уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних рассматривается законодателем как гуманный мера со стороны государства, свидетельствующая о том, что целью наказания является исправление, которое может быть достигнуто без применения карательных мер.

Принудительные меры воспитательного характера направлены на исправление несовершеннолетнего без применения к нему наказания. В соответствии со ст. 90 УК РФ несовершеннолетний может быть освобожден от уголовной ответственности, в случае если его исправление может быть достигнуто с помощью применения мер воспитательного характера. Однако применение мер воспитательного воздействия в РФ далеко не во всех случаях является эффективным. Причиной тому видится несовершенство законодательного регулирования и правоприменения.

Анализ последних изменений в российском уголовно-правовом законодательстве свидетельствует о гуманизации мер уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних и расширении возможностей для применения к ним мер уголовно-правового воздействия, не связанных с наказанием.

Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» в оборот введен термин «дружественное к детям правосудие», под которым понимается система уголовного судопроизводства, гарантирующая уважение прав, с учетом степени зрелости ребенка и его возраста.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» указал на необходимость мак-

симальной индивидуализации подхода к исследованию обстоятельств совершенного несовершеннолетним деяния, соразмерности применяемых мер воздействия на несовершеннолетнего с особенностями его личности и с обстоятельствами совершенного деяния. Применяемые к несовершеннолетнему меры уголовно-правового воздействия, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, должны способствовать предупреждению экстремистских противозаконных действий и преступлений среди несовершеннолетних и способствовать их социализации.

Основной задачей уголовной политики РФ является создание наиболее благоприятных условий для лиц несовершеннолетнего возраста, позволяющих установить и устранить причины преступлений, найти оптимальные меры воздействия на несовершеннолетних, учитывая их конкретные данные, а также решить вопросы их социальной реабилитации [2].

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2019 году было прекращено всего 2408 уголовных дел в связи с применением мер воспитательного воздействия¹, что свидетельствует о том, что суды в недостаточной степени применяют меры воспитательного воздействия. В основном уголовные дела направляются в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом, тогда как ст. 427 УПК РФ предусматривает возможность прекращения уголовного дела в ходе предварительного расследования и возбуждения перед судом ходатайства о применении принудительных мер воспитательного воздействия. На данное обстоятельство указано и в юридической литературе. Некоторые авторы отмечают, что на практике органы предварительного расследования ст. 427 УПК РФ практически не применяют [14].

Причина недостаточности неприменения мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних видится в отсутствии законодательного закрепления понятия мер воспитательного воздействия и, как следствие, неопределенности их правовой природы.

Понятие принудительных мер воспитательного воздействия

Уголовное законодательство рассматривает применение принудительных мер воспитательного воздействия как формы реализации уголовной ответственности (ст. 90 УК РФ). В этой связи целесообразно обратиться к рассмотрению понятия уголовной ответственности и форм ее реализации.

Вопрос о понятии уголовной ответственности является дискуссионным. Уголовная ответственность понимается как правовая форма разрешения конфликта между государством и преступником [11]. Некоторые ученые раскрывают понятие уголовной ответственности через призму ее содержания, рассматривая ее как правоотношение, возникающее между государством и личностью в связи с совершенным преступлением и направленное на исправление лица, совершившего преступление,

¹ Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел в суде первой инстанции за 2019 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации.
URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>. (дата обращения 06.05.2020 г.)

путем применения к нему наказания и иных мер имущественного и неимущественного характера [15]. Понимание уголовной ответственности предполагает включение в нее любых мер уголовно-правового воздействия, в том числе и воспитательных [16]. Уголовная ответственность, как обязанность претерпевать неблагоприятные последствия своего деяния, возникает в момент совершения преступления, но окончательно реализуется при вынесении итогового процессуального акта [17].

Не вдаваясь в дискуссию, мы согласимся с наиболее общим определением уголовной ответственности как обязанности претерпевать неблагоприятные последствия совершенного правонарушения. Государство принимает меры уголовно-правового воздействия в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, тем самым возлагает на него ответственность. Субъект преступления обязан претерпеть негативные последствия своего деяния, т. е. понести уголовную ответственность. Наказание является формой реализации уголовной ответственности, а его назначение осуществляется в целях исправления осужденного [3].

В отдельных случаях законодатель отказывается от назначения наказания по причинам невозможности или нецелесообразности его применения – в этом случае одной из альтернативных мер реализации уголовной ответственности является применение мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних.

Основания и условия применения принудительных мер воспитательного воздействия изложены в гл. 14 и 15 УК РФ. Вместе с тем, как обоснованно замечают некоторые авторы, понятие принудительных мер воспитательного воздействия в законе отсутствует [1]. В связи с этим в практике и научной доктрине вопрос о правовой природе указанных мер решается неоднозначно. Принудительные меры воспитательного воздействия рассматриваются и как мера, альтернативная наказанию (которое назначается по приговору суда), и как мера, альтернативная уголовной ответственности (т. е. основание освобождения от уголовной ответственности).

Большинство исследователей утверждают, что принудительные меры воспитательного воздействия не являются наказанием и не несут негативных последствий для преступника в виде изменения статуса посткриминального поведения [4].

Применение принудительных мер воспитательного воздействия является формой реализации уголовной ответственности, принудительные меры воспитательного воздействия назначаются вместо наказания [5]. Принудительные меры воспитательного воздействия по своему содержанию схожи с наказанием, являются мерами государственного принуждения и назначаются только судом [6].

В ч. 2 ст. 87 УК РФ принудительные меры воспитательного воздействия рассматриваются законодателем в качестве формы реализации уголовной ответственности. В юридической литературе отмечается, что помещение несовершеннолетнего в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа является мерой воздействия на несовершеннолетнего, альтернативной наказанию [7].

Отнесение принудительных мер воспитательного воздействия к основаниям освобождения от уголовной ответственности представляется необоснованным и не соответствует юридической природе института освобождения от уголовной ответственности, так как применение мер воспитательного воздействия фактически не освобождает лицо от негативных правовых последствий совершенного им противоправного деяния.

Принудительные меры воспитательного воздействия выступают в качестве альтернативы наказания, так как направлены на те же цели и являются особой формой реализации уголовной ответственности [8].

Проблемы правового регулирования применения принудительных мер воспитательного воздействия

Меры воспитательного воздействия по своему содержанию неоднородны. Такие меры, как предупреждение (ч. 1 ст. 90 УК РФ) и передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа (ч. 2 ст. 90 УК РФ), фактически не влекут никаких последствий для несовершеннолетнего, кроме разъяснительной работы для него и для законных представителей. Осуществление контроля за исполнением данных мер затруднительно. В то же время такие меры, как обязанность загладить причиненный вред, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего, носят принудительный характер с возложением определенных обязанностей. По отношению к ним возможно установление санкций за неисполнение в соответствии с ч. 4 ст. 90 УК РФ в виде отмены воспитательных мер в случае их систематического неисполнения и привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности.

Представляется, что в данном случае речь идет о назначении наказания. Формулировка законодателя ни в коем случае не означает возможность привлечения к уголовной ответственности дважды – она указывает на возможность изменения ее формы в результате неправомерного поведения несовершеннолетнего.

Понятие систематического неисполнения мер воспитательного воздействия изложено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. Полагаем, что в ст. 90 УК РФ необходимо внести изменения, касающиеся раскрытия понятия «систематическое неисполнение несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия», как это изложено в Пленуме Верховного Суда РФ, с указанием на то, что систематическим неисполнением является неисполнение п. «в», «г» ч. 2 ст. 90 УК РФ, т. е. неисполнение обязанности загладить причиненный вред и нарушение особых требований, установленных к поведению несовершеннолетнего.

Проблема применения мер воспитательного воздействия состоит и в отсутствии четких критериев их применения. В ст. 90 УК РФ обозначены три условия применения мер воспитательного воздействия: 1 – субъектом преступления является несовершеннолетнее лицо, 2 – совершено преступление небольшой или средней тяжести, 3 – исправление несовершеннолетнего может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Условия применения принудительных мер воспитательного воздействия

Перечень условий применения принудительных мер воспитательного воздействия необходимо расширить, включив в него условие о совершении преступления несовершеннолетним впервые [18].

В соответствии со ст. 18 УК РФ при признании рецидива не учитываются судимости за преступления, ранее совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет, что в соответствии с действующим законодательством означает возможность применения мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего при повторном совершении преступления.

В правовой литературе высказано мнение о том, что если лицо уже ранее освобождалось от уголовной ответственности или наказания, то совершение нового преступления этим же лицом необходимо квалифицировать как повторное [9]. Совершение преступления впервые подразумевает отсутствие «рецидива» и «совокупности». Таким образом, если законодатель отказался от понятия рецидива в отношении несовершеннолетних, то целесообразно было бы ввести понятие повторности совершения преступления несовершеннолетним, в отношении которого ранее применялись принудительные меры воспитательного воздействия.

Повторным преступлением среди несовершеннолетних следует признавать совершение двух и более преступлений [10]. С этим следует согласиться. Введение данного понятия позволит вернуться к прежней редакции ст. 90 УК РФ, вернув критерий «впервые совершенное преступление». По нашему мнению, данный признак является показательным, по которому можно определить, возможно ли применение меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего лица.

Меры воспитательного воздействия не назначаются лицам, состоящим на учете в комиссии по делам несовершеннолетних. Если несовершеннолетнее лицо уже состоит на учете, с ним проводят профилактическую работу. Таким образом, при определении условий применения мер воспитательного воздействия возможно выделение такого признака, как отсутствие на момент совершения преступления сведений о нахождении несовершеннолетнего на учете в комиссии по делам несовершеннолетних.

Виды принудительных мер воспитательного воздействия

Перечень принудительных мер воспитательного воздействия может быть также расширен. По мнению некоторых ученых, в него подлежат включению бесплатные работы [19]. Другие авторы предлагают включить в число мер воспитательного воздействия обязанность по возмещению причиненного вреда собственным трудом несовершеннолетнего [20]. Судебная практика показывает, что на момент совершения преступления большинство несовершеннолетних нигде не работали и не учились, поэтому, по нашему мнению, исполнение данной меры воспитательного воздействия весьма затруднительно. Кроме того, в соответствии с рос-

сийским законодательством обязанность трудиться у граждан РФ возникает с шестнадцати лет.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. помимо обязанностей, которые могут быть возложены на несовершеннолетнего осужденного в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 73 УК РФ, суд в соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» вправе обязать несовершеннолетнего пройти курс социально-педагогической реабилитации. Полагаем, что данная обязанность может быть включена в ст. 90 УК РФ в качестве еще одной меры воспитательного воздействия.

Необходимо отметить, что одной из ключевых проблем применения мер воспитательного воздействия является отсутствие правовой регламентации исполнения данных мер. В уголовно-исполнительном кодексе РФ отсутствуют соответствующие нормы, которые определяли бы порядок исполнения мер воспитательного воздействия, нет соответствующих норм и в других нормативных актах [12]. Существуют лишь отдельные положения, такие как Приказ МВД РФ от 26 мая 2000 г. № 569 «Об утверждении Инструкции по организации работы подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел» и Типовое положение о специальном учебно-воспитательном учреждении для детей и подростков с девиантным поведением № 420 от 25.04.1995. Однако в этих документах механизм исполнения мер воспитательного воздействия изложен весьма обрывочно, четкая регламентация отсутствует. В ч. 4 ст. 90 УК РФ говорится о специализированном органе, который наделен правом обращения в суд в случае неисполнения мер воспитательного воздействия. Однако указание на конкретное должностное лицо или орган отсутствует. С учетом изложенного, на данный момент порядок исполнения мер воспитательного воздействия фактически не урегулирован и оставлен на усмотрение сотрудников комиссии по делам несовершеннолетних. Такое положение вряд ли можно назвать допустимым [13]. Порядок исполнения принудительных мер воспитательного воздействия может быть закреплён в Уголовно-исполнительном кодексе РФ.

ВЫВОДЫ

1. Применение принудительных мер воспитательного воздействия не влечет освобождения от уголовной ответственности. Несовершеннолетний претерпевает негативные последствия совершенного им преступления в облегченной, более гуманной по сравнению с наказанием, форме. Применение принудительных мер воспитательного воздействия есть форма реализации уголовной ответственности.

2. Применение отдельных мер воспитательного воздействия (например, предупреждения) не является эффективным, поскольку отсутствуют возможности для обеспечения их исполнения.

3. Перечень мер воспитательного воздействия требует расширения путем включения в него таких мер, как бесплатные общественные работы и обязанность пройти курс социально-педагогической реабилитации.

4. Для эффективного применения принудительных мер воспитательного воздействия необходимо закрепление порядка исполнения данных мер в уголовно-исполнительном законодательстве и создание специализированного государственного органа, на который будет возложена обязанность надзора за несовершеннолетними и должного исполнения ими мер воспитательного воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чокаева И.В. Понятие и признаки принудительных мер воспитательного воздействия // Евразийский юридический журнал. 2012. № 7. С. 110–111.
2. Леликов В.А. Преступный рецидив несовершеннолетних и его предупреждение // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 15–23.
3. Александрова Н.С. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы правоприменения // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2013. № 3. С. 278–280.
4. Звечаровский И.Э. Понятие мер уголовно-правового характера // Законность. 2007. № 1. С. 19–21.
5. Боровиков С.А. О месте принудительных мер воспитательного воздействия в системе мер уголовно-правового воздействия // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 3. С. 34–38.
6. Любавина М.А. Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности. СПб.: СПбЮИ(Ф) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. 40 с.
7. Фильченко А.П. Принудительные меры воспитательного воздействия — форма реализации уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 448–454.
8. Кострикина М.А., Шевчук А.Н. Особенности освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних // Интернаука. 2017. № 8-3. С. 11–13.
9. Антонян Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения // Lex Russica (Русский закон). 2018. № 9. С. 112–118.
10. Афанасьева О.Р., Гончарова М.В. Повторное преступление как одно из возможных негативных последствий осуждения // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 273–276.
11. Прокументов Л.М., Сутурин М.А., Терентьева В.А. Особенности уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних: история и перспективы развития // Сибирский юридический вестник. 2016. № 4. С. 40–45.
12. Боровиков С.А. К вопросу о месте нормативно-правовой базы регламентирующей исполнение принудительных мер воспитательного воздействия // Вопросы ювенальной юстиции. 2008. № 1. С. 10–14.
13. Ермакова О.В. Отдельные вопросы законодательной регламентации принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 24–27.
14. Евстифеева Е.В. Теоретические проблемы правовой регламентации оснований освобождения от наказания несовершеннолетних // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5. С. 198–202.
15. Шнитенков А.В. Правила конструирования санкций за преступления против интересов службы (главы 23 и 30 УК РФ) // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2009. № 10. С. 385–398.
16. Рыжова О.А. Основания освобождения от уголовной ответственности // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2014. № S27. С. 41–45.
17. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М.: БЕК, 1996. 246 с.
18. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А.И. Раброга. М.: Проспект, 2014. 286 с.
19. Репьева А.М. О необходимости внесения изменений в регламентацию применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 35–39.
20. Батыщева Е.В. Вопросы прекращения уголовного дела (преследования) в отношении несовершеннолетнего в связи с применением принудительной меры воспитательного воздействия // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 4. С. 48–51.

REFERENCES

1. Chokaeva I.V. Concept and features of coercive measures of educational treatment. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2012, no. 7, pp. 110–111.
2. Lelikov V.A. Criminal recurrence of minors and its prevention. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2014, no. 4, pp. 15–23.
3. Aleksandrova N.S. Enforcement measures of educational nature: problems of law administration. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2013, no. 3, pp. 278–280.
4. Zvecharovskiy I.E. The concept of measures of criminal law impact. *Zakonnost*, 2007, no. 1, pp. 19–21.
5. Borovikov S.A. About the place of compulsory measures of educational influence in the system of measures of criminal-legal influence. *Ugolovno-ispolnitelnaya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2006, no. 3, pp. 34–38.
6. Lyubavina M.A. *Osvobozhdenie nesovershennoletnikh ot ugolovnoy otvetstvennosti* [Release of minors from criminal liability]. Sankt Petersburg, SPbYuI(f) Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy Federatsii Publ., 2016. 40 p.
7. Filchenko A.P. Forced measures of educational influence – a form of implementation of criminal liability. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2014, no. 3, pp. 448–454.
8. Kostrikin M.A., Shevchuk A.N. Features of exemption from criminal liability of minors. *Internauka*, 2017, no. 8-3, pp. 11–13.
9. Antonyan E.A. Enforcement measures of educational influence: problems of imposition and application. *Lex Russica (Russkiy zakon)*, 2018, no. 9, pp. 112–118.
10. Afanaseva O.R., Goncharova M.V. Repeated crime as one of the possible negative consequences of conviction. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*, 2018, no. 3, pp. 273–276.

11. Prozumentov L.M., Suturin M.A., Terenteva V.A. Peculiarities of criminal-legal impact juvenile: history and prospects. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, 2016, no. 4, pp. 40–45.
12. Borovikov S.A. On the question of the place of the regulatory framework governing the execution of compulsory measures of educational influence. *Voprosy yuvenalnoy yustitsii*, 2008, no. 1, pp. 10–14.
13. Ermakova O.V. Selected issues of the legislative regulation of compulsory educational measures. *Ugolovnaya yustitsiya*, 2018, no. 12, pp. 24–27.
14. Evstifeeva E.V. Theoretical problems of legal regulation of minors' punishment relief grounds. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2017, no. 5, pp. 198–202.
15. Shnitenkov A.V. Rules for the design of sanctions for crimes against the interests of the service (chapters 23 and 30 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2009, no. 10, pp. 385–398.
16. Ryzhova O.A. Grounds for excluding criminal responsibility. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal Kontsept*, 2014, no. S27, pp. 41–45.
17. Naumov A.V. *Rossiyskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast* [Russian criminal law. A common part]. Moscow, BEK Publ., 1996. 246 p.
18. Rarog A.I., ed. *Ugolovno-pravovoe vozdeystvie* [Criminal law impact]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 286 p.
19. Repeva A.M. On the need to change the regulations for the application of compulsory educational measures. *Ugolovnaya yustitsiya*, 2018, no. 12, pp. 35–39.
20. Batyshcheva E.V. The issues of termination of the criminal proceedings (prosecution) against a minor in connection with the application of coercive measures of educational influence. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2016, no. 4, pp. 48–51.

COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE: THE CONCEPT AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

© 2020

A.R. Takhautdinova, assistant professor of Chair of Criminal Law and Procedure
N.Z. Danilina, senior lecturer of Chair of Criminal Law and Procedure
Yu.O. Meshcheryakova, PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal Law and Procedure
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal responsibility of juveniles; exemption from criminal liability; compulsory measures of educational influence; punishment.

Abstract: The paper analyzes the problems of the application of compulsory educational influence measures to juveniles set forth by Russian legislation. The authors consider the issue of the effectiveness of the application of educational measures to minors as an alternative to criminal punishment, analyze the notion of the compulsory measures of educational influence and conclude on the ambiguity of its interpretation. The analysis of legislation in terms of regulation of the application of compulsory educational measures made it possible to formulate several offers for the improvement of norms of criminal, criminally-remedial, and penal legislation of the Russian Federation aimed at the increase of efficiency of their application. According to the results of the research taking into account the results of the study of law enforcement, the authors conclude that the application of compulsory measures of educational influence shall entail no exemption from criminal liability. A juvenile suffers adverse effects of a committed crime in the light, more humane form comparing to the punishment. The application of compulsory educational measures is a form of criminal liability implementation. The application of some measures of educational influence (for example, warning) is ineffective as there are no possibilities to guarantee their fulfillment. The list of educational measures requires to be extended by including such remedies as unsalaried public works and the obligation to attend the course of social-pedagogical rehabilitation. To effectively apply the compulsory measures of educational influence, it is necessary to fix the procedure of implementing these measures in the penal legislation and create special state authority, which will be charged to supervise over minors and their proper enforcement of the measures of educational influence.

ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ПРАВА И СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2020

Е.В. Чуклова, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: юридическая ответственность; гражданско-правовая ответственность; координационные связи; генетические связи; субординационные связи; уголовная ответственность; система права.

Аннотация: Споры по поводу определения правовой природы гражданско-правовой ответственности, ее места в системе права и в системе юридической ответственности ведутся в отечественном праве давно, но от этого не становятся менее острыми. На сегодняшний день превалирующей позицией относительно места гражданско-правовой ответственности в системе права является отнесение указанного института к частноправовым.

В работе исследуется соотношение норм института гражданско-правовой ответственности с нормами уголовного права, направленными на охрану гражданско-правовых отношений, показано их взаимодействие с классической гражданско-правовой ответственностью. Раскрыты координационные, субординационные и генетические связи института гражданско-правовой ответственности с иными элементами системы права. В основе определения генетических связей лежит процесс формирования и обособления отраслей права. Исследуется пространственная упорядоченность, характерная для координационных связей, отмечается наличие связей субординации. В рамках исследования доказано, что институт гражданско-правовой ответственности нельзя однозначно отнести к институтам частного права. Анализ судебной практики также показал невозможность отнесения института гражданско-правовой ответственности к частноправовым институтам. В результате исследования были сделаны выводы о том, что институт гражданско-правовой ответственности имеет сложные координационные связи с иными отраслями права, выражающиеся в использовании общих терминов, понятий, категорий. Связи субординации проявляются в наличии иерархии как между мерами гражданско-правовой ответственности внутри одного нормативного правового акта, так и между мерами ответственности, закрепленными в нормах других институтов ответственности. Генетические связи раскрывают общее происхождение структурных образований, входящих в институт гражданско-правовой ответственности.

ВВЕДЕНИЕ

Все разработанные юридической наукой концепции юридической ответственности находят отражение в попытках дать определение гражданско-правовой ответственности. Ее называют одной из форм государственного принуждения, суть которой заключается во взыскании судом с правонарушителя в пользу потерпевшего имущественных санкций [1], рассматривают в качестве особой обязанности, выражающейся в неблагоприятных отрицательных последствиях для правонарушителя в виде сужения его имущественной сферы [2], определяют в качестве охранительной обязанности [3].

В отечественной юридической науке встречаются работы, в рамках которых предпринимаются попытки исследовать гражданско-правовую ответственность изнутри, например, выделить в отдельный институт гражданско-правовую ответственность органов публичной власти и их должностных лиц [4] либо рассмотреть отношения, связанные с гражданско-правовой ответственностью в рамках защиты конкуренции [5].

Правовой институт является составляющей системы права, его нормы упорядочивают узкую группу типичных общественных отношений. Институт юридической ответственности является комплексным по содержанию, своеобразным по структуре, охранительным по назначению, функциональным институтом, регулирующим деликтные отношения методом наказания [6].

Ранее мы писали о том, что институт юридической ответственности в системе права занимает не последнее место [7]. Основная задача этого института – служить для всей системы права защитным механизмом [8]. Мы

определяли институт юридической ответственности как «сложный, межотраслевой, функциональный, регулятивно-охранительный институт права, закрепляющий и (или) оказывающий динамическое воздействие на наиболее важные общественные отношения, а в случае их нарушения регулирующий отношения ответственности, возникающие из юридического факта правонарушения» [9, с. 43]. Было доказано, что институт юридической ответственности является частью системы права, и факторы, обуславливающие близость рассматриваемых категорий, проявляются в следующем: во-первых, в единстве элементов системы права и системы юридической ответственности, во-вторых, в единстве источников возникновения и закрепления, в-третьих, в единстве целей и задач, в-четвертых, в полиструктурности системы права и института юридической ответственности. Считаем возможным использование указанных выводов и определения в рамках настоящего исследования.

Цель работы – определение правовой природы института гражданско-правовой ответственности, исследование соотношения норм гражданско-правовой ответственности с иными нормами, институтами, отраслями и общностями.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**Место института гражданско-правовой ответственности в системе права**

В рамках деления права на публичное и частное первое, что приходит на ум, что институт гражданско-

правовой ответственности – это институт частного права. Такая позиция в основном основана на «автономном режиме функционирования гражданско-правовой ответственности в составе гражданского правоотношения без учета правоприменительной практики использования в комплексных общественных отношениях, регулируемых различными отраслями законодательства, в том числе нормами публичного права» [10, с. 35]. Поэтому согласимся с позицией, согласно которой все виды гражданско-правовой ответственности содержат как частноправовые, так и публично-правовые элементы [10]. Как правило, отдельные авторы относят к публично-правовым институтам некоторые виды гражданско-правовой ответственности, например ответственность за вред, причиненный актами органов государственной власти [11]. Другие, наоборот, находят признаки частноправового института на основе таких критериев, как субъект, объект (интерес) и содержание правоотношения, метод правового регулирования [12] и функции. Не отрицая деления системы права на публичное и частное, не находим возможным считать гражданско-правовую ответственность исключительно частноправовой по следующим обстоятельствам.

Если взять за основу функциональный критерий, то, наряду с традиционно выделяемой восстановительной функцией гражданско-правовой ответственности, проявляются ее карательная, регулятивная и превентивная функции. Так, по мнению, высказанному в юридической литературе, элементы кары проявляются в самом осуществлении гражданско-правового нарушителя [13].

Использование субъекта правоотношения в качестве критерия отнесения гражданско-правовой ответственности к институтам частного права, на наш взгляд, не представляется возможным, даже если принимать во внимание теорию функционального иммунитета, основанную на том, что в условиях гражданского оборота государство выступает в качестве частного субъекта. Взять, например, систему закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд, где четко регламентированы размеры штрафов и пени за нарушение стоимостных и нестоимостных обязательств как со стороны государственного заказчика, так и со стороны поставщика, подрядчика, исполнителя. Конкретный размер штрафа зависит не от добровольного волеизъявления сторон, а от цены контракта, определение которой также проводится по установленным законодателем, а не сторонами правилам. Зачастую стороны гражданского правоотношения, не имеющего отношения к государству, также не свободны в формулировании мер гражданско-правовой ответственности, например в случаях установления законной неустойки. Даже тот аргумент, что государство, возмещая вред, причиненный актом государственного органа, находится с гражданином не в отношениях власти-подчинения, а возмещает вред, причиненный лицом, за действие которого оно отвечает, на наш взгляд, не выдерживает критики, поскольку это лицо и государство связывают трудовые или служебные отношения, которые, как известно, частноправовыми не являются. На наш взгляд, государство, безусловно, может стать субъектом гражданского правоотношения, но утверждать его равенство с другими участниками также не приходится. Например, в отношениях, не связанных с нарушением публичного порядка,

суд может обязать сторону, согласившуюся с условиями сделки, ее исполнить, а при нарушении публичного порядка заявление о недействительности сделки не имеет правового значения в любом случае, даже если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно¹. Нарушается один из базовых принципов гражданского права – принцип равенства участников гражданских правоотношений (ст. 1 ГК РФ).

Если взять за основу объект правоотношения, а также утверждение, что публичное право регулирует отношения с участием государства, а в сфере частного права господствуют личные интересы [14], то здесь можно согласиться, что гражданско-правовая ответственность является ответственностью одного участника правоотношения перед другим – нарушителя перед потерпевшим, и, как правило, санкции взыскиваются в пользу потерпевшей стороны, но это не универсальный критерий. Во-первых, в качестве потерпевшего может выступать государственный орган, государственная корпорация, государство; во-вторых, есть предусмотренные гражданским законодательством исключения, когда санкции взыскиваются в доход государства, например ст. 169 ГК РФ в качестве ответственности за нарушение публичных интересов.

Трудно признать верным и использование в качестве классификационного основания содержание правоотношения (критерий интереса) по следующим причинам.

Во-первых, частный интерес может остаться неудовлетворенным в угоду публичным интересам. Интересной с этой точки зрения является практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ): заявители обратились в суд с исками против Президента о клевете, добиваясь его отказа от оспоренных ими высказываний и выплаты им компенсации за вред. Однако их иски были отклонены на тех основаниях, что Президент пользуется иммунитетом от судебного преследования и что его нельзя привлечь к ответственности за мнения, высказанные им при исполнении своих полномочий. Как указал суд, согласно внутриведомственному законодательству, недопустимость дела о клевете, возбуждаемого в отношении Президента, является исключением из общего правила о гражданско-правовой ответственности за клеветнические или оскорбительные высказывания, ограниченными случаями, в которых Президент действовал во исполнение своих функций. Хотя главы государств наделены функциональным иммунитетом от судебного преследования, чтобы защитить их свободу слова при исполнении ими своих функций и поддержать принцип разделения властей, такой иммунитет от судебного преследования должен быть регламентирован и истолкован четким и ограничительным образом².

Во-вторых, удовлетворение частного интереса возможно только в судебном порядке. Например, ст. 152 ГК РФ допускает опровержение сведений только

¹ Постановление арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.02.2018 № Ф08-11417/2017 по делу № А22-1209/2017.

² Постановление ЕСПЧ от 02.12.2014 по делу «Урекян и Павличенко (Urechean and Pavlicenco) против Республики Молдова» (жалобы № 27756/05 и 41219).

по суду, а основанием разграничения гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности за клевету является лишь наличие умысла.

Еще одним доводом в пользу отнесения гражданско-правовой ответственности к институту частного права является метод правового регулирования, который в гражданском праве носит диспозитивный характер. Основные аргументы сводятся к следующему: реализация гражданских прав осуществляется посредством волевых действий лица, направленных на удовлетворение частных интересов [15]. С такими аргументами сегодня согласиться сложно, поскольку, во-первых, не всегда кредитор осуществляет свои гражданские права добровольно, например в рамках проведения государственных закупок и меры ответственности, и их реализация не зависят от сторон. Проанализировав практику счетно-контрольных органов, можно сделать вывод, что отсутствие предъявления заказчиком штрафных санкций является нарушением. Например, в Представлении Счетной палаты РФ в качестве нарушения и недостатка указано непредъявление штрафных санкций за нарушения сроков выполнения работ исполнителями³. Во-вторых, не может быть речи о диспозитивном методе, если у лица возникли обязательства при неисполнении договора [13].

Стоит отметить, что нормы, лежащие в основе института гражданско-правовой ответственности, помимо ГК, закреплены и в других законодательных источниках иной отраслевой принадлежности. Например, нормами Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд», а также нормами, например, Постановления Правительства РФ № 1042 от 30 августа 2017 года предусмотрено обязательное включение в государственные и муниципальные контракты штрафов и пеней за неисполнение, ненадлежащее исполнение или просрочку исполнения обязательств. Несмотря на то, что данные меры закреплены в акте иной отраслевой принадлежности, они являются гражданско-правовыми по юридической природе. В основании их применения лежит гражданско-правовой деликт, но применяться они должны в императивном порядке. Так, Казначейство РФ регулярно публикует информацию по результатам контрольных мероприятий, в которой инкриминирует заказчикам в качестве нарушений: неначисление и невыставление пени в адрес поставщиков (исполнителей) за несоблюдение ими сроков исполнения обязательств по контрактам; занижение сумм пени, выставляемых поставщикам (подрядчикам) за нарушение ими сроков исполнения обязательств по контрактам; неначисление и невзыскание с поставщиков штрафов за ненадлежащее исполнение ими обязательств, предусмотренных контрактами.

Таким образом, считаем возможным отнести институт гражданско-правовой ответственности к комплексным образованиям в системе права. В некоторых случаях публично-правовые элементы присутствуют не только на стадии возникновения деликтной гражданско-правовой ответственности, но и в случае возникновения договорной гражданско-правовой ответственно-

сти, тем более что в основе возникновения всех видов гражданско-правовой ответственности лежат действия или события, которые могут совершаться и происходить в различных сферах жизнедеятельности государства, и по своей правовой природе они также отличаются разнородностью [10].

Исследование взаимосвязей института гражданско-правовой ответственности с частным и публичным правом позволяет обеспечить системное правовое регулирование общественных отношений, поскольку эти взаимосвязи способствуют реализации правовых норм разной отраслевой принадлежности. Исходя из вышеизложенного, институт гражданско-правовой ответственности является комплексным правовым институтом, и отнести гражданско-правовую ответственность исключительно к частноправовой не представляется возможным в силу следующих обстоятельств. Некоторые меры применяются не только в частных, но и в публичных интересах, например взыскание пени и штрафов за неисполнение, ненадлежащее исполнение или просрочку исполнения по государственным контрактам; часть санкций носит карательный характер, причина их распространения заложена в необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота.

Пределы гражданско-правовой ответственности

Определение места и роли гражданско-правовой ответственности в системе юридической ответственности требует обратиться к вопросу пределов гражданско-правовой ответственности. В этой связи необходима выработка объективных критериев для определения отраслевой природы состава правонарушения, для соблюдения баланса между видами юридической ответственности, мерами государственного принуждения [16]. Подобная позиция высказывалась в юридической литературе относительно административной ответственности, тем не менее, по нашему мнению, указанное можно применить и к гражданско-правовой ответственности.

Особо остро это необходимо при дифференциации гражданско-правовой и уголовной ответственности, конкуренция норм которых влечет различные подходы к квалификации деяний. Например, в состоянии конкуренции находятся нормы ст. 179 УК РФ о принуждении к совершению сделки или к отказу от ее совершения, ст. 178 ГК РФ о недействительности сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств, и ст. 159 УК РФ о мошенничестве. Составы правонарушений описаны практически одинаково, но последствия существенно отличаются. Еще один пример – гражданско-правовая ответственность за неисполнение договорного обязательства и уголовная ответственность за преднамеренное неисполнение договорного обязательства в соответствии с ч. 5 ст. 159 УК РФ.

Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) в Постановлении № 48 от 30 ноября 2017 года дал разъяснения по вопросам применения частей с 5 по 7 ст. 159 УК РФ, указав совокупность условий, при которых имеет место состав преступления, предусмотренную указанной выше нормой.

Во-первых, способ совершения – путем обмана или злоупотребления доверием. Под обманом ВС РФ понимает введение в заблуждение собственника имущества

³ Представление Счетной палаты РФ от 30.05.2014 № ПР 02-176/02-05.

или иного лица, выражающееся в сознательном сообщении заведомо ложных сведений, в умолчании об истинных фактах, использовании обманных приемов при расчетах, имитации кассовых расчетов и т. д. Злоупотребление доверием высшая судебная инстанция определяет как использование в корыстных целях доверительных отношений с собственником имущества, принятие обязательств при заведомом отсутствии намерения их исполнить. В контексте гражданских дел ВС РФ определяет обман как намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота⁴.

Во-вторых, по мнению ВС РФ, преступление совершается с прямым умыслом, возникшим до получения права на имущество. Тем не менее, принимая решение о признании договора недействительным в рамках гражданского дела, суды указывают, что подписание договора лично свидетельствует о том, что лицо знает, что гарантированно не может исполнить обязательство, и что такие обстоятельства подтверждают наличие умысла сообщить недостоверную информацию об условиях сделки с целью ее заключения, что соответствует определению обмана применительно к положениям ст. 179 ГК РФ. В силу п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). В соответствии со ст. 179 ГК РФ сделка, совершенная под влиянием обмана, может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего. Исходя из сказанного, гражданско-правовое нарушение тоже происходит умышленно.

В-третьих, квалифицирующими признаками преступления являются стороны договора, виновное лицо – индивидуальные предприниматели или коммерческие организации (что делает затруднительным применение рассматриваемых норм к деянию некоммерческих организаций и органов власти) и размер ущерба – 10 тысяч рублей и более. Хотя, на наш взгляд, указанные признаки вообще не позволяют отличить гражданско-правовое правонарушение от уголовного преступления.

Не имеет значение при квалификации деяния, по мнению ВС РФ, то, как виновный распорядился похищенным имуществом, и имущественное положение потерпевшего [17].

На наш взгляд, все признаки, которые с такой скрупулезностью описывает в своем постановлении ВС РФ, не могут отграничить уголовно наказуемое деяние от не уголовного. Ответ на вопрос, как разграничить преступление и правонарушение, дал в своем постановлении один из арбитражных апелляционных судов (хотя нам с ним сложно согласиться), сославшись на Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 года № 1-П, указав, что одним из правовых средств, предназначенных в уголовном судопроизводстве для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, является гражданский иск

в уголовном деле о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением. Такой иск вправе предъявить потерпевший по уголовному делу, который признается гражданским иском в данном уголовном деле, к лицам, которые в соответствии с ГК РФ несут ответственность за вред, причиненный преступлением, и признаются гражданскими ответчиками. Далее суд указал, что у потерпевшего есть выбор: предъявить соответствующий иск к лицу, обязанному возместить вред, причиненный преступлением, в порядке гражданского судопроизводства с учетом установленной законом подведомственности дел в суд общей юрисдикции или в арбитражный суд либо подать гражданский иск в рамках производства по уголовному делу. Удовлетворение гражданского иска по существу в приговоре – в части признания права за гражданским иском на возмещение ему гражданским ответчиком вреда, причиненного непосредственно преступлением, – означает установление судом общих условий наступления гражданской деликтной (внедоговорной) ответственности: наличие вреда, противоправность действий его причинителя, наличие причинной связи между вредом и противоправными действиями, вины причинителя, а также специальных ее условий, связанных с особенностями субъекта ответственности и характера его действий⁵. Так как стороны, предмет и основания иска в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства и гражданского иска в уголовном деле тождественны между собой, суд прекратил производство по делу по мотиву п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ⁶, поскольку в рамках уголовного дела мошенничество доказано не было.

Англо-американская система при установлении пределов уголовного права основывается на *harm principle* (принципе причинения вреда), *offence principle* (принципе деяния), *legal paternalism* (принципе патернализма) [18].

Например, в основе *harm principle* (принципа причинения вреда) лежит утверждение о том, что действия отдельных лиц могут ограничиваться только с целью предотвращения вреда другим лицам. Д.С. Милль сформулировал этот принцип в своем труде «О свободе» [19]. Эквивалент этого принципа был ранее заявлен в Конституции Франции 1793 года. Свобода состоит в свободе делать все, что никому не вредит; следовательно, осуществление естественных прав каждого человека не имеет никаких ограничений, кроме тех, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Эти ограничения могут быть установлены только законом [20].

Но здесь встает вопрос, каким образом может быть совершено деяние, достаточное для ограничения свободы одного, чтобы гарантировать, что свобода другого никоим образом не нарушается? Ответ на этот вопрос дает *offence principle* (принцип деяния), суть которого сводится к тому, что ограничение свободы возможно за поведение, которое предполагается в качестве правонарушения, а не только за причинение вреда. Этот прин-

⁵ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2009 года № 1005-О-О и от 04 июля 2017 года № 1442-О.

⁶ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 13.03.2012 по делу № А11-7281/2011.

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 за 2019 год.

тип является веской причиной в поддержку предлагаемого уголовного запрета, что он, вероятно, был бы эффективным способом предотвращения серьезного правонарушения для других лиц, помимо действующего лица, и что он, вероятно, является необходимым средством для достижения цели [21; 22].

Legal paternalism (принцип патернализма) предполагает вмешательство государства или индивида во внутренние дела общества или другого человека против его воли; его приверженцы считают, что человек, которому мешают, будет лучше обеспечен или защищен от вреда. Вопрос о патернализме возникает в отношении ограничений по закону, таких как антинаркотическое законодательство, обязательное использование ремней безопасности [23], а также медицинских масок в условиях коронавируса.

В российской судебной практике можно отметить некоторые противоречия. Так, в одном деле арбитражный суд указал на то, что в отсутствие вступившего в законную силу приговора суда имеющиеся в деле уголовно-процессуальные документы (постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о приостановлении предварительного следствия по уголовному делу, заключение специалиста, письмо СУ МУ МВД России «Одинцовское» от 13.05.2014 № 2472) не могут служить основанием для преюдициального установления факта мошенничества в рамках арбитражного процесса⁷.

В другом деле, наоборот, вышестоящая судебная инстанция, отменяя решение нижестоящего суда, указала на то, что судом не исследовались имеющиеся в материалах настоящего дела показания свидетелей во взаимосвязи с материалами уголовного дела, не давалась оценка обстоятельству подготовки документов о продаже доли в уставном капитале общества. Вывод об отсутствии причинной связи между заключением оспариваемой сделки и телесными повреждениями, нанесенными истцу, сделан апелляционной инстанцией со ссылкой лишь на незаконность следствия по уголовному делу без исследования в целях создания внутреннего убеждения всех имеющихся доказательств, их сопоставления и сравнения. ФАС Дальневосточного округа установил, что на стадии апелляционного рассмотрения дела прокуратурой г. Магадана возбуждено уголовное дело по признакам п. «а» ч. 2 ст. 179 УК РФ по факту избития учредителя и единственного участника ООО «Злато» и принуждения его к подписанию документов на отчуждение 51 % доли уставного капитала общества. В связи с этим суд указал на необходимость приостановления производства по делу на основании ч. 2 ст. 143 АПК РФ⁸, т. е. в данном случае преюдиция все-таки есть.

Арбитражный суд Поволжского округа, наоборот, несмотря на то, что при рассмотрении спора суды первой и апелляционной инстанций, исследовав и оценив по правилам ст. 71 АПК РФ представленные в деле доказательства в их совокупности и взаимосвязи, устано-

вили, что принуждение к совершению сделки в силу ст. 179 УК РФ является уголовным преступлением и подлежит установлению в рамках уголовного судопроизводства, указал, что установленные приговором суда доказательства принуждения лица к заключению оспоренных сделок в материалах арбитражного дела отсутствуют⁹.

Из всего сказанного получается, что право выбора у потерпевшего: либо обратиться с заявлением о совершении уголовного преступления в отношении него в правоохранительные органы, либо с иском заявлением в судебные органы, но такая ситуация неприемлема с нашей точки зрения. Надлежащее обеспечение правопорядка и стабильности гражданского оборота за счет расширения пределов уголовной ответственности может повлечь отрицательные последствия. Считаем, что если существует возможность восстановления нарушенного права либо в результате добровольного исполнения обязательства, либо в порядке искового производства, то нормы уголовной ответственности применены быть не могут. Там, где у сторон имеется возможность самостоятельно, без участия государственных органов, разрешить возникшие конфликты, уголовная ответственность недопустима.

Расширение пределов уголовной ответственности может привести к ситуации, когда любое юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, не исполнив обязательства, переоценив свои возможности, потенциально становится мошенником. К примеру, организация А по договору обязана заплатить организации Б сумму за поставленный сложнотехнический товар, не подлежащий возврату. Организация А, рассчитывая получить большую прибыль и не рассчитав своих возможностей, получила товара на 1 000 000 рублей. Организация А на рынке менее года, относится к СМП, арендует помещение, аренду платит с сумм прибыли. Отгруженный товар по объективным причинам остался не востребован в регионе деятельности организации А. Тем не менее товар нужно продать, за аренду нужно платить, тем более в условиях, например, эпидемий, платежи задерживаются. Организация Б в нашем случае подает заявление о мошенничестве, и организация А (вернее, лицо, выполняющее функцию единоличного исполнительного органа) – мошенник.

В связи с изложенным считаем, что квалифицирующим признаком должна стать и обстановка совершения правонарушения: если стороны действуют в условиях нормального хозяйственного риска, а ущерб является следствием не очень удачного экономического решения, то деяние не может быть квалифицировано в качестве преступления. Если стороны по договору связывают длительные обязательственные правоотношения, ведение переговоров, информационная открытость, отсутствие нарушений налогового и трудового законодательства (уплата налогов, выплата заработной платы сотрудникам), то вопрос об уголовной ответственности за неисполнение обязательства также не может стоять в качестве первостепенного. В противном

⁷ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16 марта 2015 года № Ф01-128/2015 по делу № А43-1053/201.

⁸ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 09 сентября 2003 года № Ф03-А37/03-1/2115.

⁹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25 декабря 2017 года № Ф06-27113/2017 по делу № А65-9416/2017.

случае, принцип презумпции невиновности становится просто пустым звуком.

Конечно, соблазн написать заявление о мошенничестве у некоторых предпринимателей имеется, поскольку уголовная и гражданско-правовая ответственность имеют не только различную материально-правовую природу, но и отличающиеся по своему содержанию элементы процессуального регулирования: правила доказывания и различное процессуальное положение лица, обращающегося с заявлением. У следователя по уголовному делу больше процессуальных возможностей по сбору доказательств, чем у истца в арбитражном или гражданском судопроизводстве.

Генетические, координационные и субординационные связи межотраслевого института гражданско-правовой ответственности

Понимание гражданско-правовой ответственности в качестве правового института требует рассмотрения координационных, субординационных и генетических связей.

Основное проявление координационных связей между институтами юридической ответственности, включая гражданско-правовую ответственность, заключается в том, что каждый из них использует схожие правовые механизмы, одинаковые правила квалификации правонарушений. Одной из форм проявления координационных связей между гражданско-правовой и уголовной ответственностью выступает их взаимодействие по линии борьбы с рядом правонарушений. Выше мы указывали на одинаковую формулировку некоторых видов составов. В данном случае уголовно-правовое регулирование происходит с использованием категорий и институтов гражданского права (к последнему можно отнести использование такой категории, как неисполнение обязательства применительно к основанию уголовной ответственности).

Использование унифицированных составов, общих терминов и определений может расцениваться положительно, но при реализации ответственности за неисполнение обязательств, как ни странно, нарушается основной принцип российской юрисдикции: принцип экономии принудительных средств, поскольку потерпевшему предоставляется выбор: либо написать заявление в полицию, либо исковое заявление¹⁰. Если потерпевший выбирает первое, то в рамках уголовного производства в любом случае будет разрешаться и вопрос о причинении имущественного вреда и удовлетворении гражданского иска, и вопрос о привлечении виновного к уголовной ответственности.

Пример координационных связей уголовной ответственности с материальной ответственностью: работник привлекается к ограниченной материальной ответственности за ущерб, причиненный работодателю, а если есть приговор суда – то к полной, т. е. привлечение к уголовной ответственности увеличивает размер возмещения имущественного ущерба. При применении мер процессуальной ответственности тоже не наблюдается серьезных противоречий: судебный штраф налагается, если в действиях нет состава уголовного преступ-

ления, т. е. применяется мера либо одной ответственности, либо другой. В отношении координационных взаимосвязей гражданско-правовой ответственности с уголовной ответственностью все не так просто: «или – или» не устроит потерпевшего; что касается размера причиненного ущерба, то среди общих условий наступления гражданской ответственности: наличие вреда, противоправность действий его причинителя, наличие причинной связи между вредом и противоправными действиями, вина причинителя, а также специальные ее условия, связанные с особенностями субъекта ответственности и характера его действий. Другими словами, размер ущерба не изменяется в зависимости от того, было совершено преступление или гражданско-правовой деликт. И потом, если не будет доказано наличие в действиях виновного состава преступления, то у потерпевшего не будет возможности обратиться и с гражданским иском. Выше было приведено судебное постановление, в котором суд прекратил производство по делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 150 АПК РФ, поскольку стороны, предмет и основания иска в рамках гражданского или арбитражного судопроизводства и гражданского иска в уголовном деле тождественны между собой, а состав преступления не доказан.

Что касается генетических взаимосвязей, то здесь можно отметить, что именно в рамках гражданских правоотношений возникают предпосылки для ряда уголовных правоотношений, и это генетическое влияние гражданского права на публичные отрасли создает систему межотраслевых связей с внутренним единством и конфликтным потенциалом [24].

Связи субординации института гражданско-правовой ответственности проявляются в наличии иерархии как между мерами гражданско-правовой ответственности внутри одного нормативного правового акта, так и между мерами ответственности, закрепленными в нормах других институтов, а также мерами ответственности и мерами защиты. Связи субординации между институтом гражданско-правовой ответственности и иными институтами ответственности проявляются на уровне оснований применения санкций, а также в ряде других вопросов: при определении соотношения злоупотребления правом с принципами презумпции невиновности и презумпции добросовестности, соотношения каузы сделки и экономического результата, полученного сторонами.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

1. Институт гражданско-правовой ответственности является комплексным правовым институтом. Отнести гражданско-правовую ответственность исключительно к частноправовой не представляется возможным. Во-первых, некоторые меры применяются не только в частных, но и в публичных интересах, во-вторых, часть санкций носит карательный характер, причина их распространения заложена в необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота.

2. Основным объективным критерием для определения отраслевой природы состава правонарушения и отграничения уголовно наказуемого поведения от не уголовно наказуемого является обстановка его совершения.

¹⁰ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 13 марта 2012 года по делу № А11-7281/2011.

3. Институт гражданско-правовой ответственности имеет сложные координационные связи с иными отраслями права, выражающиеся в использовании унифицированных составов правонарушений, использовании общих терминов и понятий, но при реализации ответственности за неисполнение обязательств нарушается основной принцип российской юрисдикции – принцип экономии принудительных средств.

4. Субординационные связи института гражданско-правовой ответственности проявляются в наличии иерархии как между мерами гражданско-правовой ответственности внутри одного нормативного правового акта, так и между мерами ответственности, закрепленными в нормах других институтов, а также мерами ответственности и мерами защиты. Генетические связи проявляются в том, что именно в рамках гражданских правоотношений возникают предпосылки для ряда уголовных правоотношений.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветрова А.А. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // *Философия права*. 2013. № 3. С. 22–24.
2. Райдла Ю.Э. Вопросы гражданско-правовой ответственности // *Юридическая ответственность: проблемы и перспективы: труды по правоведению*. Тарту: ТартГУ, 1989. С. 52–62.
3. Крашенинников Е.А. Понятие гражданско-правовой ответственности // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации*. 2012. № 5. С. 6–11.
4. Кабанова И.Е. К вопросу об отраслевой принадлежности норм о гражданско-правовой ответственности органов публичной власти и их должностных лиц // *Гражданское право*. 2014. № 2. С. 12–17.
5. Башлаков-Николаев И.В. Ответственность органов власти и их должностных лиц в сфере защиты конкуренции. М.: Статут, 2014. 111 с.
6. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск: Красноярский ун-т, 1985. 120 с.
7. Чуклова Е.В. Место института процессуальной ответственности в системе права // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2019. № 3. С. 6–15.
8. Цюрина Н.В. Юридическая ответственность как институт права // *Сибирский юридический вестник*. 2013. № 1. С. 29–34.
9. Липинский Д.А., Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность как институт права // *Вестник гражданского процесса*. 2016. № 4. С. 33–51.
10. Мозолин В.П. Гражданско-правовая ответственность в системе российского права // *Журнал российского права*. 2012. № 1. С. 33–40.
11. Маскаева И.И. Проблемы возмещения вреда, причиненного действиями (бездействием) или решениями государственных органов и их должностных лиц в рамках административного процесса // *Вест-*

- ник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2016. № 4. С. 123–147.
12. Федорова Е.В. Место норм, регулирующих ответственность за вред, причиненный актами судебной власти, вынесенными при осуществлении правосудия, в системе российского права // *Российский юридический журнал*. 2013. № 1. С. 145–153.
13. Липинский Д.А. Макроуровень института юридической ответственности // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 1. С. 25–44.
14. Машанов Д.А. Цели административно-правового регулирования участия государства в договорных отношениях // *Административное право и процесс*. 2017. № 4. С. 80–84.
15. Маштаков И.В. Проблемы теории правонарушения. Самара: Самар. гуманит. акад., 2005. 160 с.
16. Зырянов С.М. Административная ответственность в системе публично-правовой ответственности // *Журнал российского права*. 2014. № 1. С. 15–22.
17. Маликова Н. ВС РФ о мошенничестве и растрате // *ЭЖ-Юрист*. 2017. № 49. С. 3–5.
18. Погосова З.М. Соотношение уголовного и гражданского права в доктрине США: институт punitive sanctions // *Закон*. 2013. № 8. С. 79–88.
19. Mill J.S. *Collected Works of John Stuart Mill*. Vol. 33. Toronto: University of Toronto Press, 1963–1991. 321 p.
20. Wertheimer A. Liberty, coercion and the limits in the state // *The Blackwell Guide to social and political philosophy*. Oxford: Blackwell, 2002. P. 49–52.
21. Van Mill D. Freedom of Speech // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2018. URL: plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/freedom-speech/.
22. Stanton-lfe J. The Limits of Law // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2016. URL: plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/law-limits/.
23. Dworkin G. Paternalism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2020. URL: plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/paternalism/.
24. Рябов А.А. Влияние гражданского права на налоговые отношения (доктрина, толкование, практика). М.: НОРМА, 2014. 224 с.

REFERENCES

1. Vetrova A.A. The concept and essence of civil liability. *Filosofiya prava*, 2013, no. 3, pp. 22–24.
2. Raydla Yu.E. The issues of civil legal liability. *Yuridicheskaya otvetstvennost: problem i perspektivy: trudy po pravovedeniyu*. Tartu, TartGU Publ., 1989, pp. 52–62.
3. Krasheninnikov E.A. The concept of civil liability. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, 2012, no. 5, pp. 6–11.
4. Kabanova I.E. On the issue of the place of legal regulations on civil liability of the public entities and their officials in the Russian law system. *Grazhdanskoe pravo*, 2014, no. 2, pp. 12–17.
5. Bashlakov-Nikolaev I.V. *Otvetstvennost organov vlasti i ikh dolzhnostnykh lits v sfere zashchity konkurentsii* [Responsibility of governing institutions and their pub-

- lic officials in the sphere of competition protection]. Moscow, Statut Publ., 2014. 111 p.
6. Bazylev B.T. *Yuridicheskaya otvetstvennost* [Legal liability]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy un-t Publ., 1985. 120 p.
 7. Chuklova E.V. Place of the institution of procedural responsibility in the legal system. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2019, no. 3, pp. 6–15.
 8. Tsyurina N.V. A legal responsibility as an institute of law. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*, 2013, no. 1, pp. 29–34.
 9. Lipinskiy D.A., Chuklova E.V. Procedural responsibility as an institution of law. *Vestnik grazhdanskogo protsesssa*, 2016, no. 4, pp. 33–51.
 10. Mozolin V.P. Civil legal liability in the system of Russian law. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2012, no. 1, pp. 33–40.
 11. Maskaeva I.I. Indemnification problems, caused by actions (inaction) or decisions of government bodies and their public officials within administrative process. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2016, no. 4, pp. 123–147.
 12. Fedorova E.V. The place of rules on responsibility for damage caused by acts of the judiciary in the administration of justice in the Russian law system. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2013, no. 1, pp. 145–153.
 13. Lipinskiy D.A. Macro level of the institution of legal responsibility. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2019, no. 1, pp. 25–44.
 14. Mashanov D.A. Objectives of administrative and legal regulation of state participation in contractual relations. *Administrativnoe pravo i protsess*, 2017, no. 4, pp. 80–84.
 15. Mashtakov I.V. *Problemy teorii pravonarusheniya* [The problems of theory of legal offence]. Samara, Samar. gumanit. akad. Publ., 2005. 160 p.
 16. Zyryanov S.M. Administrative liability in the system of public private responsibility. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2014, no. 1, pp. 15–22.
 17. Malikova N. SC of the RF about the fraud and misapplication. *EZh-Yurist*, 2017, no. 49, pp. 3–5.
 18. Pogosova Z.M. The interrelation of criminal and civil law in the USA doctrine: punitive sanctions institute. *Zakon*, 2013, no. 8, pp. 79–88.
 19. Mill J.S. *Collected Works of John Stuart Mill*. Toronto, University of Toronto Press Publ., 1963–1991. Vol. 33, 321 p.
 20. Wertheimer A. Liberty, coercion and the limits in the state. *The Blackwell Guide to social and political philosophy*. Oxford, Blackwell Publ., 2002, pp. 49–52.
 21. Van Mill D. Freedom of Speech. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2018.
URL: plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/freedom-speech/.
 22. Stanton-Ife J. The Limits of Law. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2016.
URL: plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/law-limits/.
 23. Dworkin G. Paternalism. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2020.
URL: plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/paternalism/.
 24. Ryabov A.A. *Vliyanie grazhdanskogo prava na nalogovye otnosheniya (doktrina, tolkovanie, praktika)* [The influence of civil law on fiscal relations (doctrine, interpretation, practice)]. Moscow, NORMA Publ., 2014. 224 p.

CIVIL LIABILITY INSTITUTE IN THE SYSTEM OF LAW AND THE SYSTEM OF LEGAL RESPONSIBILITY

© 2020

E.V. Chuklova, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Business and Labor Law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: legal responsibility; civil liability; coordination relations; genetic relations; subordination relations; criminal responsibility; legal system.

Abstract: Disputes on the definition of the legal nature of civil liability, its place in the legal system and the system of legal responsibility, have been conducted in domestic law for a long time, but they are still acute. The prevailing position regarding the place of civil liability in the system of law is to classify this institution as private law. The paper studies the relations between the norms of civil liability institutions and the criminal law norms that are aimed at protecting civil law relations and shows their interaction with classical civil liability. The study reveals the coordination, subordination, and genetic links of the civil liability institute with other elements of the legal system. The definition of genetic links is based on the process of formation and separation of branches of law. The author studies the geometrical regularity characterizing coordination links and notes the existence of subordination links. Within the frames of the study, the author proves that the institute of civil liability cannot be exactly classified as an institute of private law. The analysis of judicial practice showed as well the impossibility to classify the civil liability institution as a civil institution. As a result of the study, the author concludes that civil liability institute has complex coordination links with other branches of law expressed in the use of general terms, concepts, and categories. Subordination relationships are manifested in the existence of a hierarchy both between civil liability measures within one normative legal act and liability measures established in the norms of other liability institutions. Genetic relationships reveal the common origin of structural entities included in the civil liability institution.

НАШИ АВТОРЫ

Александров Илья Андреевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Конституционное и административное право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: (8482) 53-93-95

E-mail: alexandrovIlya88@mail.ru

Ангипова Наталья Фаритовна, преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: angipowa@yandex.ru

Данилина Наиля Журабековна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-93-65

E-mail: nailyaulabka@gmail.com

Дементьева Татьяна Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: dementevata@yandex.ru

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-93-65

E-mail: dvk159@mail.ru

Дюк Кристина Ивановна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.

Тел.: (8482) 53-94-17

E-mail: kristinadyuk@yandex.ru

Закомолдин Руслан Валериевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-93-65

E-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru

Инганнаморте Леонардо Аурелио, студент 1-го курса магистратуры.

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: +7 995 966-91-92

E-mail: ingannamorte.leonardo@gmail.com

Лебедев Захар Сергеевич, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тел.: +7 917 151-82-72

E-mail: lebedev.zakon@gmail.com

Мещерякова Юлия Олеговна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-93-65

E-mail: Julia.maksimikhina@legalclinic.ru

Мычак Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 53-94-17
E-mail: mychak_tatyana@mail.ru

Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 53-93-65
E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Стародубова Людмила Валериевна, старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
Тел.: +7 927 616-58-99
E-mail: starodubova72@bk.ru

Тахаутдинова Алия Рахимзяновна, федеральный судья в отставке, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 53-94-17
E-mail: moya_karamalka@mail.ru

Чуклова Елена Валериевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
Тел.: (8482) 53-94-11
E-mail: elenachuklova@mail.ru

OUR AUTHORS

Aleksandrov Ilya Andreevich, PhD (Law), assistant professor of Chair “Constitutional and Administrative Law”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-93-95
E-mail: alexandrovIlya88@mail.ru

Angipova Natalia Faritovna, lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: angipowa@yandex.ru

Chuklova Elena Valerievna, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Business and Labor Law”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-94-11
E-mail: elenachuklova@mail.ru

Danilina Nailya Zhurabekovna, senior lecturer of Chair of Criminal Law and Procedure.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-93-65
E-mail: nailyaulabka@gmail.com

Dementieva Tatyana Yurievna, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: dementevata@yandex.ru

Duyunov Vladimir Kuzmich, Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-93-65
E-mail: dvk159@mail.ru

Dyuk Kristina Ivanovna, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-94-17
E-mail: kristinadyuk@yandex.ru

Ingannamorte Leonardo Aurelio, postgraduate student.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: +7 995 966-91-92
E-mail: ingannamorte.leonardo@gmail.com

Lebedev Zakhar Sergeevich, postgraduate student of Chair of Criminal Procedure and Criminology.
Address: Academician S.P. Korolev Samara National Research University,
443086, Russia, Samara, Moskovskoye Shosse Street, 34.
Tel.: +7 917 151-82-72
E-mail: lebedev.zakon@gmail.com

Meshcheryakova Yulia Olegovna, PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal Law and Procedure.
Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: (8482) 53-93-65
E-mail: Julia.maksimikhina@legalclinic.ru

Mychak Tatyana Vladimirovna, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-94-17
E-mail: mychak_tatyana@mail.ru

Savelyeva Olga Yurievna, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair of Criminal Law and Process.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-93-65
E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Starodubova Lyudmila Valerievna, senior lecturer of Chair “Civil Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
Tel.: +7 927 616-58-99
E-mail: starodubova72@bk.ru

Takhautdinova Aliya Rakhimzyanovna, retired Federal judge, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-94-17
E-mail: moya_karamalka@mail.ru

Zakomoldin Ruslan Valerievich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
Tel.: (8482) 53-93-65
E-mail: rus.zackomoldin@yandex.ru